

Сергей Муратов

**Я ДУМАЮ,
ТЫ ДУМАЕШЬ...**

Москва 2012

ББК 76.01
УДК 070
М91

Муратов С. А.

М91 Я думаю, ты думаешь. – М.: МедиаМир, 2012. – 176 с.

ISBN 978-5-91177-041-9

Эта книга о телевидении и о многом другом. А можно сказать иначе – о многом другом и о телевидении. Наши домашние экраны связаны со всем, что происходит сегодня в мире. Собственно, обо всем, что происходит в мире, мы и узнаем при помощи телевидения. Возможно, эти эссе помогут и вашим размышлениям о чудо-феномене, как считают одни, или о чудовище, о зомби-ящике, как полагают другие.

ББК 76.01
УДК 070

ISBN 978-5-91177-041-9

© Муратов С. А., 2012
© МедиаМир, 2012

ЧТО-ТО ВРОДЕ ПРОЛОГА

Эта книга о телевидении и о многом другом.

А можно сказать иначе – о многом другом и о телевидении.

Наши домашние экраны связаны со всем, что происходит сегодня в мире. Собственно, обо всем, что происходит в мире, мы и узнаем при помощи телевидения.

В этой книге – ворох разных суждений и рассуждений, в разные годы приходивших в голову автору. Какие-то из них, возможно, помогут и вашим размышлениям об этом чудо-феномене, как считают одни, или о чудовище (зомби-ящике), как полагают другие.

Начинать читать эту книгу можно с любой главы, которые хотя и соотносятся между собой, но не в логике все более глубокого погружения, когда последующее вытекает из предыдущего.

Так что право выбора за самим читателем.

**ЭТЮДЫ
ОБ ОБЫДЕННОМ
СОЗНАНИИ**

ПСИХОЛОГИЯ ПОЧЕМУЧЕК

*Спросили мудреца: «У кого ты учился мудрости?
Каким образом так преуспел в знаниях?» –
«Я не стыдился спрашивать», – ответил мудрец.
Саади. «Розовый сад»*

В 1960-е годы «Литературная газета» едва ли не первой в стране решилась публиковать полемику и дискуссии. Многие читатели просто глазам не верили – как можно утверждать сегодня одно, а завтра другое? Еще большую озадаченность вызывала манера публиковать два противоположных мнения на одной странице. Раздраженные письма обрушились на газету: почему редакция устраняется от необходимости заключения – кто же прав? Не могут же сразу быть правыми обе стороны. Бессовестно оставлять нас наедине с неотвеченными вопросами!

Но такая реакция лишь свидетельствовала, насколько тогдашнее общественное сознание отставало от сознания любого ребенка – от его потребности озадачиваться вопросами.

«Мама, зачем в каждую черешню кладут косточку? Ведь косточки все равно надо выбрасывать?» Ничего нет легче, чем привычно подтрунивать над этим ребяческим простодушием. Но в таком простодушии – своя логика. Свое представление о реальности. Малыш и не думает прибегать к сравнениям, когда сообщает, что у папы «брюки нахмурились», или горестно вскрикивает при виде деревьев в тумане: «Мама, смотри, лес заблудился!». В глазах ребенка не существует ничего неодушевленного, а наша взрослая жизнь исполнена многих странностей. Ребенок еще не расстался с чудесным даром озадачиваться решительно всем, что его окружает. Почему подпрыгивает мячик?.. Почему в сыре дырки?.. Кто придумал яблоко?.. Что я делаю, когда думаю?

Откуда же эта умственная отвага неведения, свойственная маленьким исследователям жизни, которые еще не знают «не-

знания» и твердо уверены, что любое явление в мире должно тотчас получить свое объяснение? Вопросы липнут к их мыслям, как земля – к лопате садовника. Домашний бестселлер «От двух до пяти» Корнея Чуковского выдержал десятки изданий.

Ответить на такие вопросы совсем не просто. (Каждый взрослый это знает на собственном опыте.) И не оттого ли мы так охотно спешим их зачислить в разряд «наивных»: маленькие дети – это маленькие способности, незрелые мысли, недоразвитые вопросы. (Так сказать, недомысли, недоспособности, недопросы.) Хорошо отлаженный механизм самозащиты вырабатывает неограниченные запасы спасительного пренебрежения к целой части народа, которой мы милостиво позволяем путаться под ногами, едва достаивая ответами и возмещая их отсутствием наигранным умилением. Слепая самонадеянность! Нам не приходит в голову, что наши дети не только учатся жить, но уже живут, и если досаждают своей пытливостью, то и сами не менее устают от нашей клинической непонятливости или опостылевших комплиментов. «Эти их ласковые словечки, поглаживания, потискивания и похлопывания, эта их фамильярность, бессмысленные вопросы, смех непонятно над чем... Конфузясь, ребенок ждет, когда же все это кончится», – саркастически описывал подобные ситуации Януш Корчак, горячо убежденный, что мыслей у детей не меньше и они не беднее и не хуже, чем у взрослых, только они другие¹.

Мы посмеиваемся над святой убежденностью карапуза, что лодырь – тот, кто делает лодки, а мельница – жена мельника. Но куда исчезает наша амбиция, когда мы слышим: «Вот ты говоришь близорукий. При чем тут руки? Надо говорить близоглазый», или «Разве правильно: ногти? Ногти у нас на ногах. А которые на руках – это рукти!». Дети – прирожденные этимологи. Им свойственно интуитивное ощущение логики языка. «С двух лет каждый ребенок становится гениальным лингвистом, а к пяти-шести годам эту гениальность утрачивает...», – считал К. Чуковский. – У взрослого лопнул бы череп, если бы ему пришлось в такое малое время усвоить то множество грамматических форм, которое способен усвоить двухлетний

¹ Корчак Я. Как любить детей. – М., 1968. – С. 59-60.

Почему в сыре дырки?

лингвист. Но еще изумительнее беспримерная легкость, с которой он этот труд выполняет»².

Догадку о том, что каждый ребенок – гений, пока остается ребенком, высказывали Конфуций и Гете, Руссо и Толстой. В наши дни их прозрения начинают находить свое подтверждение в многочисленных педагогических экспериментах.

К пяти годам, полагал Л. Толстой, человек уже приобретает половину своего умственного развития. Все, что мы знаем до пяти лет, считала М. Цветаева, мы знаем навсегда, но и то, чего мы не знаем до пяти лет, мы тоже не знаем навсегда.

Впрочем, по мнению некоторых ученых, человек проходит полпути своего умственного развития уже к трем годам. Три года – точка равновесия между взрослостью и рождением. С этим возрастом соотносится и тот «взрыв творчества», проявления которого мы наблюдаем в рисунках, рассказах, игре и вопросах. Так что воспоминания о детстве – не столько ностальгия по прошлому, сколько тоска о несостоявшемся будущем.

Легче сделать людей из детей, чем детей из людей.

ПОЧЕМУ В СЫРЕ ДЫРКИ?

От трех месяцев до года любой ребенок производит количество звуков, превышающее фонетические возможности всех человеческих языков. Этот период крика и лепета, по выражению психологов, – каменоломня драгоценных вокальных россыпей. Взрослея, мы сохраняем умение воспроизводить лишь те акустические частоты, которые приняты в рамках родного нам языка. Остальное артикуляционное богатство так и остается невостребованным и со временем нами утрачивается. Но разве не то же самое происходит и с эйдетической («фотографической») памятью, свойственной детям до трехлетнего возраста, или способностью удерживаться на воде, присущей всем новорожденным в течение первых полутора месяцев жизни? Как же тут себе не задать вопрос: не поддерживая и не развивая этой врожденной способности «плавать», не учим ли мы тонуть?

² Чуковский К. Сочинения: В 2 т. – Т. 1. – М., 1990. – С. 84-85.

Сергей Муратов

Нашими вечными «отстань!» и «не задавай нелепых вопросов!» мы изводим детскую любознательность с постоянством, достойным лучшего применения. Позволяя себе испытывать превосходство перед ребенком исключительно по той лишь причине, что «знаем больше», культивируем собственное невежество. В своем чудовищном самообольщении не допускаем и тени сомнения, что преимущества эти могут быть относительны. Между тем ощущения пространства и времени у детей, как показывают исследования, куда ближе к эйнштейновскому, нежели к ньютоновскому мировосприятию, приобретенному нами в школе. И если навыки прививают, а способности развивают, педагогическая мудрость состоит, надо думать, в том, чтобы не путать одно с другим. Кому у кого учиться? – вопрос далеко не азбучный, равно как и проблема – чему учиться? «Кому у кого учиться писать – крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» – знаменитое выступление Льва Толстого напрямую касается той же темы.

Кому у кого учиться спрашивать?

«Почему в сыре дырки?», «Почему мыло мыльное?», «Почему сахар сладкий, а море соленое?». Изнемогшие от вопросов родители, чтобы отделаться, отвечают – море соленое потому, что в нем плавают селетки. Малыш умолкает, но если, окончив школу и не окончательно разучившись задаваться вопросами, он снова спросит, почему же оно соленое, то с удивлением обнаружит, что современная наука пока не имеет ответа на этот вопрос. В самом деле, вода в ином водоеме, который и морем назвать неловко, почему-то соленая, а в озере Байкал, размером в море, она идеально пресная!

Как умудрялись древние греки, не знакомые с современными математическими расчетами, придавать погребальным урнам совершенно овальную форму? Любознательному подростку, задавшемуся этим вопросом и ни у кого не сумевшего получить объяснения, пришлось над ответом задуматься самому. Так явилось на свет первое научное сочинение Джеймса Максвелла. В то время ему было четырнадцать лет.

Его не менее пытливый предшественник как-то за завтраком обратил внимание, что если постучать по фаянсовому блюду ножом, а потом приложить к нему палец, то звук исчеза-

ет. Куда? Случайное наблюдение привело к первому научному исследованию двенадцатилетнего Блеза Паскаля.

Эти поучительные «штрихи к портрету» опубликовал в свое время наш талантливый автор научной публицистики Ярослав Голованов. Я не говорю уже о совершенно смехотворном вопросе шестнадцатилетнего гимназиста: что случится, если помчаться, сломя голову, за лучом фонарика с такой быстротой, чтоб суметь догнать его? Разгадку на свой вопрос он «догнал» через десять лет, уже будучи техническим экспертом третьего класса в швейцарском бюро патентов и ломая голову над гимназической задачей в свободное от работы время. Изложенный на 30 страницах и появившийся в специальном журнале «Анналы физики» ответ произвел столь бурное смятение в ученом мире, что многие не успели придти в себя до сих пор. Не отсюда ли известное выражение: теорию относительности нельзя объяснить, к ней надо привыкнуть. (Сорок лет спустя рукопись статьи, переписанная автором от руки, была приобретена Библиотекой Конгресса в Вашингтоне за 6 миллионов долларов.) «Дети отличаются от взрослых прежде всего тем, что они не потеряли способности удивляться», – утверждал впоследствии создатель этой более чем безумной теории.

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ НЕОБУЧЕНИЕ

Впрочем, в наши дни говорить о сходстве между учеными и детьми — высказывать очевидные тривиальности. Ученый обречен быть вечным интервьюером, на чьи вопросы никто не в силах ответить, кроме самой природы. Она же столь не расположена к откровенности, что зачастую мы даже не знаем, чего же именно мы не знаем. «Любого человека, будь то студент, будь то школьник, надо вводить в науку не сообщением ему готовых понятий... а прежде всего через понимание тех вопросов, ради решения которых человечество данную науку изобрело, — утверждал философ Э. Ильенков. — Педант преподаватель, вся деятельность коего сводится к тому, что он внушает своим ученикам "готовые ответы", готовые схемы... тем самым не только не развивает в своих учениках ума, но и спо-

Сергей Муратов

собствует тому, чтобы этот ум заснул, атрофировался и там, где он уже независимо от него существует. Тем самым педант осуществляет не воспитание мыслящих людей, а занимается расширенным воспроизводством нового поколения педантов»³.

Сегодняшний педант – продукт современной школы (очень хотелось бы написать – «вчерашней»). Эта школа не обучает своих питомцев ставить вопросы (напротив, окончательно отучает от этой дурной привычки). Зато способствует овладению древним искусством отвечать по учебнику. За такое умение преподаватели, собственно, и ставят оценки – тем выше, чем ближе они к ответам в самом учебнике.

Догматизм школьных учебников (хотелось бы снова сказать – вчерашних) в том и заключается, что они представляют собою сборники готовых ответов. Такой подход убивает в ребенке интервьюера, будущего ученого, да и просто мыслящего человека.

«Какой учебник лучше – где все понятно?» – «Нет». – «Где все непонятно?» – «Тоже нет». – «Тогда какой же?» – «Где понятно, но возникают вопросы».

Многочисленные упреки в адрес нынешней школы сводятся именно к тому, что, поощряя послушание в ущерб любознательности, она отучает детей задавать вопросы. Вместо увлечения процессом познания дети учатся тому, как сообразить, чего от них хочет преподаватель. «Принудительное не-обучение», «Кризис в классе». «Обучение как подрывная деятельность» – типичные названия зарубежных монографий, посвященных этой большой проблеме.

Новые методики обучения стремятся вовлечь ученика в сам процесс добывания знаний. Традиционная школа приучает детей отвечать. Школа развития (пока еще экспериментальная) – спрашивать. Первый тип школы рассчитан на учебники без противоречий. Второй – на встречу с такими вопросами.

Социальная психология, к примеру, стоит на стыке двух дисциплин – психологии и социологии. И на стыке соответственно

³ Ильенков Э. В. Дидактика и диалектика // Вопросы философии. – 1974. – № 2. – С. 75–79.

Постановка вопроса о постановке вопроса

двух подходов к не так давно образованному гибриду. Но по какому же учебнику обучать молодых людей, мечтающих овладеть все более популярной наукой? Педагоги «развивающей школы» предлагают студентам сразу оба учебника – один описывает предмет с точки зрения психологов, другой – с точки зрения социологов.

«Разумеется, если бы я во всех деталях знал, как надо учить истории, я, наверное, был бы уже нобелевским лауреатом», – признается на страницах «Родительского собрания» Алексей Венедиктов, главный редактор радиостанции «Эхо Москвы». По образованию школьный учитель истории убежден, что сегодняшнее преподавание и печатные пособия безнадежно отстали от жизни, заставляя ученика запоминать необходимое количество дат, имен, должностей вместо того, чтобы учить разбираться в исторических процессах. «Если, условно говоря, на Лжедмитрия есть разные точки зрения Костомарова, Татищева, Ключевского и академика Рыбакова, значит, нужно излагать их, побуждая ребенка сравнивать, искать ошибки и делать вывод».

Исследуя историю, человек исследует мир.

Одно дело, предложить учащимся на уроке литературы перечислить отличия в образах Чацкого и Молчалина, и совсем другое – найти между ними сходство. Одно дело спросить у москвича, где расположен Большой театр, и совсем другое – на каком берегу Москвы-реки этот театр находится? В таком вопросе заложен уже детонатор ответа. Прежде, чем ответить своему собеседнику, приходится ответить себе самому.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

... **В** 1749 году Дижонская Академия наук объявила конкурсную тему для всех желающих: *способствует ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?* Благодаря этому конкурсу возшла, как известно, звезда Жан Жака Руссо. Уже будучи известным писателем, он принял участие и в следующем конкурсе академии: *отчего произошло неравенство между людьми и оправдывается ли оно естественным зако-*

Сергей Муратов

ном? Из размышлений, представленных соискателем, вырос впоследствии его «Общественный договор».

Умение правильно поставить вопрос, считают ученые, – половина успеха. Главное задать его так, чтобы он имел смысл. «Вы – наглец! Все еще продолжаете утверждать, что земля у нас круглая. Но тогда объясните, почему наши сородичи с той стороны не падают вниз? И вообще, как они ходят там вниз головой?». Когда-то этот коронный вопрос казался само собой разумеющимся. И только после того, как человечество додумалось до таких «глупых» вопросов как – что такое «верх», что такое «низ» и куда вообще «падают тела», – он представляется нам нелепым.

Мы перерастаем вопросы, на которые нет ответа потому, что они неверно поставлены.

Впрочем, привычное детское «почему» не всегда означает, что ребенку необходимо услышать подлинные причины. «Почему после дня непременно приходит ночь?» Можно, разумеется, рассказать о вращении Земли вокруг Солнца. Но гораздо больше ребенок обрадуется ответу «чтобы люди ложились спать». Такой ответ соответствует уже усвоенной им системе понятий. Как и ответ на вопрос первоклассника «Почему море соленое?» («Потому что в нем плавают селедки»).

Когда на традиционный вопрос трехлетней малютки «откуда берутся дети?» ее интеллектуальные родители, дабы не засорять детское сознание мифами про аиста или капусту, попытались со всей возможной популярностью объяснить своей дочке процесс деторождения, та ходила дня два с выражением хранительницы заповедной тайны. На третий день ее терпение было исчерпано, и она вернулась к истории с аистом.

С возрастом мы перерастаем представления о мире, которые оказываются нам малы.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ И ДЕТИ ПРИРОДЫ

Но если любознательность сегодняшнего ребенка и его талант озадачиваться решительно всем, что его окружает, как правило, намного опережает те же способности у взрослого человека, то отчего не предположить, что эти качества еще

Первобытные люди и дети природы

более ярко были выражены у наших далеких предков. Многие исследователи полагают, что секреты первобытного мышления и современной детской психики открываются одним и тем же ключом. Не говоря уже о массовом представлении: первобытные люди – дети природы, свободные от одежд и условностей.

Знакомство с реальностью разрушает эту иллюзию.

Если свобода от некоторых элементов нашей привычной одежды и в самом деле наглядна и объясняется жарким климатом в южных странах, то количество условностей в древнем мире несопоставимо с нынешним. В четырехтомной «Золотой ветви» Д. Фрезера один из томов целиком посвящен запретам в области житейского поведения. Например, табу на некоторые виды пищи. Преступлением считалось после себя оставлять объедки (неплохо было бы рекомендовать нынешним туристам). Табу на обрезание волос и ногтей, на показ своего лица или на возможность увидеть лицо вождя в тот момент, когда он ест или пьет (это грозило смертью и вождю, и тому, кто видел). Поэтому, когда вождь пил в толпе, все присутствующие падали лицом вниз. Некоторые африканские племена испытывали смертельный страх перед исчезновением тени. В полдень туземцы не выходили из хижин. Ночью было не страшно – тени отдыхали и набирались сил. Это было видно по утрам – они становились длинными и могучими.

Французский этнограф и философ Леви-Брюль объяснял такие привычки законом партиципации – своего рода мистической сопричастности. Когда роженица собиралась рожать, чтобы облегчить ее мучения, в доме развязывали все узлы, поднимали крышки ящиков и горшков, откупоривали бутылки, отвязывали лодки, вынимали затычки из бочек и стрелы из колчана. Закон сопричастности охватывал все живое и всю природу. Собственно, ничего неживого не было. Камни, растения, птицы и лесные тропинки в этом царстве имели душу и были такими же живыми существами, как и люди. Срубая дуб, у него просили прощения, а с гвоздичным деревом в цвету обращались как с беременной женщиной – старались не шуметь и не испугать, чтобы оно не разрешилось преждевременными родами раньше срока. Сегодняшний наш мир по сравнению с прошлым не обезбожен – он обездушен.

Пожалуй, только вера в одушевленность мира и сближает это сознание с восприятием нынешнего ребенка.

В первобытном сознании жила идея универсального родства. В роли теперешнего бюро прогнозов выступали знахари, молящие природу о снисхождении, например, заклинатели дождя. Перед рыбной охотой заклинатель обращался к рыбам с речью – упрашивал их добровольно ловиться в сети. Это было не столько простодушие, поясняют исследователи, сколько житейская хитрость – не наивность, а скорее расчет.

Туземцу, обитавшему в «донаучном» мире, был неведом наш теперешний дух пытливости и сомнения. Ответы на все загадки природы уже наперед содержались в преданьях и мифах, служивших учебниками истории и природоведения. В тогдашнем обществе не было места для «почемучек». Туземец знал все. Если в вашу хижину ударяла молния, значит, виноват был сосед, завидовавший вашему благосостоянию. Если талисман от стрел не спасал от стрел, знахарь объяснял, что искусный колдун-злоумышленник изготовил противоталисман.

Местный (а то и верховный) колдун извлекал сомнения как занозы, чтобы не было заражения мыслей. Всегда можно было истолковать любое явление с пользой для веры. Гораздо легче жить в мире, где все понятно и объяснимо.

Когда наступало солнечное затмение, людям следовало немедленно выбегать на улицы (эта вера существовала еще многие тысячелетия), громко кричать и стучать во все предметы, которые издавали звук. Одним словом, производить как можно больше шума. И что бы вы думали? Помогало!

Туземное сознание не знало противоречий. Оно не просто их отвергало, не оставляя для себя никаких возможностей над ними задуматься. Они для него в этом мире вообще не существовали, Такое сознание оставалось непроницаемым. Леви-Брюль называл это мышление – «пралогическим» или «дологическим».

Самое парадоксальное, что такой тип мышления существует и в наше время. Как составной и неотъемлемый элемент массового или обыденного сознания. И таким образом таится в любом из нас, как инстинктивный страх перед всяким противоречием.

ТОТ, КТО ПОСТОЯННО ЯСЕН...

Для обиденного сознания встреча с противоречием – катастрофа. Мы боимся противоречий, как вида пропасти. Воспринимаем фразу «Вы сами себе противоречите» как серьезное обвинение. Уличаем оппонентов в противоречиях, как преступников, поскольку противоречие – смертный грех. Но природа не знает греха, хотя состоит из противоречий.

Хрестоматийный пример – трехвековая дискуссия в стане физиков о природе света. Что такое свет – частица или волна? В XVIII веке торжествуют ньютоновские корпускулы (то есть частицы), в XIX верх берет волновая теория Гюйгенса, но в XX – Эйнштейн обнаруживает у волн свойства частиц, а де Бройль у частиц – свойства волн. Выходит, свет – и волна и частица одновременно? Да, это именно так и есть – альтернативные теории могут быть одинаково правомерны. Так снимает нелепость конфликта *принцип дополнительности*, предложенный Нильсом Бором. И это зависит не от противоположности взглядов ученых на природу света, а от двойной природы самой материи. Никто здесь не «поступается принципами».

Это был новый подход к восприятию мира. «Каждое высказанное мною суждение надо понимать не как утверждение, а как вопрос», – говорил осторожный Бор. «Что дополнительно понятию истины? – Ясность».

ОДНО МГНОВЕНИЕ ТОРЖЕСТВА

«Почему светит солнце?», «Как устроена память?», «Для чего мы спим?» – вот характерные заголовки разделов опубликованной в Англии «Энциклопедии незнания», своего рода собрания белых пятен науки. Среди авторов этой книги – десятки крупнейших ученых, в том числе и нобелевских лауреатов.

Ничего подобного невозможно себе представить на ранней стадии человечества. Мифологическое сознание исключает сомнение, оно с ним не уживается, как огонь не уживается

Сергей Муратов

с мерзлотой. Собственно, ответ на вопрос «так что же возникло раньше – предрассудки или сомнения?» заключается в самом слове – пред-рассудок.

Сомнение есть продукт культуры.

Однако предрассудки нынешнего массового сознания, которых ничуть не меньше, чем в архаичных обществах, вовсе не выглядят в наших глазах предрассудками. Попробуйте-ка найти среди нас желающих согласиться свою «правду» признать легендой («не могу поступиться принципами!»). Мы готовы держать круговую оборону, совершая ответные боевые действия против всех, на чьих знаменах начертано слово «сомнение».

Каковы же способы этой обороны?

Математик Александр Гумбольдт однажды упомянул о трех стадиях отношения к истине. Первая из этих, хорошо нам известных, стадий – «Какая чушь!». Вторая звучит тоже довольно кратко – «А в этом что-то, пожалуй, есть...». Третья не уступает (если не превосходит) двум первым категоричностью – «Кто же этого не знает!».

В свое время догадка о том, что не Солнце ходит вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца, была встречена единодушным «Какая чушь!». Как и предположение – человек способен летать как птица! «Какая чушь!» – это детство или даже младенчество истины. Когда она еще барахтается в пеленках. «В этом что-то есть...» – вот начало и вступление в фазу зрелости. «А кто же этого не знает!» – ее глубокая старость и немощность. Можно сказать, почти предсмертное состояние. Хотя оно может длиться до бесконечности.

Всякое порождение человеческой мысли сохраняет ценность до той поры, пока не становится обязательным и не претендует на гегемонию. Безграничная вера в универсальность новой идеи дискредитирует успешнее, чем прежнее недоверие. Достаточно вспомнить о судьбе кукурузы, внедряемой при Хрущеве. Борьтесь с молодежным жаргоном, попирающим нормы могучего и великого языка, что с каждым поколением пытаются делать российские чиновники от образования, – все равно, что ненавистный сорняк поливать из лейки.

Екатерина II, решившая запретить входившие в моду наряды, заимствованные у Французской революции, и пони-

«Сам Толстой сказал...»

мавшая, что бороться с модой приказами бесполезно, велела одеть в такие наряды всех петербургских будочников – уличных полицейских. Российские франты дрогнули.

Хотите бороться с новым учением, советуют опытные политики, – не критикуйте, а возведите это учение в догму. «Истина рождается как ересь, а умирает как предрассудок», – формулировал ту же закономерность Гете.

Чем объясняется нетерпимость массового сознания? Тем, что оно оперирует только бесспорными постулатами. «Какая чушь» и «Кто же этого не знает!» – его коронные аргументы. Иными словами, оно имеет дело либо с ранним младенчеством истины, либо с состоянием ее старческого маразма. А «В этом что-то есть» – доводом для массового сознания не является. В лучшем случае вызывает усмешку.

«Всякой истине суждено одно мгновение торжества – между бесконечностью, когда ее считают неверной, и бесконечностью, когда ее считают тривиальной».

А. Туанкаре

Добывание истины требует доказательств. Но у массового сознания существует на этот счет система собственных «доказательств», каждое из которых надежно перекрывает дорогу к истине. Это, так сказать, три линии обороны.

Остановимся на них поподробнее.

«САМ ТОЛСТОЙ СКАЗАЛ...»

Первая из них – ссылка на авторитеты. «Обращается ли Земля вокруг Солнца?» – в наши дни не основание для дискуссии, зато вопрос, «существует ли телепатия?» – предмет бесконечных споров. Собеседники выходят из себя, и причина, если разобраться на свежую голову, не столько в количестве приводимых примеров и даже не столько в их сомнительной достоверности, сколько в самой установке – «веришь – не веришь».

Автор этой книги не раз убеждался: когда он встречал фанатов телепатии и оккультных явлений, то тотчас испытывал ис-

Сергей Муратов

кушение опровергнуть их шаткие доводы. Но стоило встретить радикального скептика, как очень скоро я ловил себя на том, что бурно пытаюсь сокрушить неверие собеседника ссылками на мало кому известные высказывания Вернадского или Циолковского.

Участвуя в дискуссии «за» и «против» и призывая в свои защитники великие имена, мы как бы выносим за скобки то обстоятельство, что подлинное доказательство – достоверность самих аргументов «за» или аргументов «против», а вовсе не кто сказал «за» и не кто сказал «против».

«Еще Эйнштейн утверждал...», «Сам Толстой говорил...».

Эйнштейн ошибался в знаменитой дискуссии с Бором, называя квантовую механику неполноценной теорией. Как оказалось впоследствии, это было не более, чем частное мнение автора теории относительности. Как ошибался и Лев Толстой, называвший Шекспира весьма посредственным драматургом. («Какое грубое, пошлое и бессмысленное произведение "Гамлет"... Чем скорее люди освободятся от ложного восхваления Шекспира, тем будет лучше»). «Толстой не любит моих пьес, – признавался Чехов. – Он сказал: "Вы знаете, что я терпеть не могу Шекспира. Но ваши пьесы еще хуже..."».

«ВСЕ ТАК ДУМАЮТ...»

Еще один мнимый довод – количество голосов. Когда Кэтрин Райт позвонила редактору местной газеты, чтобы прочесть телеграмму, полученную от братьев совершивших первые три полета, тот лишь весело рассмеялся: «Меня на этом не проведете – математически доказано, что человек не может летать». В начале прошлого века Конгресс США категорически запретил субсидировать изобретателей, пытавшихся создать летательные аппараты тяжелее воздуха. Поскольку всем было известно, что такая возможность и такие попытки – бессмыслица. Но в том же году братья Райт впервые поднялись в воздух.

Уже после того, когда полеты стали обычным явлением, официальное мнение вслед за массовым все еще утверждало: почту по воздуху еще, может быть, повезут, пассажиров – никогда.

«Фантасты, которые хотят освещать улицы светящимся газом в трубках, – заявил за сто лет до этого английский физик Чарльз Уоллстон, узнав о попытках установления газовых фонарей в столице Британии, – могут с таким же успехом освещать Лондон куском Луны».

«Сообщение о швейной машине мистера Зингера из Америки – это смехотворный курьез» – отозвался председатель английской Гильдии портных Генри Тальбот в 1851 году.

Железнодорожное ведомство отвергло паровоз Стефенсона на том основании, что при больших скоростях колеса начнут скользить. Когда практика не подтвердила подобного довода, было тут же выдвинуто новое опасение: а смогут ли пассажиры выдержать столь высокие скорости? «Путешествие по рельсам на большой скорости совершенно невозможно, поскольку пассажиры не смогут дышать и умрут от удушья», – утверждал автор книги «Паровая машина с разъяснениями и картинками». После открытия железнодорожного сообщения Москва-Петербург не нашлось добровольцев, готовых купить билеты, чтобы за свои же деньги ехать в собственную могилу. Администрация решила возить бесплатно. Первые трое суток все пассажиры ездили даром.

Первые испытания парохода вызвали столь незначительный интерес у публики, что Фултон и Ливинстон вынуждены были сами писать отчеты в газетах.

Первые две тысячи холодильников «ЗИЛ», произведенные в нашей стране, где само слово «холодильник» отсутствовало в кухонной лексике, не могли продать три года.

Франклин не брал патент на изобретенный им громоотвод в надежде, что воспользоваться им может каждый. Но изобретение вызвало бурю ярости. Общеизвестно было, что «молния в руках провидения – орудие возмездия, поэтому грех этому противиться». Единственным безотказным способом считался издавна колокольный звон, отгонявший злых духов. В XVIII веке за 33 года молнией было убито 120 звонарей и разрушено 400 колоколен.

Циолковский, уже будучи признанным авторитетом, открыл «эффект воздушной подушки». Все сочли это полным абсурдом.

«Тот, кто логически доводит мысли до конца, совершенно не заботясь о последствиях, должен обладать исключительной,

Сергей Муратов

почти патологической конституцией, – не без основания заключал А. Сент-Дьерди. – Из таких людей выходят мученики, апостолы или ученые, а большинство из них кончают на костре или стуле – электрическом или академическом».

Если бы степень справедливости всегда и во всех случаях определялась бы только количеством голосов, то, вероятно, авиапассажиры перед каждым полетом сами выбирали себе голосованием пилотов и штурманов, а пациенты клиник большинством голосов назначали хирургов и главных врачей.

«Итак, большинством голосов при одном “против” Коперника вопрос о земле мы решили».

Андрей Кнышев

«Большинство – не довод, а насилие», – был уверен Герцен. Его вывод представляется особенно справедливым в сегодняшнюю эпоху рейтинга.

«Тирания большинства способна ущемить свободу личности не меньше, чем государство».

Джон Милль

ДА ВЕДЬ ЭТО ЖЕ ОЧЕВИДНО!

*«Хозяина Джек любил и жалел,
Что нет у него хвоста».*

Вера Инбер

Третья линия обороны – *свидетельство очевидности*. Точнее сказать, ослепление очевидностью. Что такое социология? Дорогостоящий способ убедиться в том, что и без того всем ясно. Кому не приходилось слышать (или даже внутренне разделять) подобную точку зрения? Выведенный из себя этим доводом, один известный ученый приводит результаты обследования, проведенного в американской армии. Оказалось, что:

- солдаты с более высоким образованием невротичнее их менее образованных товарищей;

- жители южных штатов лучше переносят тропический климат на островах Южного моря, чем северяне;
- рядовые белые активнее стремятся к выдвигению в офицеры, чем негры, лишенные честолюбия...

Спрашивается, зачем же затрачивать столько усилий и средств для выявления этих общеизвестных фактов (выводы комиссии подробно изложены в четырехтомном отчете)? Не лучше ли было бы принять их без доказательств? Возможно, и лучше, соглашается ученый, если бы не одно «но»...

Дело в том, что эти «общеизвестные» факты подсказаны здесь самим ученым. А на самом деле социологи выяснили, что в действительности как раз менее образованные солдаты оказались невротичнее своих интеллектуальных коллег, южане вовсе не обнаружили лучшей адаптации к островному климату Южного моря в сравнении с северянами, негры (а не белые) чаще стремились к повышению в звании... «Если бы мы с самого начала привели эти подлинные результаты исследования, читатель и их назвал бы "очевидными", – заключает американский социолог Поль Лазерфельд. – *Очевидно, что-то не в порядке с самим доводом очевидности*».

Коллективный народный опыт на протяжении тысячелетий со всей очевидностью убеждал, что Солнце ходит вокруг Земли. Люди каждый день убеждались в этом собственными глазами. Это было само собой разумеющимся. Обратная догадка казалась по меньшей мере безумием спятивших одиночек. Таких чудаков можно было встретить и в Древней Греции. Но в Средние века Коперник снова высказал ту же догадку и предложил коллегам взглянуть на мир, допустив при этом, что движутся не планеты, а наблюдатель. Его книга «Об обращении небесных светил» вышла в свет в год смерти автора. Труду было предпослано осторожное предисловие его учеников, советовавших читателям (ясно, каких читателей они прежде всего имели в виду) относиться к теории автора не более, как к своему роду игре ума⁴. Впрочем, дипломатия комментаторов книги Копер-

⁴ Математик Гаусс поступил еще осмотрительнее – открытые им независимо от Лобачевского принципы неевклидовой геометрии он не только отказался публиковать, но и запретил своим друзьям упоминать о них кому бы то ни было.

ника не спасла имени их учителя. Еще задолго до обнародования крамольной идеи книга была запрещена католической церковью для чтения и переиздания в течение двух столетий.

Пройдет чуть более полувека и 17 февраля 1600 года на Площади Цветов в Риме сожгут еще одного отступника, осмелившегося утверждать, что не только Земля – не центр мира (ересь Коперника), но и человеческий разум – рядовое явление во Вселенной. Наивно думать, что на протяжении семи лет церковники в римских застенках пытали Джордано Бруно, требуя, чтобы узник открыл и доверил им страшную тайну мироздания. Напротив, они добивались, чтобы он держал ее при себе, а не стремился обнародовать всему миру, как делал это в Швейцарии, Англии, Франции и Германии, где преподавал в университетах, то и дело вступая в полемику с оппонентами. Да и в момент сожжения не горстка инквизиторов злорадствовала вокруг костра. Злорадствовала как раз окружающая толпа, выкрикивая оскорбления нечестивцу и подбрасывая поленья в огонь, вполне заслуженный строптивым еретиком, вознамерившимся не только лишить нашу Землю центрального положения во Вселенной, но и оспорить неповторимость разума.

Лишь 342 года спустя протоколы инквизиции будут опубликованы, а сам Джордано окажется причисленным к лику святых. Оно и понятно – после смерти мы все святые.

ВСЕ РЕКИ ТЕКУТ НА СЕВЕР

Сокрушительному доводу «все так думают» равнозначен не менее сокрушительный – «само собой разумеется». Один из этих доводов всегда подразумевает другой. Вооруженные ими, мы легко избегаем столкновения с любыми проблемами, способными нас смутить. В этом смысле обыденное сознание «беспроблемно». Оно не выносит противоречий. Очевидное для него всегда наиболее вероятное, а «кто же этого не знает» и «все так думают» – наиболее неотразимые аргументы. Подобно первобытному мировосприятию – оно никогда не сомневается в том, что знает.

Слишком многое мы считаем само собой разумеющимся, например: «Волга впадает в Каспийское море» или «Нет правил без исключений». Не говоря уже о таком безусловном факте, что для продолжения нашего рода необходимо – как минимум – соединение двух противоположностей – мужчины и женщины. Но для географа, логика и антрополога даже эти утверждения относительны.

Ведь если «нет правил без исключений» – истина, то она тем самым становится правилом и, в силу этого предполагает свое исключение. Какое? Да то, что правила без исключения существуют. Трудно придумать более удачное опровержение исходного тезиса.

В свою очередь, географ имеет все основания усомниться, что в Каспийское море впадает Волга. А почему не Ока? Ведь до слияния с Волгой у Нижнего Новгорода Ока протяженнее, нежели Волга, а это значит, что окской воды в великой русской реке все-таки больше, чем волжской. Так что по всем географическим представлениям справедливее было бы считать Волгу притоком Оки, которая и впадает в Каспийское море.

Что касается третьего «само собой разумеющегося» довода, то всего еще 14 000 лет назад, с точки зрения туземцев, люди появлялись на свет по велению духов, и этот факт никакого отношения не имел к физической близости между полами. Стремясь избежать нежеланных детей, туземцы старательно обходили рощи, населенные плодовитыми духами.

Древние египтяне полагали, что все реки текут на север.

Слово «юг» означало – вверх по течению, а «север» – соответственно, вниз по течению. Каждый, кто думал иначе, объявлялся еретиком. Отказаться от этого убеждения их заставили лишь далекие путешествия за пределы своей империи. Существование Ефрата вызвало настоящее потрясение (как впоследствии у целого ряда физиков – квантовая механика).

Нетерпимость к инакомыслию – провинциализм мышления, не желающего путешествовать «за пределы» и расставаться с привычными понятиями о неизменной картине мира.

Не потому ли обыденное сознание беспроblemно, что никогда не сомневается в том, что знает.

Для него все реки текут на север.

НАМ УДОБНЕЕ ЖИТЬ НЕ В МИРЕ, КАКОВ ОН ЕСТЬ, А В МИРЕ, К КОТОРОМУ МЫ ПРИВЫКЛИ

Когда все три перечисленных довода – сила авторитета («он сам сказал»), количество голосов («все так думают») и «коллективный опыт» («да это же очевидно») совмещаются воедино, они образуют непоколебимый фундамент массового сознания – того самого, которое иногда называют «общественным мнением».

А общественное мнение может быть страшной силой.

Через 300 лет после сожжения Бруно на Площади Цветов в Риме в Парижском Дворце юстиции рассматривалась жалоба военного министра на литератора Эмиля Золя, 58 лет, за клевету и оскорбление с помощью печати. На улице, против дома, где жил писатель, возмущенные граждане под хохот и улюлюканье жгли его книги и комплекты газеты «Орор» с его статьями в защиту Дрейфуса. Дом писателя забросали бутылками с чернилами. Перед окнами сожгли его чучело. Топтали портрет. Было опубликовано публичное осуждение Академии.

Так описывает те дни литератор, публицист и юрист Аркадий Ваксберг. Полиция отказалась обеспечить личную безопасность Золя. Лишь немногие друзья, окружив его плотным кольцом, защищали писателя от разъяренной толпы. Трижды его избивали – наутро он невозмутимо являлся в суд с синяками и кровоподтеками. В его карету летели поленья и булыжники. Был выбит глаз у лошади, а у кучера переломана рука.

Все ходатайства защиты отклонялись. Золя был лишен возможности связно изложить свои доводы. И все же в самом конце, когда не оставалось даже малого сомнения в исходе дела. Золя произнес свою поистине бессмертную речь, которая навеки останется одной из вершин ораторского искусства.

Он говорил не для присяжных — для честных людей во всем мире. Он обращался к потомкам.

– Великая нация подвергается страшной опасности лишиться своей чести. Страна, в которой царит беззаконие, идет к гибели... Дрейфус невиновен, клянусь в этом... Пусть мои

Нам удобнее жить не в мире, каков он есть

творения погибнут, если Дрейфус виновен. Он невиновен. Все как будто против меня: обе палаты, гражданская власть, военная власть, крупные газеты, общественное мнение, которое они отравили. За меня только идея, идеал справедливости и человечности... Я не хотел допустить, чтобы моя страна пребывала во лжи и несправедливости. Меня могут здесь осудить. Но настанет день, когда Франция поблагодарит меня за то, что я помог ей спасти ее честь!

Семь раз на протяжении этой части речи секретарь записал в протоколе: «смех, шум, свист, возмущенные крики всего зала».

Но разве не такую же ярость толпы мы видели в хронике 1930-х годов (толпы, возбужденной горячечными выкриками прокурора Вышинского, вопли «Собаке собачья смерть!»). И разве менее злобными проклятиями рядовых читателей подвергались после известных постановлений ЦК КПСС Анна Ахматова, Михаил Зощенко или Борис Пастернак («Я не читал вашей книги, но...»)? А всенародные осуждения вейсманистов, морганистов и безродных космополитов («Вы – любители сыра рокфор...», – не скрывал своей ненависти отставной полковник в письме, опубликованном в «Литературной газете»). Взрывы возмущенного общественного мнения звучали каждый раз, когда произносились имена Синявского, Бродского, Солженицына или Сахарова.

Негодующий голос «народных судей» гремел и в более близкие времена.

«Я был шокирован... – выражал свой гнев в письме в «Известия» (копия – в КГБ) ленинградец Г. Бочеваров по поводу «грязного антисоветского шоу», организованного Филом Доухью и Владимиром Познером (речь шла о первых выпусках «Телемостов»). – Это благодаря их тщаниям и стараниям советская аудитория неизменно выглядит как стадо мокроносых телят перед нападающей на нее шайкой антисоветских и антирусских "обличителей"... Чья рука сделала Познера политическим обозревателем Гостелерадио СССР?» («Известия», 1987, 13 марта).

«Кто позволил американцу пытать что-то у советских людей? – вторил автор еще одного письма. – Все шло хорошо, пока одна из участниц не сказала, что стоит десять лет в оче-

Сергей Муратов

реди на квартиру и не может из-за этого иметь детей. Да пусть она еще сто лет в этой очереди стоит, пусть сгниет в ней за то, что сказала об этом американцу. У нас все живут в хороших квартирах» («Известия», 1987, 21 апреля).

Но если бы все это было лишь печальными эпизодами в истории человечества.

НИЧЕГО НЕТ ОПАСНЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ, С КОТОРОЙ ТЫ НЕ СОГЛАСЕН

Перелистайте «Антологию мировой философии». Знакомство с ней приводит читателя к нескольким выводам.

1. Больше трех тысяч лет философы размышляют и спорят об основе основ – о жизни, о смерти, о мироздании. Никакие триумфы техники не позволяют людям ни уйти от этих «вечных» вопросов, ни разрешить их. Странное впечатление производит эта несмолкающая и нескончаемая дискуссия, где каждая философская система – не только законченный монолог, но и реплика в споре. Разница в том, что одни участники дискуссии все же имеют представление о своих предшественниках, которые и до них задумывались над тем же проклятым вопросом, а другие уверены, что пришли к этим мыслям впервые. (Для последних чтение Антологии – лекарство от самомнения.)

2. Количество «вечных» вопросов – не бесконечно. Проходят тысячелетия, но предметы дискуссии остаются теми же. И если тщетны попытки добиться ответов, так сказать, раз и навсегда, то неисчислимо количество этих попыток. (Для читателя Антологии это тоже лекарство – от уверенности, что он предложил человечеству «последнее слово истины».)

Невольно задумываешься – а что если в отношении большинства вопросов и не может быть никакого окончательного решения, а возможна только своя позиция. И разве не удивительно, что эти позиции сводимы к сравнительно небольшому числу концепций, которые возрождаются снова и снова (независимо от того, знали ли те, кто их исповедует, о своих предшественниках или пришли к этим взглядам самостоятельно).

3. Невозможность универсальных ответов позволяет предположить, что полнота нашей жизни неисчерпаема и не сводится к чистому знанию ради знания.

4. Мысли философа обусловлены не только его эпохой, структурой общества и социальным положением в этом обществе, но еще и особенностями его собственной личности. Каждому темпераменту соответствует свое мировосприятие и способ судить о мире (материалисты или идеалисты). Так что разногласие в мировоззрениях, скажем, Кьеркегора и Гегеля таится еще и в основе их темпераментов. Напрашивается вывод – сколько темпераментов, столько и точек зрения.

5. Зато единственная черта, объединяющая самых разных людей (в том числе и мыслящих), – нетерпимость. Нетерпимость не только к чужому племени, форме носа, разрезу глаз. Но и к чужому образу мыслей – тоже.

Ремарки о судьбах философских произведений, приводимые в Антологии, как и биографические справки об авторах, приводят к заключению: в мире нет ничего опаснее человеческой мысли – ничего, что вызывало бы столько страха и слепой ярости. В этом отношении она уступает лишь все той же человеческой нетерпимости.

АПОЛОГИЯ СУМАСШЕСТВИЯ

История мысли – это и история человеческих заблуждений, воинствующего недомыслия и стремления к торжеству «единственной и верховной» истины. Стремления, оплаченного ценой человеческой жизни, – причем не одной, а тысяч и миллионов (хотя и единственная жизнь не имеет цены и меры). Не отсюда ли и постоянные попытки истребить чужие идеи или хотя бы заставить их носителей держать свои убеждения при себе. Но неискоренимые диссиденты скорее готовы считать предателями себя, если не обнародуют перед публикой свои взгляды на мир.

«Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том слу-

Сергей Муратов

чае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло», – писал 38-летний автор «Философического письма» Петр Чаадаев. Реакция была мгновенной. «Статью эту я считаю настоящим преступлением против народной чести; так же как и преступлением против религиозной, политической и нравственной чести», – немедленно заключил в своем донесении императору Николаю I министр народного образования С. Уваров. Судьба Чаадаева после публикации в «Телеграфе» многократно описана в сотнях книг и учебников. Автор «Философических писем» был объявлен безумным со всеми вытекающими из такого вердикта последствиями. Через год появляется его «Апология сумасшедшего». Наглядный урок одержимым любителям истины. А реакция царской власти становится поучительным прецедентом для поведения будущих советских властей.

КТО РАССКАЗЫВАЕТ СКАЗКИ

«**В**ам хорошо – вы пишете сказки», – заметил один видный ленинградский писатель драматургу Евгению Шварцу. Разговор происходил в годы войны, когда до победы было еще далеко, зато окончательную победу давно уже одержал социалистический реализм, из которого выросла в свое время теория бесконфликтности. «Это я пишу сказки? – искренно изумился Шварц. – Это вы пишете сказки».

«Сказочная» пьеса «Дракон», написанная в те военные годы, много лет была под запретом, но и в наши дни ее каждая постановка поражает пронизательной злободневностью. Откуда же это простодушное убеждение, что писать сказки – занятие для литератора наиболее безопасное и невинное? В немалой степени оно основано на незнании судеб их авторов.

Появление «Конька-Горбунка», вызвавшего восторг у Пушкина, было встречено градом беспощадных рецензий. «Жили были три брата: двое старших работали, сеяли пшеницу, возили ее продавать в город и ни в чем не успели... Младший, дурак, лентяй, который только и делал, что лежал на печи и ел горох и бобы, стал богат и женился на царь-девице. Следственно,

глупость, тунеядство, праздность – самый верный путь к человеческому счастью, – заключал очередной критик. – После сказки Г. Ершова надобно говорить: не родись пригож и умен, а родись глупцом, празднотлюбцем и обжорой».

Сказка, впервые напечатанная в 1834 году, попала под цензурный запрет и полное неискаженное ее издание опубликовано было лишь через 22 года.

Девяносто лет спустя – уже при советской власти – критической атаке был подвергнут хрестоматийный впоследствии «Мойдодыр». Сказку осудили за то, что в ней автор оскорбил трубочистов. Двадцать девять писателей в открытом письме Горькому, напечатанном в «Литературной газете», утверждали: нельзя давать детям заучивать наизусть «а нечистым трубочистам стыд и срам, стыд и срам» и в то же время внедрять в их сознание, что работа трубочиста так же важна и почетна, как и всякая другая.

Заслушав и обсудив доклад о том, «какая книга нужна дошкольнику», общее собрание родителей Кремлевского детского сада в количестве 49 человек (22 рабочих, 9 красноармейцев, 18 служащих) приняло резолюцию – привлечь внимание советской общественности к сомнительному направлению в детской литературе, называемом «чуковщина». Ни одна из этих книг, по мнению родителей, не будила в ребенке социальных чувств. Наоборот, они развивали страхи и суеверие («Бармалей», «Мойдодыр», «Чудо-дерево»), восхваляли мещанство («Муха-цокотуха»), давали неправильные представления о мире животных и насекомых («Крокодил» и «Тараканище»)⁵.

Еще до этого утверждалось, что в «Крокодиле» автор изобразил мятеж генерала Корнилова (хотя «Крокодил» написан годом раньше, чем поднят мятеж), что «муха-цокотуха» – переодетая принцесса, комар – переодетый принц, а жуки рогатые – мужики богатые вызывали не что иное, как сочувствие к кулацким элементам, не говоря уже о том, что все произведение в целом подрывало веру детей в торжество справедливости. «В переживаемый страной момент обострения классовой борьбы мы должны быть особенно начеку», – предостерегали разоблачители «чуковщины».

⁵ Чуковский К. Собр. соч.: В 6 т. – Т. 1. – М., 1965. – С. 541.

Сергей Муратов

Пройдет еще чуть более полувека, и «Литературная газета» предоставит свои страницы очередному разоблачению. На этот объектом критики окажется Чебурашка. (Николай Машковец. «Кто усыновил Чебурашку?». 1981, 4 ноября). «Детской литературе противопоставлены эксперименты... по идейной сути подрывающие веру ребенка в нравственно здоровое и чистое», – напишет автор, увидевший суть характеров главных положительных персонажей – крокодила Гены, Чебурашки и девочки Гали – в их одиночестве. У них, сочувствует он героям, нет и не будет пап и мам. «Африканский крокодил Гена, играющий сам с собой в крестики-нолики, уже не вспоминает не только свою далекую и жаркую родину, но и большую-пребольшую, ласковую к нему крокодилиху-маму... – растроганно пишет критик, рисуя в воображении читателя несчастную мать, лишенную сыновьей любви, которой некому даже подать стакана воды. – Особую горечь в эту тему привносит девочка Галя, потому первая и откликнувшаяся на объявление Гены о поиске друзей, что, видно, решительно и окончательно рассорилась дома со всеми и убежала от родителей, а может, даже от бабушки с дедушкой, так и не захотев к ним возвращаться», – усугубляет критик трагедию. А мог бы добавить – своих родных неблагодарная Галя предварительно отравила газом и продала семейные драгоценности.

Подобного рода критические выступления под грифом «какая чушь» обладают прямым воздействием на массовое сознание. Они резонируют с присущей такому сознанию привычной реакцией нетерпимости и формируют отношение публики или «общественное мнение».

**ЗАЧЕМ ЛЮДЯМ
СЛОВА?**

Нелепый вопрос – чтобы выражать свои мысли, скажут одни. Да нет, поправят другие, куда более искушенные – слова нужны людям, чтобы скрывать свои мысли. Вы оба неправы, улыбнувшись, добавят третьи, еще более умудренные, – слова нужны, чтобы обходиться без всяких мыслей.

«Есть два рода болтунов: одни говорят слишком много, чтобы ничего не сказать, другие тоже говорят слишком много, но потому, что не знают, что сказать. Одни говорят, чтобы скрыть, что они думают, другие – чтобы скрыть, что они ничего не думают».

В. Ключевский

Когда мы рождаемся, то сначала учимся говорить, а потом уже – думать, заметил один проницательный литератор и добавил – правда, у некоторых это «потом» не всегда наступает.

Как-то раз французский писатель Альфонс Алле затеял с приятелем спор о женской психологии, Алле утверждал, что женщины никогда не слушают, что им говорят за исключением тех случаев, когда им объясняются в любви. Приятель возражал.

– Проведем эксперимент! – предложил Алле и решительно направился к хозяйке дома, встречавшей гостей на пороге гостиной.

– Прошу извинения, мадам, но мы только что убили одну старушку и поэтому задержались.

– Это совершенно не важно, – ответила хозяйка дома со светской улыбкой. – Мы еще не сиделись за стол.

Наглядный пример этикетного общения.

Стремление думать такому общению только мешает. Чтобы участвовать в светской беседе, думать совершенно не обязательно. Поэтому здесь самый будничнейший и общепринятый разговор – разговор ни о чем. Но и в других видах ролевого общения – нормативном, ритуальном и прочих – основную словесную массу составляют стереотипные фразы,

Сергей Муратов

которые вовсе не требуют, чтобы собеседник вдумывался в их смысл.

«Где слова – там и мысли» – довольно распространенное убеждение, бытующее в широких кругах. Но постойте, ведь если это так, то чем больше слов – тем, само собой разумеется, больше мыслей. Тогда, выходит, самые великие мыслители – болтуны, а самые толстые книги – книги самые умные.

Однако что-то нам подсказывает, что это не так.

По той же обыденной логике, у каждого слова – свое значение, и, следовательно, одни и те же слова несут одно и то же значение. А между тем 500 наиболее употребительных английских слов, утверждают лингвисты, заключают в себе 14 тысяч значений (по усредненной статистике – 28 значений на каждое слово). То есть, обмен одинаковыми словами – не обмен одинаковыми значениями. И когда мы говорим об одном и том же – не обязательно мы говорим об одном и том же.

КАВАЛЕР ДЕ ГРИЕ, КОГО ТЫ ЛЮБИШЬ?

Вот фрагмент диалога между известным драматургом Виктором Розовым и не менее известным режиссером Георгием Товстоноговым, опубликованный «Литературной газетой» в семидесятых годах прошлого века. Речь шла об «интеллектуальном» и «эмоциональном» театре. Хороший интеллектуальный театр, настаивал режиссер, в конечном счете, не менее эмоционален. Просто воздействие идет через разум, а не прямо к сердцу.

РОЗОВ. Но есть режиссеры и драматурги, которые придают воздействию на разум чрезмерное значение, как будто мы не знаем заблуждений мысли... Эмоционально же заблуждаться почти невозможно.

ТОВСТОНОГОВ. В любви сколько ошибок происходит...

РОЗОВ. В любви ошибок не бывает.

ТОВСТОНОГОВ. То есть как это?

РОЗОВ. Или любят, или не любят.

ТОВСТОНОГОВ. Любят, но, оказывается, не того...

РОЗОВ. Нет, этого не бывает. Как можно любить «не того»?

Кавалер де Грие, кого ты любишь?

ТОВСТОНОГОВ. Но сколько раз человек обнаруживает, что объект любви...

РОЗОВ. Нет, нет, это проходит любовь. Влюбленный не обнаруживает ничего кроме прелести.

ТОВСТОНОГОВ. Хорошо, но я дружу с человеком – вот другая эмоция, пожалуйста, – и потом в нем разочаровываюсь. Здесь была ошибка, о которой мне сигнализирует мозг.

РОЗОВ. Нет, не только мозг...

ТОВСТОНОГОВ. Если он меня предал, человек, то прежде это понимает мозг, а потом уже возникает эмоция...

РОЗОВ. Но вы не умом разлюбили своего друга – вы его потеряли эмоционально. Говорят: «У меня как будто все внутри оборвалось»...

ТОВСТОНОГОВ. Но сигнал даст мозг?

РОЗОВ. Погодите, Георгий Александрович... Любимая женщина может изменить, а вы ее все еще будете любить, хотя мозг вам говорит: «Не надо ее любить! Не надо!» И все друзья говорят: «Кого ты любишь? Опомнись!».. «Кавалер де Грие, кого ты любишь? Ты посмотри, кто такая Манон Леско – шлюха низшего разбора! Что ты делаешь?!» Но ничего не слышит кавалер де Грие, бежит с Манон в Америку, где она и умирает у него на руках. Для меня самая великая книга о любви – «Манон Леско». Потому что он любит не хорошую женщину, он любит не за что-нибудь: он любит...⁶

О чем, собственно, шел разговор? О сценических особенностях театра. Чтобы упростить доказательства, один из собеседников обратился к такому очевидному и общеизвестному понятию, как любовь. И тут обнаружилось, что оба объясняют себе это слово совершенно по-разному, да и вообще противоположным образом.

Но разве это относится только к любви? А такие слова, как «добрый», «умный» или «дурак» – больше ли в них общепризнанной ясности? («Виноват ли дурак в том, что он дурак?» – вспоминает о юношеском споре в одной из своих ранних книг Г. Губерман).

⁶ Литературная газета. – 1972. – 28 июня.

МАГНЕТИЗМ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ

Психология обыденных представлений по своей природе, мифологична. Как низшая стадия массового сознания, она и сегодня мифологизирует окружающую действительность ничуть не меньше, чем первобытное человечество. Такому сознанию присущи свои законы.

Один из них – взаимозаменяемость точек зрения. Мы склонны верить, что видим окружающую действительность точно так же, как видят ее другие. В бинокль нельзя взглянуть сразу с обеих сторон, заметил однажды Д. Данин, размышляя об особенностях научных экспериментов. Приходится переводить. И в свойствах бинокля нет конфликта с природой. Так каков же мир на самом деле – уменьшенный или увеличенный? Оба реально равны. Но то, что мы наблюдаем в эксперименте, зависит от способа наблюдения.

А если мы в обыденной жизни не пользуемся биноклем – значит ли это, что мир предстает перед нами «в оригинале»? Между тем именно из этого убеждения мы и исходим в житейской практике. Иными словами, наши суждения как раз и строятся на том, что все мы видим мир одинаково («каждый знает, что я имею в виду»).

Стереотипизация – защита от умственного усилия. Вот почему легче всего нам видеть то, что видят все.

«Что самое трудное? Видеть глазами то, что перед глазами».

И.-В. Гете

«Что больше всего свойственно вашим сверстникам – целеустремленность или отсутствие цели?». В 1960-х годах такой вопрос был задан читателям «Комсомольской правды». «Вторую часть вопроса можно было бы и не ставить. Это для героев Ремарка», – отвечали читатели. «Что касается второй возможности, об этом не надо было и писать, так как каждый мыслящий человек имеет цель в жизни».

Накануне своего пятидесятилетия, находившийся в депрессии Лев Толстой боялся, чтобы на глаза ему не попался шнурок

Был ли Эпикур эпикурицем?

как легкий способ избавления от преследующих сомнений. Остается предположить, что в эту пору своей жизни он переставал быть мыслящим человеком. В комплекте, прилагаемом к быстродействующим компьютерам, шнуры для избавлений не предусмотрены, а программы компьютера заложены в его долговременной памяти. «Каждая мыслящая машина имеет цель в жизни...»

Компьютер не сомневается. В истинности поставленной цели сомневается как раз мыслящий человек.

БЫЛ ЛИ ЭПИКУР ЭПИКУРЕЙЦЕМ?

Но обыденное сознание – не чудовище. Вспомните, как хозяйка в доме, где однажды вы оказались гостем, попросила вас принести из кухни соль (тарелку, салфетку, нож). Вы заходите в кухню и... сразу теряетесь. Вы представления не имеете, где здесь прячется соль, и в каком месте скрываются вилки и ножи. И только когда хозяйка, устав ждать нерасторопного гостя, сама выйдет на кухню, она объяснит простофиле, насколько все просто – все вещи лежат на своих привычных местах. На привычных, разумеется, для хозяйки дома. Чтобы быть всегда под рукой и чтобы можно было найти их, не рассуждая и не тратя лишнего времени.

Обыденное сознание – принцип экономии умственной энергии. Кухонная логика. Аксиомы практического рассудка в своем повседневном опыте. Такое эмпирическое мышление часто называется «здравый смысл». Стремление к стереотипизации для него естественно так же, как сила тяжести. Без этого не могла бы осуществиться никакая стандартизация социальной жизни.

Стереотипизация – способ мышления «по необходимости». Он оберегает наше сознание от водопада нарастающей информации и предлагает упрощенные формулы и «приблизженные» решения, чтобы не нарушить законченную и уже понятную нам картину мира.

Повседневное взаимное понимание стало бы невозможным, не опирайся мы на «само собой разумеющиеся» представления – на привычные традиции и национальные ритуалы

Сергей Муратов

(включая и самый типичный из видов общения – разговор ни о чем), на принятые в свете привычки – от «прилично ходить» до «прилично думать». Как в том анекдоте о международном женском конгрессе, который после долгих дискуссий завершился резолюцией из двух пунктов: «все мужчины – подлецы» и «носить нечего».

Любое явление, не укладывающееся в обыденное сознание, подвергается им безжалостной ампутации, прежде чем приобретает «товарный вид». Натура мятежного Гамлета вытесняется символом анемичной рефлексии, именуемой гамлетизмом. Противоречивая фигура Макиавелли, реформатора по призванию, вырождается в одиозное понятие беспринципного макиавеллизма. Учение Эпикура обретает обратный смысл в расхожем представлении об эпикуреизме. Но был ли Эпикур эпикурейцем, а Макиавелли макиавеллистом? Был ли Дарвин дарвинистом, а Маркс – марксистом? Такими вопросами здравый смысл не задается, ибо для него непереносима сама идея, что не все очевидно, что очевидно. Подобно царю Мидасу, обращавшему в золото все, до чего бы он ни дотронулся, и тем самым обреченному на вечный голод, здравый смысл, предоставленный самому себе, оказался бы пожизненно заключенным в мире конечных истин.

ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И ПОПУГАЕМ?

Общее – привычка произносить слова, не стараясь вникать в заключенный в них смысл. *«Чем меньше женщину мы любим...»* – *«тем больше нравимся мы ей»*, – автоматически подсказывает нам память. *«В здоровом теле...»* – *«здоровый дух»* – услужливо торопится та же память. *«Человек создан для счастья...»* – *«как птица для полета»*. *«Человек звучит гордо...»*, *«Словам тесно, а мыслям просторно»*. Список можно до бесконечности продолжать.

Между тем у Пушкина не «тем больше», а грустновато-ироническое «тем легче», ибо речь идет не о лобовом противопоставлении «меньше – больше», – замечает С. Рассадин, –

Что общего между человеком и попугаем?

а о провоцирующе притягательном поведении, свидетельствующем о равнодушии, искреннем или напускном.

«В здоровом теле – здоровый дух»... Неужели Ювенал, которому приписывают само выражение, имел в виду, что наш дух автоматически укрепляется в результате гимнастических упражнений? Да нет, перед нами всего лишь дурной перевод с латинского. В оригинале афоризм звучит пожеланием: «Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом».

«В здоровом теле – здоровый дух. На самом деле – одно из двух».

Игорь Иртеньев

Андрей Кнышев иронизировал по поводу классической фразы «Человек создан для счастья, как птица для полета», заменив вторую ее половину словами «как птица для бульона». Но, провозглашая «Человек создан для счастья...», мы и сами забываем (если знаем), откуда пошла сама фраза. Ее выводит ногой на песке безрукий и озлобленный герой рассказа Короленко «Парадокс». (Кстати, в том же рассказе есть еще один не менее примечательный афоризм: «Человек создан для счастья, только счастье не всегда создано для него».)

Не часто вспоминаем мы и то, что первую строчку «Из дальних странствий...», которой открывается известная басня и которую охотно используют в заголовках рубрик о путешествиях, предваряет название самой басни, данное ей Крыловым – «Лжец». А ведь это меняет весь смысл предлагаемой публикации? «Попрыгунья-стрекоза»... – привычно произносим мы начало еще одной басни классика, не задумываясь, а почему, собственно, «попрыгунья»? С каких это пор стрекоза стала прыгать? Существует две версии объяснения. В соответствии с первой: «стрекоза» – неудачный перевод героини произведения Лафонтена, где фигурирует не стрекоза, а цикада, то есть кузнечик, прыгать для которого – естественный способ передвижения. Согласно второй: любое насекомое во времена Крылова принято было называть «стрекозой».

«Словам тесно, а мыслям просторно», – повторяем мы известное выражение, не давая себе труда представить воочию,

Сергей Муратов

что в одном и том же пространстве, чтобы словам было тесно, надо набить их не меньше, чем сельдей в бочке. И, напротив, чтобы мыслям в том же объеме стало просторно, вполне достаточно двух-трех мыслей.

Как-то в троллейбусе моя знакомая стала свидетелем разговора: маленькая дочка рассказывала маме, как на уроке учительница читала им сказку про «Курочку-рябу». О том, как снесла курочка деду и бабе золотое яичко, дед его бил – не разбил, баба била – не разбила, а мышка бежала, хвостиком махнула – яичко упало и разбилось. Дед плачет, баба плачет... Тогда девочка подняла руку и спросила учительницу: а почему они плачут, если сами хотели его разбить? Учительница опешила и рассердилась. «Мама, почему они плачут?» – спросила дочка. «Посмотри, какой красивый домик мы сейчас проезжаем!» – попыталась мама перевести разговор на другую тему.

Здравый смысл представлен к нашим услугам в сотнях пословиц и поговорок. «Тише едешь – дальше будешь», «Дареному коню в зубы не смотрят», «Без труда не вынешь и рыбку из пруда», «Плетью обуха не перешибешь»...

Пословицы называют гомеопатией мудрости, а гомеопатию – способом, как с помощью крупинки приносить крупинки пользы.

КТО ЖЕ ВЫ, ВЕЛИКИЕ УПРОСТИТЕЛИ?

Но вернемся к дологическому мышлению наших предков. Принято считать, что оно отличается от современного мировосприятия не меньше, чем мир ребенка от мира взрослого. Первый живет в мире сказок и мифов, второй – в мире фактов и достоверностей. Согласно такому представлению, каждый из нас, вырастая из младенческого (так сказать, первобытного) состояния и превращаясь во взрослого (так сказать, в продукт цивилизации), словно бы переселяется из действительности во многом еще сочиненной в действительность всамделишную и настоящую.

Но так ли уж радикально наш «взрослый» мир отличается от детского или первобытного?

Кто же вы, великие упростиители?

«Солнце всходит и заходит» – произносим мы и представляем в воображении эту картину вращающегося вокруг нашей планеты Солнца, хотя прошло уже 500 лет со времен Коперника. «Редкая птица долетит до середины Днепра» – воспринимается нами, как метафора необъятного расстояния, хотя та же птица ежегодно долетает до Африки и обратно. Детские приключенческие романы навсегда запечатали в нашей памяти средневековые пиратские корабли, бороздящие моря под черными флагами с черепом, хотя такие флаги были приписаны пиратам лишь в XIX веке, на самом же деле они не были черными и на них изображались не черепа, а животные. На вопрос «Что такое Биг Бен?» мы привычно отвечаем: «Часы» или «Знаменитая башня в Лондоне», хотя Биг Беном называется колокол в этой башне. А сигнал бедствия «SOS» изобретен не автором азбуки Морзе, как нам представляется, и вовсе не переводится, как «Спасите Наши Души», а предложен немецкими и австрийскими инженерами как наиболее краткое оповещение о морской катастрофе.

История нашего прошлого насыщена мифами как батон изюмом.

Туристам, приезжающим в Швейцарию, непременно показывают городок Альддорф, где 18 ноября 1307 года Вильгельм Тель по приказу ландшафта сбил стрелой яблоко с головы своего сына (историю, тысячекратно пересказанную в учебниках). Известно даже место, где он впоследствии убил самого ландшафта. Но никакого Телля в реальности не существовало. Народные предания о тех событиях собрали в XVI веке, а еще два века спустя историк И. Миллер включил их в свой труд.

Со времен В. Ключевского не меньшему сомнению подвергается и подлинность знаменитого подвига Ивана Сусанина («Куда ты завел нас...»).

В лексиконе популярных заблуждений вы без труда обнаружите знаменитую фразу Галилея «А все-таки она вертится...», которую он никогда не произносил, а за свои взгляды подвергался травле не со стороны, как обычно мы думаем, монахов-фанатиков, а своих же коллег – университетских профессоров.

Клятва Гиппократа не принадлежала Гиппократу, а была ему приписана позднее. Как и пресловутые потемкинские

Сергей Муратов

деревни приписаны князю Потемкину его петербургскими завистниками (царица была слишком умна, чтобы клонуть на столь дешевые хитрости).

Историк Юрий Афанасьев не раз призывал отказаться от мифа о Дмитрие Донском как об освободителе Руси от татаро-монгольского ига. После разгрома Мамай Тамерлан и другие ордынские военачальники поздравили Донского с победой над «общим врагом», поскольку Мамай был всего лишь предводителем одной из противоборствующих группировок в самой Орде. После Куликовской битвы русские еще сто лет платили дань татарам.

Особенно много исторических нелепостей приписаны Моцарту и Сальери. Оба обросли мифологическими нюансами как корабль ракушками. Начиная с того, что Сальери вовсе не был третьестепенным музыкантом, завидовавшим гению Моцарта. Да и с чего бы? У Сальери учились Бетховен, Шуберт и Лист. Опера Сальери «Аксур» прошла 150 раз в переполненной зале, а опера Моцарта «Дон Жуан» – 9, и в зале никого не было. Император пожаловал медаль Сальери, а Моцарту – никакой. Славе Моцарта возрастала в последующих поколениях. За свои 75 лет Сальери написал 45 опер, две симфонии, множество ораторий и церковных кантат, но только в наши дни многие его произведения открываются и исполняются заново.

Но если известность Сальери со временем все более убывала, то произведения Моцарта поднялись до уровня музыкальной классики, и образ автора обретал все более ангелоподобные очертания, а присвоенные ему поклонниками качества становились хрестоматийными.

«Моцартовский дар врожден...» Развеивая этот стойкий стереотип, современные исследователи приводят выдержки из писем самого композитора: «Едва ли кто другой положил столько труда, чтобы изучить композицию, нет почти ни одного великого композитора, чье творчество я не изучил бы серьезно и многократно». «Моцарт – добр и кроток, как ангел». Но достаточно опять-таки прочесть его письма матери, брату, отцу, чтобы усомниться в справедливости такого предположения. «Моцарт отзывчивый...» («если кто-то меня обидит, я требую

Кто же вы, великие упроситители?

мести»), «...веселый и беззаботный...» («...никогда не ложился спать без мысли, что утром меня, может быть, не будет»), «великодушный» («...ревную ко всем, кто пишет оперы»). Так что есть все основания допустить, что при жизни обоих как раз у Моцарта было больше поводов ревновать к Сальери.

Сквернословия и грубости, сохранившиеся в письмах Моцарта, – лишь крохотная доля его продукции в непристойном жанре, свидетельствуют биографы композитора. Как мог автор поистине чарующей и небесной музыки опускаться до уровня непристойных стишков и нанизывать рифмующиеся неприличности в присутствии прославленных музыкантов? Он страдал, считают современные медики, редким генетическим заболеванием, один из симптомов которого – неодолимая потребность изрыгать непристойности.

Но предстают ли перед нами характеры композиторов в отретушированном или язвительном измерении, их музыка говорит о себе сама.

А сколько искажающих и даже извращающих истину подробностей и деталей возникало вокруг военных сражений, бунтов и революций! Залп «Авроры» с годами обрел такой эпохальный смысл, что из народного сознания исчезло само обстоятельство, что выстрел был холостым. Великая Октябрьская революция лишь со временем стала и великой, и революцией, поскольку в первые годы ее называли всего лишь переворотом.

Легенду о подвиге 28 героев-панфиловцев, подробности которого придуманы расторопными журналистами, пытались так долго предохранять от реальных фактов, что в этом прокрустовом ложе были искалечены реальные судьбы живых участников. То же произошло и с попытками установить историческую справедливость в вопросе о том, кто водружал советский флаг над рейхстагом.

Фразу о том, что «каждая кухарка может управлять государством», приписывают Ленину, хотя тот утверждал лишь, что «каждую кухарку можно научить управлять государством», что, согласитесь, совсем не одно и то же. В то время как сама мысль о «кухарке, управляющей государством», восходящая к Жан Жаку Руссо, была в свое время оспорена Монтескье.

Сергей Муратов

Наше исконное нежелание считаться с тем, что происходило на самом деле, вероятно, идет еще со времен Адама и Евы, вкусивших запретный плод – пресловутое яблоко. Но ни в Палестине, ни на Ближнем Востоке вообще нет яблок. Впрочем, в Библии Господь предостерегает от попыток отведать плоды на древе познания добра и зла. Скорее всего имелся в виду инжир со смоковницы (фигового дерева), листьями которого Адам и Ева прикрыли себя после трапезы.

«Красота спасет мир»... У Достоевского иначе: «Мир красотой спасется». «Поэзия должна быть глуповата»... Пушкин не относил свой совет к поэзии в целом. Его фраза, взятая из письма к Вяземскому, – реакция на рассудочную поэзию адресата. «Ружье, висящее в первом акте, должно непременно выстрелить в третьем»... Совет Чехова относился не к драматургии, как таковой, в чем уверено большинство, а исключительно к мелодраме.

Конечно, не так легко примириться с тем, что наша русская матрешка – совсем не наше изделие, а японская кукла, привезенная в Россию в начале XX века. А знаменитая русская гармонь изобретена опять-таки не в России, а в Германии немецким мастером в 1822 году.

Чего не знал великий Пушкин?
Не знал он ни одной частушки,
Не видел ни одной матрешки
В их лакированной одежке.
Березу, Боже упаси,
Не числил символом Руси.
Она не шла для этой роли,
Поскольку ей тогда пороли.

Этот исторический комментарий поэта В. Берестова как нельзя более относится к нашей теме.

Список нелепиц и несуразиц, заполняющих учебники по истории, можно было бы продолжать в этом духе до бесконечности, но что тогда останется от самой истории?

И СНОВА О «ЛЕБЕДИНОМ ОЗЕРЕ»

Когда фрески Микеланджело пытались отреставрировать и снять веками накопившиеся напластования, придающие им мрачный оттенок, искусствоведы принялись дружно протестовать, требуя вернуть им «привычный» вид. То же относится и к беломраморным древнегреческим скульптурам, которые такими принято считать уже по замыслу их создателей, хотя у древних греков, когда те еще не знали, что они древние, принято было раскрашивать эти изваяния. Классические колонны до сих пор – в подражание «древним» – строятся утонченными сверху на $1/6$ диаметра, чтобы «сохранить» эстетический идеал античности. Хотя этот «идеал» всего только результат оседания – вековой естественной деформации.

Восстановление исторических фактов нередко предстает как разоблачение славных страниц великого прошлого, а самих искателей истины называют в этих случаях очернителями истории. Мы ведем себя как ребенок, которому мама по его просьбе пытается повторить на ночь сказку, а он то и дело перебивает: «Нет, мама, прошлый раз ты рассказывала не так... Расскажи, как прежде!».

Но чтобы происходили подобного рода метаморфозы, не обязательно ждать века. Многие деформации возникают прямо на наших глазах. «У нас секса нет» – любимая фраза фельетонистов, возникшая в 1986 году сразу же после трансляции советско-американского «Телемоста». На вопрос «А есть ли у вас на телевидении секс?» – советская участница ответила, что «у нас секса нет... на телевидении», но окончания фразы никто не услышал – его заглушил взрыв хохота присутствующей аудитории. И сколько раз ведущий программы Владимир Познер не объяснял впоследствии – в том числе и с экрана – доподлинную ситуацию рождения этой фразы, она укоренилась в народном сознании именно в том урезанном виде как более броская, а значит, и достоверная.

Владимир Цветов, работавший тогда корреспондентом в Японии, спросил у астролога для декабрьского репортажа, какие цвета одежды японцы предпочитают на встрече Ново-

Сергей Муратов

го года. Астролог удивился и объяснил, что цвет одежды в этих случаях для японцев не имеет значения. Но Цветов, выполняя задание редакции, настаивал, и, уступая просьбе, японец назвал первые цвета, пришедшие ему в голову. После того новогоднего репортажа как раз и появилась привычка россиян каждый Новый год соотносить цвет одежды с японскими «многовековыми традициями». И никакие дальнейшие, хотя и запоздалые, объяснения самого Цветова уверенности в существовании этих японских традиций не поколебали.

«Лебединое озеро», которое так поспешно и «уместно» включили в программу организаторы ГКЧП, когда совершили в августе 1991 свой пресловутый переворот, – тоже упрощение подлинной ситуации. «Лебединое озеро» в тот день уже стояло в программе, которая составлялась задолго до переворота. Так что заговорщикам оставалось лишь дать указание повторить эту запись классического балета. Но многократные объяснения по этому поводу тогдашнего председателя Гостелерадио не изменили сложившихся в массовом сознании представлений.

Обыденное массовое сознание – великий упрости́тель. Своего рода мясорубка, которая превращает любые продукты в общепотребительный и легко усваиваемый этим сознанием фарш. Совсем как тот апокрифический ученый, который, когда на него упало яблоко, выскочил озаренный из ванны и воскликнул: «А все-таки она вертится!».

Так что лицемерный совет «Не рассказывайте нам сказки...» – классическая риторика. Человечество обожает сказки. В книгах, на сцене и на экране.

МОЗГ – ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ...

Мифологизированное массовое сознание дает нам возможность существовать в обжитом и привычном мире. Оно допускает лишь явления общепризнанные, неоспоримые и сопротивляется любому противоречию, предполагающему умственное усилие, ибо выступает от имени «здорового смысла» (свидетельства очевидности) или большинства голосов (все так думают). Автоматизм мышления, оперирующий уже

расфасованными понятиями, дает лишний повод для грустной иронии Юлиана Тувима о том, что мозг – замечательный механизм, с помощью которого мы думаем, что мы думаем.

Казалось бы, такому сознанию категорически противостоит та картина реальности, которую пытаются составить представители точных наук и мыслители, не научившиеся «любить свою родину с закрытыми глазами и запертыми устами». «Точные науки называют точными не потому, что они достовернее, чем другие, – заметил известный энтомолог Н. Любищев, – а потому, что в точных науках ученые знают меру неточности своих утверждений»⁷.

Очень хотелось бы верить в то, что неукротимые ученые, выступая единым фронтом, оттесняют обыденное сознание с незаконно им захваченной территории и выигрывают сражение за сражением.

Но эта идиллическая картина далека от реальности.

Даже ученые, для которых требование научной корректности – условие непреложное, не в силах избежать нетерпимости обыденного сознания. И не только когда берутся судить о сферах, к которым по своей профессии непричастны, но – куда более озадачивающее обстоятельство! – подчас и в той области, где сами же являются безоговорочными авторитетами. «Если бы Белл был более сведущ в электричестве, он никогда бы не изобрел телефон!» – в сердцах воскликнул знаменитый электрик Фармер, который буквально лишился сна, узнав о вопиющем изобретении школьного учителя музыки. «Подобные явления надо отрицать, и нельзя опускаться до попыток их объяснить», – заявил французский академик Фоден, ознакомившись с запротоколированным свидетельством нескольких сот жителей города Жульяна в Гаскони, наблюдавших падение камня с неба. Циолковский, давно признанный основоположник современной космонавтики, открыл эффект «воздушной подушки». Но даже специалисты сочли это полным абсурдом. От имени науки отвергались громоотводы, противооспенная прививка, гипнотическое внушение...

На международном симпозиуме по философским проблемам астрономии эстонский академик Г. Наан свой доклад на-

⁷ Вопросы литературы. – 1975. – № 1. – С. 88.

Сергей Муратов

чал с признания, что если каких-нибудь лет пятнадцать назад мы знали в точности, что такое Вселенная и чем надлежит заниматься космологии, то теперь такой уверенности нет и в помине, и с уверенностью он рискует высказать лишь сомнения.

Но когда был космолог «умнее» – в момент признания или пятнадцать лет назад?

«Когда я изучал квантовую механику, – признавался в свое время американский физик Дэвид Бом, – я был ею очарован. Я чувствовал, что это фундаментальный и важный предмет, но я по-настоящему не понимаю его. В конечном счете, я стал читать курс по этому предмету и написал книгу, чтобы попытаться его понять. Закончив книгу и снова взглянув на суть предмета, я почувствовал, что все еще ее не понимаю»⁸.

Фраза «не знаю» говорит иной раз об откровенности, а во многих случаях и о мужестве. Но не меньшего мужества от ученого требует признание «не понимаю». «Когда меня не спрашивают, что есть время, – обронил однажды Блаженный Августин, – я знаю. Но как только спросят – перестаю понимать».

Уровень непонимания – характеристика действующего интеллекта. Разумеется, в том случае, когда этот уровень осознан самим ученым. Подобное осознание неопределенности в исходных понятиях свойственно не одной космологии или физике.

Математики все еще спорят о том, что такое «сложение» и никто пока не дал общепринятого определения «единицы» (обилие таких определений в школьных учебниках отражает положение дел не в науке, а в педагогике, остерегающейся травмировать «неокрепший» ребячий мозг).

Биологи и сегодня не в силах ответить, что значит «жизнь», а кибернетики – «информация».

Языковеды не могут договориться, что считать «грамматическим предложением», а этнографы – или народоведы – встанут в тупик, пытаясь придти к однозначному пониманию слова «народ». Вирусологи дискутируют, что такое вирус, медики – что считать болезнью, биологи, психологи и философы расходятся во мнениях, что такое личность.

⁸ Литературная учеба. – 1983. – № 2. – С. 216.

Можно прямо-таки впасть в отчаянье от незрелости перечисленных здесь наук. Но что если все эти факты как раз говорят об обратной тенденции?

Начинающему шахматисту все очевидно в позиции, где для мастера все полно тайны. Может быть, противоречия в исходных понятиях необходимы как разность потенциалов?

ЕЩЕ РАЗ О ПОСЛОВИЦАХ

Ничего нет более спорного, чем общепризнанные суждения. В том числе и безоговорочные советы, накопленные в народных пословицах и поговорках.

«Тише едешь – дальше будешь». Кто же осмелится сомневаться в подобной, проверенной опытом, истине? Но поговорка «Куй железо, пока горячо» не менее справедлива и высказана от имени той же житейской мудрости. «Без труда не вынешь рыбку из пруда»... Казалось бы, с чем тут спорить? А как же тогда с не менее веками проверенным убеждением: «Работа не волк – в лес не убежит»? «Дареному коню в зубы не смотрят»... но «На тебе, Боже, что мне не гоже»... «Плетью уха не перешибешь»... А как же с той каплей, которая «камень точит»? «Ученье – свет, а неученье – тьма», но «Век живи, век учись». А ведь есть еще «Век живи, век учись – дураком помрешь». «Кто старое помянет, тому глаз вон», но и тут существует альтернатива «...а кто не помянет, тому – оба».

На каждую пословицу находится своя антипословица. И при этом обе – примеры народной мудрости. Так «не в том ли причина народной мудрости, что пословицы и поговорки противоречат друг другу», – заключает Ежи Лец?

Сомнения порождают знания. А обыденное сознание порождает мифы. Мы всегда готовы сунуть в них голову, как страус в песок. Впрочем, сама история со страусом – тоже миф, на что обратил внимание еще Плиний-старший: просто птица бежит, склонив к земле голову, отчего, вероятно, и возникло это общепризнанное суждение.

Мозг – замечательный механизм...

О ПОЛЬЗЕ СОМНЕНИЙ

Принимая мифы за реальность, мы сами себе закрываем пути к познанию этой реальности или, иными словами, окружающего нас мира.

Между тем сомнения возрастают по мере знания. Они своего рода свидетельство зрелости. «Знание – сила», – как-то процитировал режиссер-документалист Г. Франк и добавил: «Зато незнание – движущаяся сила».

Сфера незнания во много раз превосходит пространство знаний. Это должно бы вселять оптимизм. В самом деле, давайте вспомним, чего мы не знаем о нашем мире – о планете третьей от Солнца, на которой когда-то рождаемся, чтобы исчезнуть в положенный час?

В отличие от первобытных туземцев – почти ничего. Даже того, что наша Земля покоится на трех китах. Наши предки были уверены, что об этом знают (а знание всего на свете создает, мы помним, ощущение безопасности).

Но как возникла сама Земля? (В мои школьные годы бытовали две теории. Согласно одной, Земля – часть Солнечной плазмы, оторвавшейся под воздействием пролетающей мимо большой кометы. Согласно другой – осколок прежнего спутника, большего, чем Луна.)

Как произошла жизнь? (По одним воззрениям, возможность ее появления на планете настолько ничтожно мала, что вообще неосуществима, по другим – она занесена к нам блуждающим астероидом, по третьей – жизнь возникла, поскольку не могла не возникнуть.)

Но что возникло раньше – Земля или жизнь, материя или разум (без которого не появилось бы самого вопроса)?

Что такое разум – хорошо это или плохо?

Как произошел человек?

Кто его прототип – обезьяна или же гуманоид?

Универсальна ли смерть?

Есть ли жизнь после смерти?

Одиноки ли мы во Вселенной?

Одинока ли наша Вселенная?

Как и зачем Вселенная вообще возникла?

Наука развивается не от знания к знанию, а наоборот – от незнания к знанию, заметил Тынянов. «От ложного знания к истинному незнанию» – гласил девиз Энгельгардта в его школе молекулярной биологии. «Мало, кто знает, как много нужно знать, чтобы знать, как мало мы знаем», – эту арабскую пословицу любил повторять академик Наан.

РАДОСТЬ ОСОЗНАННОГО НЕЗНАНИЯ

Э то выражение тоже принадлежит Наану. Кто не замечал, до чего нам свойственно озлобляться, когда нас вынуждают усомниться, взглянуть на знакомое явление с неожиданной стороны? Не имея под рукою ответов на все вопросы, мы начинаем испытывать неприятное ощущение. Но почему? «Необходимо приучить себя быть готовым к встрече с открывающейся глазам неопределенностью, – рассуждал академик. – Ведь она обещает не только радость поиска, но и новое постижение неисчерпаемой истины... Мне кажется, что если бы нам удалось воспитать в себе эту радость... многие даже чисто человеческие проблемы решались бы легче».

Знание своего незнания – высший вид той интеллектуальной стадии, которая рождается из сомнения, а оно, в свою очередь, возникает при встрече с противоречием, с пониманием того, что оно существует на самом деле, и стремлением это противоречие разрешить. Пессимист в каждой задаче видит трудность, заметил один исследователь, а оптимист в каждой трудности – задачу.

Не довольствуясь дедуктивной логикой, исходящей из неизблемых и на веру принятых аксиом, ученые все чаще обращаются к языку вероятностных представлений, к много-модельному познанию изучаемой ими реальности или методу множественных гипотез. И хотя по-прежнему каждый выступает от имени истины, поколеблена былая уверенность, что истина лишь одна. О двуликости материи и двойственности самой природы заставляет задуматься не только квантовая механика. Все больше открывается областей, где альтернативные тео-

рии оказываются одинаково правомерными, а диалог наиболее конструктивным принципом освоения мира.

«Наше время живет муками рождения этого нового метода...» – размышлял в своих письмах физиолог и философ А. Ухтомский. Именно для рационалистов, обожествивших науку, и было чрезвычайным скандалом, «когда оказалось, что систем геометрии без противоречия может быть многое множество, кроме общепринятой евклидовой; и систем физики может быть многое множество, кроме ньютоновской. А это значило, что «однажды навсегда построенная система истин» есть не более как претенциозное суеверие!»⁹.

Такой подход обезоруживает обыденное сознание, заставляя внимательней прислушиваться не только к доводам сегодняшних собеседников, но и к голосу прошлых эпох. Различные ступени исторического сознания не всегда находятся между собою в отношении подножья и пика. Новейшие исторические исследования меняют наши представления о доэллинистическом мирозерцании.

В. Вернадский, считавший научную мысль социальным явлением, а не просто завоеванием отдельных выдающихся умов, отмечал, что древнеиндийская логика глубже логики Аристотеля, а ход философской индийской мысли достиг уровня философии Запада конца XVIII века еще тысячу лет назад.

Знание – объективное представление о природе и человеке. Нечто вроде панорамы окружающей местности, предстающей нам с самого верхнего этажа. Но она настолько же объективна, насколько и эфемерна. С каждым новым этажом панорама слегка меняется. И процесс этот бесконечен, ибо здание науки неуклонно – этаж за этажом – стремится по вертикали вверх. У него нет и не будет ни крыши, ни венчающего купола. Поэтому знание всегда относительно. Зато сознание абсолютно.

Наука постоянно ощущает свою незавершенность и испытывает вечную тягу к совершенству, недостижимому как линия горизонта. Сознание же (речь идет об обыденном и тем более массовом), напротив, самодостаточно и никогда не стремится выходить из пределов себя самого. Оно довольно самим

⁹ Ухтомский А. Письма // Новый мир. – 1973. – № 1. – С. 255, 261.

собой. Эти две разнонаправленные тенденции лежат в основе неустойчивости состояния и динамики общественного сознания. При этом обе формы освоения мира непримиримы и агрессивны по отношению друг к другу, хотя ученые уверяют себя в обратном.

Наука делает нас умнее. Но делает ли она нас мудрее?

Пускай наши предки жили на плоском диске, зато у людей, единокровных самой природе, не было необходимости в экологии. В нашем времени они оказались бы на чужбине – в обездушенном мире, где только у детей и поэтов еще сохранилось чувство всекосмического единства («Во мне бушует царство растений», – восклицает Гете в «Гимне природе»).

Мы как бы становимся свидетелями соприкосновения двух мировосприятий, словно присутствуем при диалоге эпох. Рациональное познание мира уже не кажется высшей точкой развития разума.

...Во время сильных снеговых заносов на юге России птицы с южных степей искали убежища у Черного моря. Художник К. Коровин, живший в ту пору на даче в Гурзуфе, вспоминает, как набились во все помещения дрозды и пичужки, а «утром рано пришли ко мне в комнату, к двери, печальные и покорные птицы – дрофы. Вошли ко мне, как какие-то монахини, и грелись. Пришли ко мне, пришли к татарам Тефику и Осману. Почему они знали, что я, Тефик и Осман их не убьем, не съедем, не продадим, когда другие их били палками и резали. Они не пришли на дачи, где их изжарят. Почему они знали, что потом, когда стает снег, я повезу их, связанных в больших корзинах в степь, выпущу на волю. Тайна... Мало мы знаем тайн. Если бы мы больше знали тайн, может быть, было бы лучше на Земле...»

Искусство тайнослышания возвращает людям некогда утраченные способности, место которых захватили энергичные виртуозы оккультного шоу-бизнеса.

Преодолевая наши самоуспокоенность и чувство непогрешимости, радость осознанного незнания позволяет нам заново ощутить неисчерпаемость окружающей нас природы и готовность соприкоснуться с той поражающей тайной, какой для человека является человек.

**НУЖНО ЛИ
ОБЩЕСТВУ
ТЕЛЕВИДЕНИЕ?**

Однажды программа «Культурная революция» вышла под заголовком «Телевизионные ведущие – совесть нации», и я испытал, по крайней мере, три недоумения. Во-первых, по поводу соотношения весовых категорий оппонентов – Андрей Караулов против Владимира Познера. Второе недоумение – «совесть нации» защищал как раз Караулов, к фигуре которого это понятие относится, по-моему, в наименьшей степени. А третье и самое большое – это то, что Владимир Познер, один из наиболее уважаемых журналистов, очевидно в пылу полемики и в пику экранному апломбу своего оппонента заявил, что телевизионный ведущий никакая не совесть нации, а обслуживающий персонал, нечто вроде водителя троллейбуса.

Ведущий, как известно, визитная карточка телевидения и если считать, что ведущий – это просто обслуживающий персонал, то и само телевидение – всего лишь сфера обслуживания. Однако давайте заменим слово «телевидение» на слово «литература». И сразу становится абсурдной сама постановка вопроса: совесть нации или ... Да и то, и другое. Но все-таки сфера обслуживания в изящной словесности – это прежде всего коммерческая литература (как в газетах – таблоиды).

Виктор Коломиец, наш уважаемый социолог, на обложку журнала «Телефорум» вывел свое заключение: «Все российское телевидение – коммерческое телевидение». Думаю, что он, по-своему, прав. Почти все отечественное телевидение в наши дни – как бы каждый канал сам себя не называл – всецело коммерческое и существует на деньги рекламодателей. Отсюда и появление таких, отдающих сферой обслуживания названий программ, как «Большая стирка», «Окна» и прочие. Число их умножается чуть ли не с каждым месяцем. Но если заставить себя, хотя бы в воспитательных целях, просмотреть одну из таких передач от начала и до конца, чтобы понять что же это такое, то к концу невольно задашься вопросом: а какая польза от телевидения, если вред от такого рода программ очевиден, и очевидность эта становится все более вопиющей.

В чем смысл профессии тележурналиста? И какая польза людям от журналистов эфира?

ОБ УЗКИХ СПЕЦИАЛИСТАХ

«Я – узкий специалист, – уверял академик Л. Ландау. – Меня интересуют только неисследованные явления природы». Но отчего не считать себя «узким специалистом» и журналисту, если сугубая сфера его интересов – еще не разрешенные вопросы окружающей нас реальности? Еще недавно документалистов, решивших посвятить себя этой области, называли публицистами. В наши дни это слово звучит все реже. Оно не в моде. А тот, кто хочет все-таки стать публицистом, не до конца, как правило, представляет себе опасности, связанные с таким родом гражданской деятельности.

Тем более, когда речь идет о журналистике телевизионной. О программах, анализирующих социальные и нравственные коллизии, возникающие в нашем стремительно меняющемся обществе, еще не осознающем, какого, собственно, типа общество оно собой представляет. О той ее сфере, которая не относится ни к выпускам новостей, ни к потоку развлекательных шоу. К великому сожалению, незнакомство с профессиональными моделями «коллективного размышления», а чаще всего и собственная некомпетентность, то и дело превращают исследование фактов в простую констатацию фактов. Заявленная дискуссия становится псевдодискуссией, а анализ неотложной коллизии – всего лишь его мнимым подобием. В конечном счете, телевидение уходит от острых противоречий, лишней раз способствуя социальному мифотворчеству. Авторы таких передач не столько противостоят стереотипам массового сознания, сколько их популяризуют. Исследование проблем оборачивается забалтыванием этих проблем, а общественная мысль остается ровно на том же месте, в каком пребывала до начала программы.

В этой книге мы попытаемся поговорить о социальных противоречиях как предмете экранной публицистики. Об исходных критериях аналитической передачи. О диалоге как методе

мышления и искусстве общественной мысли. О новых формах соучастия телевизионной аудитории в общественном разговоре. И, наконец, о профессиональной позиции документалиста, выступающего в роли аналитика и организатора-драматурга.

Какие же проблемы могут стать предметом подлинно публицистического разбирательства? Иными словами, где кончается публицистика и начинается вмешательство в не свои дела?

Социолог Борис Грушин в своей книге «Мнения о мире и мир мнений» (1967), оказавшей когда-то сильнейшее влияние на развитие отечественной журналистики, попытался сформулировать три критерия подобного рода аналитического подхода. Вот эти критерии:

Общественный интерес. Дискуссионность. Компетентность.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС

«Из чего состоит воздух?» Многим этот вопрос, вероятно, покажется неожиданным, хотя, возможно, кому-то и занимательным – заставит вспомнить о знаниях, полученных еще в школе (сколько-то там озона, кислорода, инертных газов...). Зато вопрос, «как сделать чище воздух, которым мы дышим?», несомненно представляет общественный интерес. Такой вопрос способен задеть за живое всех, особенно горожан. Москвичи, например, все чаще ощущающие себя в роли жертв, не в силах не видеть прямой зависимости между поражающим ростом количества личных автомобилей и неизменным убыванием свежего воздуха в атмосфере столицы.

Именно этот вопрос был вынесен на одну из телевизионных пресс-конференций «Народ хочет знать», в которой участвовало два десятка семей столицы. Выяснилось, что ежегодно на каждого горожанина приходится 100 килограммов отравленных выбросов в атмосферу и что 83% из них приходится на автомобильный транспорт. Отягчающее обстоятельство – качество отечественных автомашин и качество продаваемого бензина. Бесконечные пробки, в которых повинен дефицит подземных переходов, скверная организация движения и, наконец, сами

Сергей Муратов

москвичи, которые безнаказанно нарушают все правила и бросают свои отжившие срок машины, где им захочется.

«Почему петляют реки?» – вопрос не менее занимателен, чем состав атмосферы. В самом деле, отчего реки не текут по прямой даже на плоской наклонной поверхности, а избирают причудливые зигзаги? Говорят, что серьезные исследователи до сих пор не нашли окончательного разрешения этой загадки. Но вот вопрос «почему реки гибнут?» (как гибнут и многие водоемы), угрожая жизни не только их обитателей, но и всех, живущих на берегах, – вопрос, смертельно важный для всего человечества. Это он заставил правительство США предпринять решительные усилия, чтобы очистить великие американские озера, насчитывавшие несколько тысяч лет и уже начавшие погибать из-за отходов современной промышленности. К сожалению, озеро Байкал (возраст – 25 миллионов лет) и сегодня гибнет из-за нерешительности российской власти, неспособной на волевые усилия. За десятки лет обеспокоенная общественность так и не сумела призвать свое правительство к радикальным действиям. «На наш век хватит» – в сознании чиновников этот довод явно перевешивал аргументы экологов.

Но вот наступил уже новый век, а спасительный довод все еще не утратил гипнотического воздействия. Впрочем, ответственность за сложившуюся ситуацию должны по справедливости разделить и средства массовой информации, в чьих силах придать голосу общественности ту степень непримиримости, с которой нельзя не считаться. От осознания не только властей, но и нас самих зависит скорость, с какой мы превращаем природу в окружающую среду, забывая, что сами же – часть природы.

Природа как таковая и наши о ней представления – область научного просветительства. Но стоит поставить вопрос иначе – *природа и мы*, – как разговор переходит в ведомство публицистики.

Непримиримым публицистом был Бернгард Гржимек – известный западногерманский зоолог, основатель Берлинского зоопарка и ведущий экологических телерубрик. Он так долго и упорно критиковал бездеятельное благодушие баварского правительства, что оно вынуждено было, наконец, раскатать

ся и создало национальный парк «Баварский лес». «Обижались на меня и изготовители супов из черепахи, торговцы лягушатиной, заводчики собак. Несправедливо оскорбленными почувствовали себя и некоторые знатные дамы, которые после моих выступлений не решались появляться в обществе в своих тигровых манто; ссорился я даже с итальянским правительством, которое разрешало убивать на пролете сотни миллионов полезных европейских птиц и перерабатывать их на деликатесы; с фабрикантами кожевенной промышленности, выпускающими изделия из крокодиловой кожи, с устройствами испанской корриды...».

Но самое яростное сражение ему пришлось выдержать из-за детенышей гренландского тюленя.

Канадские экологи в бухте Святого Лаврентия сняли документальный фильм о промысловиках, добывающих бельков – новорожденных тюленят. Не утруждая себя тем, чтобы предварительно оглушить свою жертву дубинкой, они сдирали шкуру с живого, неистово кричащего детеныша, притом прямо на глазах у его матери. Этот жуткий по своей жестокости фильм был продемонстрирован по канадскому телевидению и вызвал ужас и законное возмущение среди зрителей. «Я тут же продемонстрировал фильм по немецкому телевидению, – вспоминал Б. Гржимек, – одновременно предупредив зрителей, чтобы они не направляли своих возмущенных писем мне, поскольку я тут бессилен что-либо изменить, а непосредственно канадскому премьер-министру Пирсону».

Как сообщили потом газеты Канады, тот получил свыше пятнадцати тысяч обличительных писем. Разразился шумный скандал в прессе и в парламенте. «Дело дошло до того, что утверждалось, будто меня подкупили южноафриканские каракулеводы, с тем, чтобы устроить всю эту шумиху, для того чтобы в Европе покупали больше каракуля, а не изделия из тюленьего меха. Союз меховщиков подал на меня в суд, затребовав огромную сумму за ущерб, нанесенный меховой промышленности. Однако дело проиграл»¹⁰.

А шокированное всеобщим возмущением общественности канадское правительство издало строгие предписания

¹⁰ Литературная газета. – 1982. – 19 июня.

Сергей Муратов

и учредило контроль над группами промысловиков, укомплектовав их спецслужбой, призванной следить за тем, чтобы предписания неукоснительно выполнялись.

Общественное внимание можно привлечь и менее травматическим образом. В одной из японских газет в разделе «Природа и мы» была опубликована фотография реки того города, где находилась редакция. Ничего особенного в этом снимке не было, если не считать напечатанной под фотографией мелким шрифтом подписи: «Этот снимок проявлен в реке нашего города». Читатель, обнаруживший подпись, испытывал поначалу недоумение («это что же – речь идет о реке, где я то и дело купаюсь?»), затем изумление («...и воду из которой я пью?»), наконец, возмущение («так, выходит, я купаюсь в проявителе и пью проявитель?!»). Строчка, набранная петитом, оказывалась детонатором читательского негодования.

Обитатели основанного Гржимеком зоопарка располагались по отношению к посетителям по мере возрастания их «звериных» качеств – от нежных газелей к могучим носорогам, и далее – львам и тиграм. Из последнего закрытого павильона раздавались звуки, казавшиеся ужаснее любого рычания, а табличка предупреждала, что здесь находится представитель самого безжалостного на земле существа, уничтожающего себе подобных с невиданной яростью и размахом. Посетителей павильона встречала кромешная темнота, привыкая к которой, они начинали различать прутья толстенной решетки, а затем, присмотревшись, обнаруживали и стоящее за нею зеркало – с их же собственным отражением. Но не является ли такого рода зоопарком само телевидение? А павильон – результатом действий назойливых публицистов?

Когда, собравшись в Риме, группа ученых из разных стран подсчитала последствия человеческой деятельности, безжалостно эксплуатирующей природу и никак не возобновляющей израсходованных ресурсов, они пришли в ужас от перспективы ближайших десятилетий. Сообщество исследователей («Римский клуб», 1962) опубликовало результаты своих подсчетов в книге «Пределы росту». Обращение к людям планеты прозвучало предупреждением. Человечество ведет себя как ребенок в люльке, играющий коробкой со спичками. Того и

гляди, готово поджечь свою люльку только ради жгучего интереса – посмотреть, что получится.

Когда мы испытываем серьезное недомогание и идем к врачу, тот отправляет нас сначала в рентгеновский кабинет, чтобы заглянуть внутрь нашего организма и выявить подлинные причины болезни. Работу публицистов можно уподобить действиям рентгенологов. Они устанавливают болезни общества. Но является ли обнаруженная опухоль в самом деле злокачественной? В обыденной жизни ответ на этот вопрос зависит от профессионализма медика. Публицисту, имеющему дело с массовой аудиторией, одной достоверности результатов еще недостаточно. Эффект общественного воздействия наступает, когда он дает нам понять: опухоль на снимке, которую вы сейчас видите – ваша опухоль.

«Когда кончал речь Цицерон, – писал Гейне, – сенаторы вставали, долго хлопали и говорили: какой великий оратор наш Марк Туллий! Когда заканчивал свою речь против царя Филиппа Демосфен, никто не хлопал, все бежали вносить деньги на войну». Современный филолог, имеющий дело с «текстами», может, если захочет, доказать преимущества цicerоновской речи для сегодняшних читателей. Но это означало бы, что за скобками осталась такая малость, как эффект, произведенный оратором на аудиторию – убедил ли он публику? Судить о публицистическом выступлении как о «тексте» независимо от того, каков был общественный резонанс, – то же самое, что оценивать достоинства фортепьяно безотносительно к тому, как оно звучит.

Публицист всегда рассчитывает на общественную реакцию. Собственно, степень такого воздействия и определяется его профессиональный уровень.

Венгерский писатель Лайош Мештерхази когда-то рассказывал мне о происхождении популярной в свое время телерубрики «Притчи». Однажды его посетил молодой человек (писатель был болен, и встретиться с ним можно было только у него дома). Гость пришел с толстой папкой, был очень взволнован, на грани нервного срыва, и сразу кинулся объяснять причину своего появления. Несколько лет назад на профсоюзном собрании, где он отсутствовал (в силу безалаберности своего

Сергей Муратов

характера), его выбрали – вероятно, из чувства злорадства – председателем только что организованной на фабрике кассы взаимопомощи.

Трудно было отыскать в коллективе фабрики более неподходящую кандидатуру. Будучи по натуре человеком добрым, но при этом на редкость рассеянным и необязательным, он охотно одалживал деньги из кассы желающим (например, «протянуть до получки») и не слишком заботился о возвращении долга. Через год, когда подошло время очередной финансовой проверки, он вдруг обнаружил недостачу довольно приличной суммы. Разговор с директором фабрики был крутым. Тот потребовал, чтобы вся сумма к установленному законом сроку была в наличии. Горемыка попытался воззвать к совести должников. Но многие о своем долге уже забыли или соглашались дать деньги займы под большие проценты, поскольку снимать их пришлось бы со срочного вклада. А третьи отрицали сам факт своего обращения за помощью. Каким-то образом искомая сумма, наконец, была собрана. Скандала не состоялось. Но печальный опыт впрок не пошел. Привычки героя остались прежними. Беззаботный доброхот согласился остаться председателем на новый срок.

Далее события разворачивались в той же последовательности, но куда драматичнее. Наш герой успел жениться на юной работнице своей фабрики, обожавшей рестораны и развлечения, так что ему все чаще приходилось брать в долг из собственной кассы, то есть у самого себя. Словом, за месяц до наступления очередной проверки недостача составляла сумму, во много раз превышающую прошлогоднюю, и каким образом ее покрыть, он не мог себе и представить. Мучительно размышляя над этой задачей, несчастный вспомнил, что, еще учась в гимназии, написал однажды стихотворение, которое было опубликовано в местной газете, за что ему заплатили гонорар, по тем временам показавшийся подростку астрономическим. Спасительное решение пришло немедленно – написать роман и полученным авансом восполнить недостающую сумму!

Работа над романом заняла две недели. Но чтобы его опубликовали или хотя бы приняли к печати, необходимо было поручительство авторитетного писателя. Такого масштаба как,

например, Мештерхази. Этим обстоятельством и объяснялось неожиданное появление гостя, не назвавшего ни своего имени, ни фамилии, ни фабрики, где работал. Изложив сумбурно свою историю, он исчез, вручив свою папку и всю дальнейшую судьбу ошеломленному писателю и при этом не оставив ни малейших координат. Достаточно было открыть оставленную им папку, чтобы убедиться – в ней лежало произведение графомана.

Никаких звонков или сообщений от странного гостя в ближайшую неделю не последовало, как, впрочем, и во все дальнейшие. Но взбудораженному писателю требовалась разрядка. И тогда он написал одноактную пьесу, изложив в ней историю, услышанную от гостя, и отдал ее на телевидение – как житейскую драму с открытым финалом. При этом на репетициях в труппе шли постоянные споры – кто виновен в сложившейся ситуации: сам герой, беззаботно согласившийся возглавить кассу взаимопомощи, или коллеги, предложившие ему эту роль. А, может, они же, когда беззастенчиво занимали из кассы деньги, не думая о возврате. Нет, виноват директор фабрики, говорили одни, – надо было злополучного председателя сразу же отстранить от работы и вызвать полицию: наказание бы не было слишком строгим. Да нет, директор был прав, дав несчастному шанс исправиться, – возражали другие, – всегда надо верить в лучшие качества окружающих, а тем более твоих же сотрудников.

Вторым актом спектакля стал его просмотр, но не телезрителями, а специально приглашенной в студию аудиторией, состоящей из рабочих, юристов, социологов, молодых людей – своего рода модели общества. Спектакль вызвал бурное обсуждение, оппоненты разили друг друга, как им казалось, бесспорными аргументами, а вся дискуссия записывалась на пленку. В эфир таким образом прошли сразу два этих действия – спектакль и полемика в павильоне. Третьим актом стали бесчисленные звонки и письма от телезрителей. Но, собственно, на этот эффект и была рассчитана сама рубрика («Притчи»), предложенная писателем.

«Телевизионный зритель отличается от театрального тем, что смотрит спектакль, не выходя из дома, – объяснял Мештерхази. – Иногда – за обеденным столом, вокруг которого со-

бралась семья и продолжают вечерние разговоры. "Ну как, ваша секретарша по-прежнему ухлестывает за директором и все собирается женить его на себе?" – спрашивает хозяйка за ужином у супруга. Я беру этот заурядный сюжет (а все сюжеты для "Притчей" основаны на документальных историях) и показываю, как он развивался на самом деле. Директор женат уже четверть века, и от былых отношений в семье ничего не осталось. Семья бездетна, к тому же он болен, у него язва желудка, необходимы диета и регулярное питание, за чем супруга давно перестала следить. Трудоголик по натуре, он задерживается в своем кабинете до ночи, а секретарша, сочувствуя его положению, остается нередко с ним. И даже порою приносит с собой паровые котлетки и свежий творог. Несмотря на разницу в возрасте такое ночное времяпрепровождение не может пройти без последствий. Директор предлагает ей руку, но она не хочет вступать с ним в брак, который оказался бы оплачен ценою развода с женой. Он пытается перевести ее на более оплачиваемую должность, но она снова отказывается, чтобы чаще быть рядом с ним. Словом, все протекает не так, как в досужих слухах».

«Если бы я предлагал эту пьесу театру, – говорил писатель, – мне необходимо было бы сочинить, как положено, финал традиционного треугольника. Сочинить нетрудно, но никакой придуманный мной финал не в состоянии разрешить реально существующую в обществе демографическую проблему». Проблема же в том, что на 260 тысяч незамужних женщин в Будапеште приходилось только 60 тысяч неженатых мужчин. «Жестокая статистика, – писал о похожей ситуации 70-х годов в нашей стране Л. Жуховицкий – обрекает многих невест на жизнь без любви и детей. Но женщины живут не по законам статистики... Из самых безвыходных положений люди, как правило, находят выход. Нашли и тут. Другое дело – как к этому выходу относиться. Сегодняшнее наше расхожее мнение относится плохо»¹¹.

Возникающие в обществе аналогичные ситуации – не обязательно результат распущенности юных охотниц за мужчина-

¹¹ Жуховицкий Л. Любовь и демография // Литературная газета. – 1977. – 4 мая.

ми. Но как разрушить «расхожее мнение» – закоренелые стереотипы обыденного сознания? Лайош Мештерхази своими «Притчами» предложил один из таких путей. Иными словами, он предложил задуматься.

РАСХОЖЕЕ МНЕНИЕ – ВО ВЛАСТИ ВЛАСТИ

Вернемся, однако, к вопросу о смысле профессии журналиста и о том, какая польза людям от журналистов эфира? Но, простите, слышу в ответ, никто же не спрашивает, какая польза, скажем, от поваров или от портных. Повара нас кормят, портные нас одевают. А журналисты? А журналисты нас информируют, скажет всякий, кто считает (а считает так большинство), что телевидение – это средство массовой информации.

Но могут ли люди прожить без поваров? Конечно, могут. Они без еды жить не могут, а как ее готовить – это уже второй вопрос. А без портных? Мы не в состоянии обойтись без одежды. А без портных, разумеется, обойдемся, как обходились первобытные племена, которые ведь тоже страдали от холода. А может ли прожить человек, продолжим сравнение дальше, без массовой информации? Человек-то может. Без массовой информации трудно прожить современному обществу.

Но тогда попробуем поставить вопрос иначе. С чем, собственно, имеют дело представители этих трех профессий? Повар имеет дело с продуктами, которые он из одного состояния (с грядки, с базара, из магазина) переводит в другое, готовое к нашему поглощению. Портной имеет дело с материалом, преобразуя его в различные виды удобной и модной одежды. А с чем же имеет дело в таком случае журналист? Он имеет дело с массовым сознанием (оно для него и продукт, и материал), и – по той же логике – он это массовое сознание должен, вероятно, преобразовать из прежнего состояния в какое-то новое. И уже тем самым оправдать необходимость своей профессии. Но из какого состояния? И в какое?

Как ни странно, такой вопрос почти никогда не ставится – ни о состояниях массового сознания, ни о конечном смысле журналистской профессии.

Зато не умолкает полемика «пресса и власть». Не пресса и массовое сознание, что имело бы прямое отношение к теме, а пресса и власть. Речь идет о власти политической, о правительстве. И если задуматься, понятно почему. Потому что политическая власть тоже хочет дирижировать массовым сознанием. А какой наиболее эффективный способ им овладеть? Через средства массовой информации!

Выходит, журналисты оказываются изначально в двойственной ситуации. Они либо должны подчиняться власти и помогать ей эту задачу осуществлять, либо непосредственно влиять на массовое сознание и оказывать на него желаемое ему, журналисту, воздействие – независимо от власти, а иногда и вопреки желаниям власти. *Борьба за массовое сознание превращается в борьбу за СМИ.*

Эти отношения досконально исследованы за последние 300 лет в классическом труде «Четыре теории прессы» американских мыслителей Ф. Сиберта, У. Шрамма и Т. Питерсона (ее первое издание вышло в США в 1956). Первая теория (а точнее, стадия) – **авторитарная**. Она исходит из хорошо известного постулата: пресса – инструмент политической власти (правительства, короля). Вторая, на завоевание которой потребовались десятилетние (и даже столетние) усилия демократов, – **либертарианская**: пресса – инструмент общественного контроля над властью. (Если в первом случае речь идет о защите власти, то во втором – о защите от власти.) Наконец, третья стадия: понимание того, что, действуя от имени общества, прессе не следует забывать о своей социальной и этической ответственности перед тем же обществом (концепция **социально ответственной** прессы). Разумеется, в определение «прессы», помимо печатных изданий, со временем вошли кинематограф, радио, телевидение, а ныне и Интернет.

Но самое поразительное, что перестроечная российская пресса (начиная с утверждения Закона о печати в 1991 году) прошла эту трехсотлетнюю эволюцию за десять лет! Вернее, прошла две последних стадии. Собственно, с моделью авторитарной мы были знакомы и прежде, пока не обнаружили – на волне перестройки, что та же пресса может стать инструментом общественного контроля над властью (период этот у нас

назывался «гласность»). И тут же, еще не успев утвердиться на этой стадии, мы вступили в третью фазу, когда все СМИ – и в первую очередь телевидение – начинает утрачивать ответственность перед обществом. Правда, этого обстоятельства мы как раз замечать не спешим. В то время, как критики замечают. Равно как зрители и читатели. И все чаще приводят доводы о пользе цензуры, на что раздаются в ответ возмущенные возгласы – какая еще цензура, вы что хотите возвращения к сталинским временам?!

Почему это происходит? Я думаю, потому что журналисты давно подменили свою задачу – иметь дело с массовым сознанием, а не с политиками, которые управляют этим сознанием. То есть вместо противостояния массовому сознанию, а именно его низшей, неразвитой, примитивной стадии, мы решили, что конечная наша задача – противостояние политической власти с ее неутомимым стремлением опираться как раз на такое сознание. Ведь чем оно примитивнее, тем политику проще. Ясно представляя против чего (против политической цензуры) они сражаются, журналисты не слишком себе отдают отчет – а ради чего? Вместо того, чтобы выполнять свой долг – быть преобразователями и просветителями массового сознания, они предпочитают выступать неутомимыми борцами со властью имущими. Рискуя при этом своей профессиональной карьерой, личным благосостоянием, а в отдельных случаях даже жизнью. Между тем политической власти по своей агрессивности и жестокости далеко до власти массового сознания, то есть до воинственных предрасудков неистовой публики. И не триста лет говорят об этом, а вся история человечества. История, которую принято начинать с Сократа, осужденного на смерть именно голосами народных судей. А затем эта схема повторялась вплоть до изгнания возмущенным народом из своей страны Эмиля Золя (дело Дрейфуса), не говоря уже о незавидных судьбах всех наших диссидентов.

Насколько же справедливо это наше нынешнее представление о цензуре, как о феномене исключительно политическом, обусловленном намерениями властей? Как проклятое прошлое представляется нам эпоха «общественной немоты», ког-

Сергей Муратов

да с экрана легко удалялась знаменитая «Эстафета новостей» Юрия Фокина и чемпион по популярности КВН. Когда в числе изгнанников оказались Сергей Смирнов, на чью передачу «Рассказы о героизме» приходило до двух тысяч писем в день, и лучший ведущий «Кинопанорамы» Алексей Каплер. Число телефильмов, отправленных на полку до ожидания лучшей участи, с каждым годом росло. «Удушение в прокате», «Вырежут – не вырежут», «Фильмы для выключенного телевизора» – характерные заголовки газетных публикаций тех лет.

Травмированные советской идеологией, мы даже не заметили, что за последние 10–15 лет попали во власть совершенно другой цензуры – коммерческой. Конечно, мы и раньше слышали о всевластии коммерсантов на Западе, но это было у них, а никак не в условиях развитого социализма. Ибо такого, как нам казалось, здесь и быть не могло. Мы не понимали, что роль коммерсантов у нас выполнял ЦК КПСС. Финансовым властителем или содержателем электронных коммуникаций выступало само бюджетное телевидение (бытующее у нас вопреки остальному миру).

У журналистов было много своих проблем, но деньги как способ выживания телевидения для нас не существовали. Мы решали творческие задачи – как себя отстоять, но никогда это не было связано напрямую с деньгами. И вот мы впервые испытываем на себе все то, что представители прессы в других странах испытывали всегда. И выясняем, что это-то и есть коммерческая цензура.

Такая цензура исключает, во-первых, все, что не пользуется массовым спросом. Раньше, когда наши тележурналисты делали передачу, они были обеспокоены лишь тем, что скажет начальник – пропустит ее или не пропустит. Сегодня их заботит другое – что скажет рейтинг. Поскольку начальник обязательно повторит именно то, что подскажет рейтинг.

К тому же случалось, что через прежний идеологический запрет можно было со временем и перескочить: «Один день с Леонидом Леоновым», где писатель, обращаясь к нашей гражданской совести, говорил о национальной старине, «за последние годы подвергшейся почти сейсмическому опустошению», пролежал на полке 14 лет, пока не пришла перестройка. Двад-

Телевидение как искусство или как шприц

цать лет ждал всесоюзной премьеры на телеэкране «Обыкновенный фашизм» Ромма, хотя никто не запрещал его демонстрацию в кинозалах.

Когда после смерти Пушкина в царской России разрешили к публикации его «Историю Петра» (чего при жизни поэта не дозволялось высочайшим повелением Николая I – ни «Истории Петра», ни «Медного всадника»), политический цензор сделал 49 изъятий из текста. Они могли бы быть навсегда потеряны для истории литературы. Но цензор был дотошен, и изъятые фрагменты сохранились в его бумагах, – а значит и для будущих поколений.

Коммерческая цензура не оставляет следов. Она не запрещает произведений. Она просто не допускает появления того, что можно было бы запретить. Устраняется не произведение, а сами условия для его рождения. Не ребенок, а возможность его зачатия. А неотснятый фильм – неродившийся ребенок.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ КАК ИСКУССТВО ИЛИ КАК ШПРИЦ ДЛЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНЪЕКЦИЙ?

В народном сознании до сих пор существуют две точки зрения. Согласно первой – нынешнее телевидение несопоставимо лучше прежнего. Согласно второй – прежнее несопоставимо лучше того, что мы видим сегодня. Оба эти утверждения справедливы как частные проявления истины.

Что же касается самой истины, все еще не осознанной обществом: обе стадии нашего телевидения не лучше и не хуже друг друга, поскольку в диапазоне мирового вещания они – уникальны. Под уникальностью я имею в виду не высшую степень превосходства, а **исключительность** – непохожесть на все остальное.

Драматизм усугубляется еще и тем, что новое поколение зрителей прежнего телевидения не знает, а новое поколение руководителей телеканалов ведет себя так, словно этого прошлого не существовало, а все, что было до него, – сплошная пропаганда и политическая цензура.

Между тем телевидение в нашей стране начиналось прежде всего как канал просвещения и культуры. Наиболее типичным газетным заголовком публикаций о телевидении 1950-х годов было «Телевидение – искусство миллионов». Первая книга о телевидении называлась «Телевидение как искусство» (1962), вторая – монография Владимира Саппака «Телевидение и мы» (1963) – рассматривала эфир как предтечу новой фазы искусства. Она стала библией телевизионщиков 60-х. Эфир удивлял художественными поисками в сфере телевизионного театра и телекино.

«Телевидение стало великим продолжателем культуры, современным хранилищем человеческого гения, всего лучшего, что создано им за тысячелетия развития». Это фрагмент из предисловия к сборнику «Откровения телевидения», изданному в 1976 году.

В наши дни, разумеется, можно смеяться – какое «искусство» было возможно на тех тогда еще лилипутах-экранах? Но дело в том, что те, кто делал эти программы, были уверены, что со временем телевидение станет искусством. И зрители тоже в это верили. Поэтому гораздо более удивительным было не то, что телевидение называли искусством, а то, что слово «миллионы» начало звучать, когда еще никаких миллионов зрителей и в помине не было. Они появились потом.

В доперестроечное время, когда москвичи принимали четыре канала, их все можно было практически считать каналом «Культура». Было много пропаганды, (настырной как нынешняя реклама), но все же по объему она занимала гораздо меньше времени, чем культурные или просветительские передачи.

Но не менее очевидным было стремление властей превратить телевидение в инструмент централизованной пропаганды. Андрей Вознесенский не случайно назвал Останкинскую телебашню *«шприцом для идеологических инъекций»*.

Уникальность советского телевидения состояла именно в этом «противоестественном» сочетании просвещения и политики (диктатуры идеологии). К тому же в 1962 году наше телевидение стало бюджетным.

До этого все обладатели телевизоров должны были ежемесячно вносить абонентную плату (как и за радио). Телевиде-

ние Советского Союза (как и телевидение стран народной демократии) содержалось за счет государства, и в этом смысле было прямым аналогом финансовой структуры телевидения нацистской Германии 1930-х годов.

Не менее уникальным стало последующее превращение нашего телевидения в коммерческое вещание (за исключением канала «Культура»). «Исчадие ада», каким мы называли прежде западное вещание, превратилось в «обитель рая» в начале 90-х годов. И если бы книга под названием «Телевидение как искусство» вышла в наши дни и посвящалась сегодняшнему вещанию, автора назвали бы злым шутником, циником, способным на откровенные издевательства.

«Телевидение формирует граждан, которыми легко управлять», – заметил западный философ, но это утверждение еще в большей степени относилось к нашему телевидению. И все чаще возникали каверзные вопросы.

Чем были советские теленовости и телехроника – **образом времени**, как называли себя ее создатели, или **мифом о времени**? Что общего между советской диктатурой идеологии и сегодняшней диктатурой рейтинга? Между психологией рекламы и психологией пропаганды?

Различие состояло в цензуре. Политическая цензура была реакцией на опасные мысли, которые требовалось немедленно устранять, коммерческая – реакцией на наличие всякой мысли вообще.

В результате многие творческие поиски и достижения исчезли. Например, телевизионный театр ушел в безвозвратное прошлое, а телекино все чаще стало сниматься по законам шоу-бизнеса.

Но коммерческая цензура – это и есть цензура массового сознания. Философия послушников. Когда-то Форд заметил, что как демократ он признает за автомашинами любой цвет – при условии, что тот черный. Коммерческое вещание признает любой тип телезрителя при условии, что тот представляет, о чем уже говорилось, поголовное большинство. Так сказать, поголовье зрителей. Желательно с дошкольным уровнем образования. Существует анекдот про шестилетнюю девочку, которая к изумлению экспертов с одного взгляда могла отличить произ-

ведение искусства от изделия китча. «Но как тебе это удается?» – попытались выяснить эксперты. – «Да это же так просто, – в свою очередь, удивлялась девочка. – Когда я вижу, что мне интересно – это значит китч, а когда мне скучно – значит искусство». Складывается впечатление, что со временем, когда девочка выросла, она каким-то образом оказалась в руководстве коммерческого вещания, и с тех пор вещательная политика постоянно ориентируется на уровень аудитории шестилетних девочек.

С точки зрения рейтинга, популярность Пушкина в царской России можно считать ничтожной. Последние три тома его сочинений были изданы в количестве 218 экземпляров. В то время, как 7000 экземпляров тогдашнего бестселлера Фаддея Булгарина «Иван Выжигин» свидетельствовали о том, что тот был удостоен признания в десятки раз большего. Но кто читает сегодня «народные» романы Булгарина? Самая популярная (а значит, и самая «народная») книга позапрошлого века в России – «Повесть о приключениях английского милорда Георга и о Бранденбургской маркграфине Федерике-Луизе с присовокуплением истории бывшего турецкого визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезии». Книга была переиздана 97 раз!

Отсутствие полков – не достижение демократии. Не гарантирующие рейтинга идеи в наши дни отклоняются не на уровне готовых программ или готовых сценариев, а уже в заявке и даже в замысле (исключением остается канал «Культура»). Все эти годы оставались без ответа многочисленные заявки на фильмы вчерашних классиков телекино – С. Зеликина, Д. Лунькова, Вл. Виноградова... По существу мастера оказались отлучены от своей профессии. На полки просто нечего стало класть. На наших глазах изменилась система ценностей. Это прежде эфир удивлял художественными поисками в сфере телевизионного театра и телекино.

Нынешние коммерсанты опираются на рейтинг, а говорят (убеждая не только нас, но и себя), что они опираются на вкусы народа. Но сиюминутная публика, которую собирают такие программы – еще не народ. (Есть даже пословица: публика дура – народ молодец.) Владимир Вернадский писал о том, что народ – это всего только заготовка нации, потому что нация сама по себе – явление прежде всего культурное. Со времени Пушкина

изменился масштаб проблемы. Тогда о его произведениях могла высказываться лишь читающая публика, а она составляла ничтожное количество среди российского населения. Сегодня нам тоже пока еще далеко до всеобщей грамотности. Но телевизионные произведения в ней вообще не нуждаются.

Отсюда и ответ на вопрос: так в чем же смысл и призвание нынешней тележурналистики? Задача журналистов – попробовать преобразовать массовое сознание, то есть сознание неразвитой публики в общественное мнение, то есть в сознание гражданского общества. Конечно, мне могут сказать, что у нас нет или почти еще нет гражданского общества. Но его создание – дело тоже не только одной экономики, но и телевидения – как выразителя общественной мысли.

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И КУЛЬТУРА

По отношению к массовому сознанию перед телевидением, таким образом, открываются три позиции.

1. *Окультуривание.* Задача, которую в обществе выполняют школы и университеты, медики и учителя. Ту же роль в мировой культуре сыграла русская классическая литература XIX века, отчего и стала всемирно великой. Коммерсанты от телевидения полагают, что к этой роли они не имеют ни малейшего отношения. Культура прибыли не приносит (если это не массовая культура).

2. *Консервация.* Никого не надо окультуривать. Давайте оставим и сохраним все, как оно есть. Такую позицию исповедует американское коммерческое вещание, сделавшее ставку на информацию и развлечение. Однако рано или поздно при этом возникает неизбежный гибрид – информация к развлечению. Со всеми вытекающими последствиями.

3. *Игра на понижение.* Позиция, о которой мы не подозревали и которую не предвидели в самых страшных снах. Не окультуривать, не оставлять все, как есть, а сознательно сделать ставку в игре на понижение. На тот самый тип развлечения, который собирает большинство публики, когда работает на уровне ниже пояса. Тот путь, который выбрало у нас на глазах и глазах всего мира российское коммерческое вещание.

Если историю человечества рассматривать как очеловечивание обезьяны, то данный процесс, по словам замечательного композитора С. Губайдулиной, следует оценивать, как обезьянивание человека. Но именно к этой фазе мы сегодня и подошли. Вернее сказать – спустились. Это и есть социально ответственная модель, а применительно к нынешней нашей эфирной практике – социально-безответственная.

О подобного рода опасности почти пятьдесят лет назад предостерегал в своей книге «Телевидение и мы» Владимир Сап-пак. Примерно в то же время в США вышел сборник статей выдающихся авторов – критиков, философов, социологов – о том, к чему ведет коммерческое вещание. И если первая книга – ода, то вторая – скорее реквием. Ее авторы называли наблюдаемый ими эфир интеллектуальной пустыней и предрекали, что если так будет продолжаться и дальше, то у грядущих зрителей будут глаза размером с дыню и никаких мозгов.

Прошло полвека. И когда я включаю ток-шоу, с которых начал, я вижу своими глазами ту самую публику, у которой глаза «размером с дыню и никаких мозгов». Вижу ее не у них, а у нас. Мы воспитали, причем очень быстро, поколение глазееющих телезрителей. «Поднимите мне веки и покажите хоть один канал, чье вещание направлено на существ с мозгом больше куриного и интересами выше гениталий». Это не цитата американского телекритика, это реплика сегодняшнего российского телезрителя, напечатанная в «Известиях». Такими репликами заполнены сотни газет. Культура в эфире за последние лет пятнадцать почти перестала существовать. Коммерческое вещание нуждается в просвещении не больше, чем курица в яичнице или ягненок в шашлыке.

В российском эфире произошла антикультурная революция. Возникло новое поколение глазееющих телезрителей, которому все меньше необходима культура и все больше программы вроде «Окон», «Больших стирок», ежедневных «Пусть говорят» и криминальных сериалов (в лучших случаях типа «Бригады»). Журналисты не информируют и даже не развлекают. Они опускают аудиторию, трансформируя бывшую музу в сферу обслуживания публики. Отвечают наиболее примитивным потребностям, поскольку именно это дает наивысший рейтинг.

Образовательная функция телевидения (не уступающая такой государственной функции как всеобщая грамотность населения) по сути утрачена. Ссылаясь на рейтинг, мы научились собирать самые большие аудитории на зрелищах, которые представляют собою пиры во время чумы, причем чуму мы сами же культивируем. Подобного рода зрелища – самоуничтожение нации. И телевидение в этих случаях превращается в национальную катастрофу.

Но существует ли альтернатива такому развитию дел? Существует. Сегодня я вижу эту альтернативу в канале «Культура». В цитате, приведенной мною из «Известий», я опустил два слова. Вот эти слова: «покажите мне хоть один канал КРОМЕ "КУЛЬТУРЫ"»... Однако канал «Культура» собирает в наши дни не более трех процентов аудитории. Он не очень-то занимает воспитанную нами аудиторию.

Так какому же телевидению и какому каналу журналист, связавший с телевидением свое творчество, отдает свою жизнь? Тому, которое посвящает себя, как говорили в XIX веке, «служению обществу» или тому, которое, как говорят у нас в XXI веке, ставит задачу обслуживания публики? И вообще, что такое наша профессия – только профессия, ремесло или это еще и долг?

Если долг, то необходимо думать о том, как все-таки возвести народ до степени нации, а если это всего лишь одно ремесло, тогда спокойно можно продолжать опираться на замечательную формулу: «какова публика – таково и телевидение». Да и вообще, почему мы должны быть выше? Демократическое вещание опирается на вкусы народа, а рейтинг показывает, что самое большое количество публики собирают именно такого рода ток-шоу.

Когда-то было принято говорить, что сначала мы создаем образ архитектуры, а потом она создает наш образ. Сегодня куда справедливей предположить, что сначала мы создаем наше телевидение, а потом оно создает наш образ. Какого рода поколения мы хотим оставить после себя? Поколение глазеющих телезрителей или...

МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ...

Нужно ли телевидение обществу? Не политикам (достаточно вспомнить о Жириновском и Митрофанове, без которых они не состоялись бы вообще). Не коммерсантам (вспомните Березовского и Гусинского – прародителей информационных войн). Тут, как говорится, вопроса нет. Но нужно ли оно обществу?

Если «да» – понимают ли журналисты смысл своей профессии? Считают ли, что в ней вообще есть какой-то духовный смысл?

Общественному вещанию нужны деньги, заметил один из поклонников Би-би-си, чтобы делать программы, а коммерческому вещанию нужны программы, чтобы делать деньги. Такие телекомпании создают не те программы, которые делают людей лучше, а те, которые делают их компании все богаче.

«Минздрав предупреждает...» – можно прочесть в наши дни на коробке от сигарет. Неплохо было бы снабдить подобным предупреждением каждый продаваемый в России телеприемник. «Министерство здравоохранения и Министерство образования предупреждают, что ежедневное потребление сегодняшнего вещания ведет к потере народом самоощущения нации, к оскудению нравственного начала и утрате национальной культуры».

Конечно, нелепо говорить о самом себе, я – «совесть нации» или именно я посвятил себя «служению обществу», но еще нелепее отрицать, что понятия «совесть нации» и «служение обществу» как раз и есть социальное оправдание литературы и телевидения.

...Публицистика (вспомним размышления Лайоша Мештерхази) – не просто драма с открытым финалом. Это драма общественная. А для многих – и личная. Обозначить проблемную ситуацию означает установить, как в случае с опухолью, в какой мере она, эта социальная опухоль, злокачественна и из каких противоречий могла возникнуть.

Но любое противоречие предполагает различие в точках зрения.

И здесь мы подходим ко второму условию публицистики – критерию *дискуссионности*.

КАК ВОСПИТАТЬ ПЕДАНТОВ

Когда-то Кант упомянул о трех чудесах, которых люди ждут от цивилизации. О «вечном хлебе» как об избавлении нас от голодной смерти. О «живой воде», способной предохранять нашу жизнь от всех болезней. И, наконец, об искусстве обучения, которое бы раскрыло задатки каждого, ибо, не развив своих способностей и талантов, мы словно бы и не жили.

Вспоминая о лучших школьных годах, стоило бы задуматься: а помогла ли мне школа раскрыть самого себя? Или только снабдила набором готовых понятий вместо того, чтобы научить «пониманию тех вопросов, ради решения которых человечество эти изучаемые школьные предметы изобрело».

Один из первых упреков школе (или один из ее пороков) – искоренение почемучек. Пробуждает ли школа в учащихся радость думать – задаваться вопросами и не бояться противоречий? «Я не знаю, кто меня послал в мир, я не знаю, что такое мир, что такое я...» – размышлял Паскаль. Человек рождается сгустком возможностей. Насколько их удастся осуществить, в наше время в огромной мере зависит от школы и института. Рано или поздно молодой человек начинает себе задавать вопрос: кто я и каково мое место в мире? Но это в том случае, если потребность задаваться вопросами еще не подменили набором готовых мифологем.

В стенах школы таких вопросов себе не принято задавать. Отсюда куда чаще выходят не мыслящие, а запрограммированные выпускники. В лучшем случае обладатели все того же усвоенного набора знаний (при отсутствии понимания). Подобных выпускников к поступлению в вузы готовят путем дрсировки и репетиторства. И многие абитуриенты туда стремятся уже не за знаниями, а за дипломами. (Хотя диплом сегодня можно купить в любом подземном переходе – за двойную цену с настоящими подписями и печатями.) А при поступлении на работу с удивлением узнают: дипломы значат все меньше, а знания – все больше.

К тому же еще одно обстоятельство – возрастное. В подростковом состоянии наиболее привлекательно все, что кате-

горично – безоговорочные истины и окончательные суждения. Этому как раз и способствует формально-логический способ образования, где однозначность всегда предпочтительней многозначности. Монохроматическое восприятие мира (или – или) требует решения спорных вопросов как вердикта в последней инстанции. «Возможна ли дружба между мужчиной и женщиной?» (да или нет?). «Всегда ли надо говорить правду?» (да или нет?). Можно ли сразу любить двоих?» (в последние годы – мужчин и женщин одновременно?).

Такое линейное мышление закрепляется в школьнике как свойство характера. Юные максималисты рискуют застрять в этом возрасте, как в стадии куколки, которой так и не суждено стать бабочкой.

КОЕ-ЧТО ОБ УМНИКАХ И ПОСЛУШНИКАХ

Еще одна из мифологем – человек не более, чем продукт. Продукт наследственности, семейного воспитания, школьного обучения, трудового коллектива, политического режима, жизненных обстоятельств («среда заела...»), но всегда – продукт. Еще не зная о надвигающейся угрозе, организм ребенка бунтует уже в три года (возраст «я – сам»). В этом возрасте он впервые открывает для себя ролевые игры, начинает узнавать себя в зеркале и на фотографии, впервые произносит местоимение «я» и испытывает первые порывы самостоятельности. «Что случилось с моим ребенком: я его просто не узнаю!» – разводят руками недоумевающие родители. Второй бунт происходит в периоде «кризиса юности». Проблема профессиональной ориентации переходит в проблему самоопределения (не только «кем быть?», но и, главным образом, «каким быть?»). Отчаянные поиски смысла жизни сопровождаются лихорадочным самовыражением (юношеские дневники и письма). Такие метаморфозы – родовые схватки личности.

В 60-е годы этим порывом было охвачено чуть ли не все поколение. Персональное отношение к миру определялось двумя мотивами: первое – существующий мир надо срочно менять, и второе – *менять его должен я*. С таким убеждением

входило в историю поколение «шестидесятников». Но пройдет еще двадцать лет прежде, чем история нашего общества будет взорвана перестройкой. «Никто так и не понял, что мы надели эти кожанки с заклепками и взяли это громкое слово "металист", "панк", чтобы показать всем: мы – грязные, ободранные, жуткие, но мы – ваши дети, и вы нас такими сделали. Своим двуличием, своей правильностью на словах и в идеалах. А в жизни...» – бросает с экрана один их юных героев документального фильма Юриса Подниекса «Легко ли быть молодым?».

Когда-то, готовясь к посещению императора, директор Царскосельского лицея собрал наиболее талантливых лицеистов. Николай I нахмурился: «Мне умники не нужны. Мне нужны послушники». Десятилетиями и даже столетиями системы среднего образования словно бы ориентировались на пожелание императора. Число послушников неизмеримо превышало количество умников. Идеальным продуктом школьного обучения был послушник.

Та же ситуация существует и в наши дни. Во второй половине семидесятых на экраны Ленинградского телевидения вышла первая серия «Контрольной для взрослых» документалистов И. Шадхана и С. Волошиной. Героями «Контрольной» стали обитатели ближайшего от студии детского сада. Зрители были поражены. Шестилетние девочки и мальчики подкупали своей догадливостью, сообразительностью, доверчивостью и простодушием. И насколько же все они были разными! Своих родителей обыгрывали по всем статьям. «Какие *взрослые* – эти дети!» – писали зрители. Казалось, когда они вырастут, то будут намного отважнее и предприимчивее предыдущего поколения. Серия продолжала сниматься... 17 лет. Метаморфоза произошла перед перестройкой. Куда девалась былая энергия и неиссякаемая фантазия? Семиклассники предстали на экране удивительно вялыми, благопристойными, одетыми в приличные костюмчики. Они выглядели одинаковыми и обтекаемыми, как бильярдные шары. («Я не считаю, что должна быть отличницей. Я хочу, как все»). В свои пятнадцать лет они уже были готовы для жизни в тоталитарном обществе, полагая, что не столько подчиняются ему, сколько игнорируют, и, не за-

мечая, что цена их свободы – утрата индивидуальности характера. «Какие взрослые эти – дети», – с огорчением отозвались критики. Хотя причина была очевидной, – они уже стали продуктом школьного обучения.

Ежедневно они получали уроки жизни в переполненных классах с их системой унылых регламентаций, столь же отработанных, сколь безличных. Классов, где дети – уже не дети, а контингент учащихся, отличающихся не талантами и не силой духа или характера, а успеваемостью и посещаемостью.

Философия послушника – от меня ничего не зависит. Тот самый, презираемый Достоевским, довод – «среда заела». Готовность во всем, что с тобой случилось, винить не себя, а обстоятельства, которые «так сложились». Коль скоро я всего лишь продукт среды, то вина за любой мой поступок автоматически переносится на условия.

И в самом деле, разве от меня зависит, в каком веке я появился на свет, в какой стране, у каких родителей? Но ведь выбор профессии зависит уже от каждого (хотя и тут мы готовы передоверить этот выбор родителям, школе и даже любой случайности). По мнению Канта, характер – не то, что делает из человека природа, а то, что сам он делает из себя. И это еще более справедливо, когда речь заходит о личности. «Обстоятельства так сложились»? Но кто же их складывал, как не ты? Не бывает личности без *самопреодоления*. Индикатор личности – насколько наша судьба зависит от нас самих. Конечно, для человека, сидящего в лодке и сложившего руки и весла, обстоятельства будут всегда направляющими – он плывет по течению. А даже медленное течение сносит вниз. Но личности по течению не рождаются.

«Я не знаю, кто меня послал в мир, я не знаю, что такое мир, что такое я...». В таких случаях обращения к самому себе – не повод к действию и поступку, а всего лишь риторический (скорее, демагогический) возглас в пустоте. Кто я и каково мое место в мире? Такой вопрос не обязательно означает, что вступающий в жизнь подросток хочет искать ответ. Искал – давно бы уже обнаружил, что он – не первый, кто ищет. И что такой вопрос звучал до него десятки и сотни лет. Мир давно бы оскудел, если каждое поколение этот вопрос не ставило бы за-

ново. («Подумай, для чего ты живешь на свете?» – гласил плакат, каждый день встречавший учащихся в школе Сухомлинского, тем и знаменитой, что резко отличавшейся от других). Почему твоя ситуация драматичнее, чем у тех, кто пытался всю жизнь отвечать на этот вопрос, заплатив всем, что мог, в том числе и жизнью? Смешно думать, что твоих предшественников терзали другие вопросы или что их ответы – варианты их собственной жизни – уже «устарели». Тогда бы литература и философия давно уже не имели бы никакой цены.

Вопросы умирают, заметил один мудрец, не потому, что люди взрослеют, а потому, что иные ответы накладывают ответственность и необходимость что-то менять в своей жизни. Если же согласиться с тем, что мир изначально плох – а такое находит все больше сторонников – то можно упиваться своим отчаянием, извлекая пользу из тотальной несправимости мира и не имея ни энергии, ни малейшей идеи сопротивления, за которую приходилось бы опасаться.

«От меня ничего не зависит» – точка зрения по сути самоубийственна уже тем, что наделяет ее носителя искусительным ощущением дальновидности. Уверившись в неразрешимости ситуации (еще до попытки разрешить ее), ты как бы воспаряешь над ней без риска выглядеть смешным в глазах окружающих. Напротив, смешными кажутся те, кто по глупому неразумию лезут на рожон и сражаются с ветряными мельницами. Такое понимание абсолютной тщетности твоей борьбы с обстоятельствами как бы возвышает тебя и над обстоятельствами, и над борьбой.

Безалаберность, разболтанность, безынициативность, нежелание брать на себя ответственность – безусловные следствия этой формулы. «Когда-то я сочинил одну фразу, по-моему, самую удачную из всего, что написал, – заметил драматург Александр Гельман. – Ничего на этом свете не меняется до тех пор, пока не находятся люди, которые начинают менять».

Непонимание того, что за все твои действия надо платить – еще одно наследие нашей школы. Платить не деньгами – самим собой. Каждый из нас рискует оказаться должником, если не банкротом. Мы платим за обладание желаемых и не столь уж необходимых вещей своей независимостью от этих вещей,

платим тем временем, которое могли бы употребить для роста своих духовных возможностей. Счастливы не тот, у кого денег больше, а тот, кому их хватает. Чем больше вещей, тем больше пленников этих вещей. Покидая село ради города, где, конечно, легче найти приложение своим силам, мы платим чувством гармонии с окружающей нас природой, отсутствие которой оборачивается хронической ностальгией одичавшего горожанина. Выбирая карьеру на коммерческой фирме или звание кандидата наук, матери расплачиваются общением со своими детьми, если не самими детьми, число которых катастрофически уменьшается.

Так что не только решение от тебя зависит – ты сам зависишь от своего решения. Мы выбираем не вещи, а варианты своей судьбы. Но давайте думать не только о том, что приобретаем, но и что теряем. Иначе как бы наши потери не превысили наших приобретений.

Стереопаты, о которых уже шла речь, – крайние случаи персонификации этой тенденции в одном персонаже. Да, собственно, и сама стереотипизация (о чем говорили тоже) – тактика экономии умственной энергии или своего рода способ мышления «по необходимости». Она оберегает наше сознание от водопада нарастающей информации и предлагает упрощенные формулы и «приближенные» решения, чтобы дополнить законченную и уже сложившуюся картину мира. Кто-то из исследователей назвал стереотипы «догмат-ответами» на беспокоящие вопросы окружающей жизни. Догмат-ответ равнозначен выражению «как известно». Даже ученые начинают с этой фразы свои статьи и фундаментальные монографии. В первобытном обществе догмат-ответ обладал статусом неприкосновенности. Но по мере развития знаний догмат-ответ становился все менее убедительным, а со временем мог быть опровергнут вовсе. Собственно, аналитическое мышление и занимается постоянным пересмотром стереотипов. Защитная реакция обыденного сознания превращает тревожащие вопросы, грозящие нарушить его уравновешенность и спокойствие, в догмат-вопросы. Оно это делает путем введения мнимых альтернатив или некорректности постановки вопроса (наука или генетика? музыка или джаз? воспитание или узкие брюки?).

Стереопаты – продукты школьного обучения, и не в меньшей мере продукты массовых коммуникаций. Сознание максималистов, застрявших в вечно-подростковом состоянии на стадии куколки. Линейное (туннельное) мышление на альтернативной логике – способность думать только по принципу и закону исключенного третьего (белое-черное, левое-правое, правое-неправое). Монохроматическое восприятие реальности упрощает любую проблему, сводя ее к противостоянию или-или – свобода или необходимость, коллектив или личность, интуиция или рассудок, наследственность или воспитание.

«Вопрос о наследственности решается, на мой взгляд, так: в человеке все решительно от наследственности, от генов, решительно все! – настаивает С. Соловейчик. – И в человеке решительно все – все! – продолжает он же, – от воспитания. Не пятьдесят на пятьдесят, не это – от наследственности, а это – от воспитания, а все от наследственности и все от воспитания... Результаты воспитания, конечно же, зависят от времени, от среды, от ближайшего окружения, от наследственности. И... не зависят. Как же так – и зависят и не зависят? Но в воспитании детей, особенно семейном, все так. Мы должны давать детям самостоятельность и не должны, мы должны понимать детей и не должны...»¹².

Не этим ли объясняется двойная природа родительской любви: отец любит ребенка за *что-то*, чего сын или дочь еще должны заслужить, чтобы стать оправданием его отцовской любви. В то время, как мать его любит не за *что-то*, а *потому что*. Потому что это ее ребенок, и она его будет любить, что бы он ни сделал. Несмотря на различие, оба эти вида любви взаимонеобходимы.

«Мы, поголовно изучавшие начала диалектики в школьном курсе обществоведения, совершенно, кажется, не способны принять, признать диалектику у себя на кухне, в общении с детьми. Мы ищем определенности и никак не хотим согласиться с живым, постоянным, бесконечно рождающимся, пульсирующим противоречием, которое так и надо принимать – как противоречие».

¹² Соловейчик С. «Агу» и «бука» // Новый мир. – 1985. – № 3. – С. 197-198.

«Принято думать, что между крайними точками зрения лежит истина. Никким образом. Между ними лежит проблема».

И.-В. Гете

Обыденное сознание (стереопаты) жаждет простых решений. Немедленного ответа на вопрос «Что такое счастье?». (Задайте искателю скорой истины встречный вопрос: «А какой лучший ход в шахматы?») И если допускает присутствие проблемы, то непременно в форме взаимоисключающих альтернатив. Альтернативный подход способствует созданию интригующих заголовков дискуссии, но далеко не всегда решению дилеммы как таковой. Попробуйте-ка выяснить, что важнее – вдох или выдох, гласные или согласные, какая челюсть важнее – верхняя или нижняя? По мере погружения в суть проблемы, мы перерастаем вопросы, на которые нет ответа, потому что они неверно поставлены или некорректно сформулированы перед участниками дискуссии. И тогда оказывается, что «или» лишь упрощает изначальную сложность темы, а возможность ее исследовать открывается скорее частицей «и». Свобода и необходимость, коллектив и личность, интуиция и рассудок, наследственность и воспитание.

УПРОЩЕНИЕ КАК БОЯЗНЬ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Самое страшное для обыденного сознания (повторим еще раз) – встреча с противоречием. Мы боимся противоречий как вида пропасти. Стереопату противоречие противопозказано. Он не допускает справедливости чужих мнений («интеллект – то, чего нет у других»). Даже присутствуя при споре специалистов, с трудом признает, что, по-своему, оба правы. Гораздо легче допустить, что оба неправы.

Все, кто думает не так, как я, – тот не прав. А кто не прав – мой враг. Это сознание оборонное. Оно нуждается во врагах и питается энергией нетерпимости.

После победы над фашистской Германией советские пленные, освобожденные из немецких концлагерей, тут же попада-

Упрощение как боязнь противоречий

ли в советские концлагеря. Поскольку не было стопроцентной уверенности, что кто-то из них не был завербован гестапо и не находился в немецком лагере как подсадная утка. Такое подозрение нужно было бы доказать. Но отправить в лагерь гораздо проще, чем искать доказательства – подозреваемых были десятки тысяч.

Еще раньше – до начала Второй мировой войны – тысячи коммунистов бежали из Германии в Советский Союз, спасаясь от захвативших власть нацистов. Их принимали, но согласно существующим в нашей стране порядкам, многих вскоре отправляли в лагеря (ведь среди эмигрировавших могли оказаться и подосланные нацисты). После заключения пакта о дружбе с Гитлером, часть этих осужденных по просьбе фюрера были интернированы обратно в Германию – из советских лагерей попали в свои немецкие. Освобождение пришло лишь с окончанием Второй мировой войны. Но вот роковая участь – большинство из тех, кто отбывали свой срок в Сибири, до освобождения так и не дожили. (О судьбе этих немецких коммунистов вспоминал в свое время Лев Разгон.)

Израильские и палестинские ученые предложили своим собеседникам перечень 11 актов насилия – реальные события недавнего прошлого. Какие из них считать актами террора? Возможны ли вообще объективные репортажи? – спрашивала израильская тележурналистка, военный корреспондент Илана Даян. 95-100% назвали террором действия противной стороны. Обе стороны старались узаконить свои акты насилия. То, что для одних террор, для других – законное сопротивление. «Если израильтяне и палестинцы столь по-разному воспринимают мир, значит, что-то не в порядке с определяющей восприятие машиной, которую называют СМИ... – заключает журналистка. – Современные СМИ, и в частности коммерческое телевидение, ведут войну против всего, что можно назвать сложным»¹³.

Ведущие новостных программ не желают обременять своих зрителей избыточной информацией. Их боссы предпочитают показать пикантный материал о стычках уличных банд или о сексуальных домогательствах в отношении малолетних. Ни-

¹³ Среда. – 2002. – № 6-7. – С. 7-8.

чего не подвергая сомнению, всегда успокаивая и подтверждая тем самым ценности среднего зрителя. Как будто кто-то приказал им всегда делать зрителю массаж и никогда его не беспокоить. Предпочтение – неполитические сюжеты, истории о драматичных человеческих судьбах, анекдоты, сплетни, рассказы о знаменитостях. Либо сюжет короткий, экстравагантный и, желательно, с хеппи-эндом. «Мы увидим больше, но поймем меньше».

Студенты, поступившие на гуманитарный факультет, после первого курса нередко переходят на соседний факультет с точными науками, поскольку больше не в силах переносить освоение эстетических категорий, где художественный образ допускает множественность интерпретаций, а оценки вариативны.

Впрочем, стереопатами в свое время оказывались и выдающиеся ученые. Пифагор навсегда покорило воображение своих современников учением о гармонии чисел. Все величины он сводил к целым и дробным числам. Но вдруг оказалось, что некоторые величины невозможно выразить числом – отношение длины окружности к ее радиусу или сторон квадрат к диагонали. (Теперь мы знаем: речь шла об иррациональных числах.) Создатель гармонии, гордившийся ее внутренней непротиворечивостью, впал в панику и много лет старался от всех эти факты держать в секрете.

Стереопаты завидуют золотому веку – тогда все было ясно в отличие от нынешнего сумбура. «Где же истина, если о ней можно делать взаимоисключающие друг друга утверждения? – писал в отчаянии физик Лоренц. – Способны ли мы вообще узнать истину и имеет ли смысл заниматься наукой? Я потерял уверенность, что моя научная работа вела к объективной истине, и я не знаю, зачем я жил. Жалею только, что не умер пять лет назад, когда мне все еще представлялось ясным».

Упрощение или опрощение – это наша страсть к готовым формулам, рожденным еще до того, как мы успели подумать или вместо того, чтобы думать. Это наша уверенность в том, что переубедить собеседника – просто значит перекричать его (а есть ли еще более эффективный способ самовыражения?).

Обыденное сознание – а им наделен каждый из нас – повторим еще раз – бесппроблемно. Оно «все знает». И поскольку

Познающий дух - антипод обыденного сознания

поставить проблему означает обнаружить свое незнание, то оно изначально против. Привыкшее оперировать аксиомами повседневного опыта, оно не выносит теорем. В их присутствии оно чувствует себя как на сквозняке.

Где же выход?

Давайте думать.

ПОЗНАЮЩИЙ ДУХ - АНТИПОД ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

Согласно средневековой притче отец, умирая, завещал своим сыновьям драгоценный клад. Клад этот, объяснил он, спрятан в земле неподалеку от дома. Но найти его должны они сами. Сыновья несколько дней перекапывали землю в поисках клада, пока, наконец, не обнаружили небольшой ларец, в котором лежала записка. «Дети, теперь вы вскопали почву для вашего будущего сада. Посадите в нем груши и яблоки. Это и есть мой клад».

Это известная притча о тех, кто ищет. Поиск цели, в которую веришь, даже если сама цель иллюзорна, нередко приносит свои плоды, например, упомянутый яблочный сад или открытие Колумбом Америки. Добывается, кто добывается.

Но вернемся к яблокам.

Если у тебя есть яблоко и у меня есть яблоко и мы обменяемся этими яблоками, то у каждого будет по яблоку. Но если у меня есть идея и у тебя есть идея и мы обменяемся нашими идеями, то у каждого будет по две идеи. Эта притча не менее известна, чем предыдущая. Обмен идеями не только рентабельнее, но и порождает садовников новых идей, способных производить новые плоды.

Телевизионная дискуссия – драматизированное введение в суть проблемы, возможность познакомить зрителя с противостоящими аргументами. Гений и злодейство – совестимы ли они в одном человеке? Этот вечный вопрос был вынесен на одно из обсуждений «Культурной революции». Удивительно точно оказались подобраны персонажи. Ангелоподобный философ и художник Александр Кацура с его наивным взором

и криво лежащим воротником дешевой чистенькой сорочки и демонический, ироничный филолог и критик Дмитрий Бак, одетый стильно, продуманно скромно и мужественно. Тут не запутаешься – кто защищает тезис – гений и злодейство несовместны, а кто считает, что они нераздельны. Среди сидящих в зале народ тоже неслучайный. Вопросы и реплики неожиданный и глубже, чем обычно допускается на ток-шоу. Часто, стараясь избежать скуки, зрителя натужно веселят. Меж тем, на противоположном полюсе от понятия «скучно» стоит понятие «интересно», а вовсе не «весело». Этот выпуск получился на редкость интересным

– Так гений и злодейство – нераздельны? – спросил ведущий.

– Абсолютно нераздельны, – ответил Бак. – Гениальность – это всегда испытание. Наибольшим искушениям подвергаются наиболее нравственные люди. Для любого человека, ум которого, дух которого озаряет гениальность, доля зла повышается, и он оказывается перед этим выбором. Просто так безнаказанно, беспричинно, автоматически быть гением никому никогда не удавалось – ни писателям, ни ученым, ни художникам.

– Подлинный гений всегда стремится попасть в абсолютное поле добра, а оно максимально удалено от того мира падшего низкого и грязного, который мы связываем с понятием зла, – высказал свою мысль Кацура. – Путаница возникает часто из-за того, что мы думаем: гений и живой реальный человек совпадают полностью, на самом деле это всего лишь две пересекающихся окружности... «Предвестьем льгот приходит гений и гнетом мстит за свой уход». Это две последние строчки «Высокой болезни» Пастернака, написанной им в 1923 году. Совершенно ясно, что автор имел в виду Ленина. Однажды директор Библиотеки Конгресса США, славист, заметил: «Марксизм был простудой европейских интеллектуалов, но нужен был гений Ленина, чтобы Россия захворала всерьез и надолго». На самом деле речь тут должна идти не о гении, а о сатанинской воле. Как мы отделяем гения от таланта? Талант решает очень трудные задачи, многие их осознают, но не знают, как к ним подступиться. Гений же решает задачи, которых другие просто не видят.

– Что такое гений? – вмешался в разговор писатель Игорь Волгин. – Ни в одной энциклопедии нет определения гения.

Познающий дух - антипод обыденного сознания

– Скажу очень просто, – парировал Бак. – Гений – это человек, который порождает нечто – поступок или произведение – что, во-первых, понятно абсолютно всем и абсолютно всем понятно, что без этого просто жить нельзя.

– На вопрос Игоря Волгина мне бы хотелось ответить... – задумался Кацура. – Собираясь на нашу дискуссию, я взял в руки философский словарь 1983 года. Открываю – Маркс. Написано: «Гениальный теоретик...» Открываю – Энгельс. «Гениальный теоретик...» Открываю – Ленин. «Гениальный мыслитель...» Ищу Сталина – нету. А если бы это был словарь 1956 года...

– Гениальный вождь и учитель, – напоминает ведущий.

– Дальше я смотрю – «Кант – немецкий философ... Декарт – французский философ, рационалист... Платон – древнегреческий философ...». Оказывается, по советской традиции было только три гения...

– Мы тут вспомнили двух великих поэтов, – подключается к беседе писатель Лев Аннинский – Кто вам ближе – Пастернак или Пушкин? И если прав Пастернак, то значит ли это, что Пушкин не прав?

– Мне интуитивно ясно, что оба – гении, – отвечает Кацура. – Но никто не сказал, что с гениями нельзя спорить... Американский философ в 70-80 годы перечислил великих злодеев человечества. Это были – Паскаль, Галилей, Ньютон, Менделеев, Эйнштейн... Потому что именно эти люди подтолкнули наш мир к страшным техническим свершениям, техносфера уже разрушает биосферу...

– Я все же хочу объяснить, почему мне Пастернак ближе, чем Пушкин, – снова поднялся Аннинский. – Пушкин задумал свое замечательное произведение с тем, чтобы совершить некое художественное сочинение на тему «зависть», и нашел Сальери – как подтверждение. Неповинного Антонио Сальери, замечательного композитора, который был другом Моцарта. Так была выстроена эта самая бесовская шутка гения. И, как всякая шутка гения, она разошлась на цитаты – и воспринимается как последняя инстанция. Пушкин наградил Моцарта удивительной наивностью, а Сальери – так же искусственно – злодейством.

Само собой разумеется, «круглый стол» – особая форма общения со своими правилами и игры. Но всегда ли мы умеем ве-

сти себя за таким «столом», соблюдать эти правила. Способны ли изложить, например, аргументы противника с той же степенью убедительности, с какой он делает это сам, и лишь затем перейти к своему возражению. Искусство спора – искусство редкое. Подчас оппонент бывает озабочен не столько тем, чтобы он был прав, сколько тем, чтобы прав был он. Иной участник дискуссии не может позволить себе уступить «по должности». В таких случаях борьба мнений превращается в борьбу самомнений.

Но вот любопытное обстоятельство: запальчивость спорящих, в азарте осыпающих друг друга градом полемических зуботычин, неуместная на каком-нибудь высоком симпозиуме, нисколько не противопоказана телевидению. Когда во время словесной баталии о пришельцах из космоса писатель Казанцев выскакивал на середину студии и, потрясая бородой, кричал своим оппонентам: «Джордано Бруно сожгли на костре, но меня вам сжечь не удастся!» – драма идей выступала почти как драма людей.

Слово, как известно, принадлежит наполовину тому, кто говорит, наполовину – тому, кто слушает. Это особенно справедливо по отношению к слову в споре. Столкновение точек зрения перед телекамерой порождает цепную реакцию реплик по ту сторону экрана, превращая свидетелей обсуждения в его заинтересованных участников. Домашние прения закипают в десятках квартир. Убийственные аргументы и разящие контрдоводы рождаются перед телевизором даже в случае, если зритель наблюдает за дискуссией в одиночестве.

Как-то один из ученых, согласившихся принять участие в телевизионной беседе о проблемах сегодняшней космологии, попросил привести на студию экспонат с выставки экспериментальной скульптуры. Это был кусок старого, ржавого фонаря и кольцо с ключами – композиция, названная автором «Ночной сторож». Ученый интерпретировал ее как «познающий дух» – у него с десяток ключей, но даже если бы ключей было бесконечное множество, все равно их не хватило бы для решения всех проблем познания, потому что для этого понадобилось бы бесконечное время.

Но, может быть, эти два начала – постоянные действующие лица любой подобного рода теледискуссии, сколько бы ни на-

считывала она участников и какой проблеме не была бы посвящена?

По существу, обыденным сознанием наделен каждый, кто способен «мыслить здраво». Это сознание массовое, что и отличает его от теоретической деятельности ученых, чьи представления о природе и обществе образуют не только более или менее законченную, но и экспериментально проверенную систему научных суждений.

«Он остановил Солнце и сдвинул Землю», – начертано на памятнике Копернику, установленному в Варшаве. После Коперника Земля перестала быть центром мира и стала ничем не выдающейся рядовой планетой. Однако куда важнее для нас другое – Коперник сдвинул всеобщую точку зрения.

Когда, воплощая девиз современной науки – «ни слова на веру», Галилей поднялся на Пизанскую башню с чугунным ядром и свинцовой мушкетной пулей, чтобы продемонстрировать изумленным ученикам, как оба сброшенных предмета одновременно коснутся земли, он лишь подтвердил, что познающий дух – это дух сомнения. Его опыт был наглядным опровержением аристотелевской механики, утверждающей, что скорость падения всегда пропорциональна весу. В течение двух тысяч лет никому и не приходило в голову усомниться в столь очевидной истине.

Новорожденным идеям всегда приходится нелегко. С ними никто не считается. Молоко еще на губах не обсохло. Куда уж тут им равняться с теми, что высказаны давно и давно доказали на практике свое право на жизнь. Место уступать надо старшим, как пассажирам на общественном транспорте. А новенькие – пускай сначала докажут... Но как доказать справедливость идеи, если ее не то, что на «место» – в вагон не впускают («еще мала»). Правда, в вагоне места уступают и старшим с детьми. Но чтобы считаться старшим, автору новой идеи сначала надо стать Галилеем и подтвердить состоятельность предыдущих идей.

Путь науки – разоблачение очевидного. Но разве не тем же путем шагают художники и публицисты, считая своей задачей опровергать всем известные мифы?

Клод Моне, проведший какое-то время в столице Англии, представил на выставке свои картины, изображавшие лондон-

ские туманы. Посетителей выставки охватило недоумение, переходящее в возмущение: где он увидел такие туманы с багровым оттенком, когда всем известно: туманы – серые. А вы выйдите на улицу вашего города и посмотрите, предложил им Моне.

Когда Тур Хейердал, молодой ученый-этнограф, высказал впервые предположение о том, что жители Полинезии ведут свое происхождение от индейцев из Южной Америки, эта гипотеза подверглась немедленно сокрушительной критике со стороны специалистов. Не могли, утверждали они, древние индейцы на своих примитивных суденышках путешествовать через океан и добраться до островов Полинезии раньше, чем это сделали европейцы. Хейердалу ничего не оставалось, как попробовать самому переплыть океан на примитивном суденышке, доступном древним индейцам. Не имея за спиной никакого морского опыта. Знаменитая экспедиция «Кон-Тики» доказала, что – вопреки сложившимся убеждениям – представители почти всех доевропейских цивилизаций могли путешествовать через океаны на примитивных судах и что океаны вовсе не разъединяли цивилизации.

Ничего не мыслящий в мореплавании ученый на протяжении всего путешествия, как сам впоследствии вспоминал, опрокидывал мифы. «Миф первый – где океан опасен и где безопасен. Только когда исчезает из виду земля, можно перевести дух – самое трудное позади. У берега никогда не знаешь, что тебя ждет. Длинные волны куда безопаснее».

«Я считаю своим долгом обратить внимание суда на то, что обвиняемый представляет угрозу обществу. Своим пагубным примером он может увлечь за собой и привести к гибели многих молодых людей...». Эта гневная речь прокурора прозвучала на судебном процессе над Аленом Бомбаром – молодым французом, совершившим неслыханный эксперимент. Он отправился в открытое море в шлюпке безо всякого запаса воды, решив доказать, что 200 000 ежегодных жертв моря, погибающих от жажды, на самом деле погибают от страха, поскольку не сомневаются, что человек в океане без пресной воды обречен непременно погибнуть. Все 65 дней, пока продолжалось его путешествие, Бомбар поддерживал себя дождевой водой и соком рыб. Суденышко, на котором осуществил

Провидец из Темиртау

свой эксперимент, Бомбар назвал «Еретик». Но с точки зрения прокурора, обладатель суденышка сам был еретиком и преступником, вознамерившимся опровергнуть истину, которая неопровержима.

Который раз повторим все ту же истину: поставить проблему – обнаружить свое незнание.

«Наука всегда неправа. Она не решает вопроса, не поставив десятка новых».

Б. Шоу

«Когда в какой-нибудь науке нет противоположных взглядов, то эта наука идет по пути к кладбищу».

П. Капица

«Три философской дискуссии больше выигрывает побежденный – в том смысле, что он приумножает знания».

Эпикур

ПРОВИДЕЦ ИЗ ТЕМИРТАУ

«Господа, имею честь предупредить вас об опасности появления очень сильного урагана в Карибском море в конце третьей декады сентября». Телеграмма, отправленная в середине 60-х кубинскому правительству, была подписана начальником гелиометеорологической станции Горной Шории Анатолием Дьяковым. Кубинцы удивились, но местные синоптики успокоили и уверили, что никаких бедствий не ожидается. На всякий случай рыбаковским бригадам, дежурившим в море, все же разослали штормовое предупреждение. Фидель Кастро лично поблагодарил сибирского предсказателя, благодаря которому удалось спасти почти весь кубинский флот. Разыгравшийся ураган разорил Гваделупу, Санто-Доминго и Гаити на 100 миллионов долларов.

Впервые об алтайском провидце из поселка Темиртау рассказал Юрий Рост в своем очерке «Одиноким борцам с земным притяжением» («Литературная газета», 1984, 28 марта).

Сергей Муратов

Дьякову, получившему образование в двух университетах, действительному члену Французского астрономического общества, удавалось то, что не удавалось сотням докторов и тысячам кандидатов и специалистов, работавших в той же области. В отличие от постулатов официальной метеорологии, он считал, что основную роль в формировании климата играет энергия Солнца и магнитное поле Земли. И, наблюдая за активностью Солнца, доказывал справедливость своих убеждений – за несколько лет предсказал полсотни стихийных бедствий во Франции, Америке, Индии и СССР. Верными оказывались 90% прогнозов.

«Глубокоуважаемый Анатолий Васильевич! Ваши предположения подтвердились полностью...» – такие письма постоянно приходили от капитанов судов, нефтяников, железнодорожников и геологов. Постоянными его оппонентами оставались лишь работники гидрометеослужб.

Все телеграфные сообщения он отправлял за свой счет. «Хоть бы не писал "глубокоуважаемый" или "считаю своим долгом предупредить вас" – деньги ведь», – сокрушались его соседи, знавшие, что деньги на жизнь «одиноким борцем» зарабатывал, работая учителем в поселковой школе и подрабатывая фотографиями – по рублю за карточку. «Может быть, у нас – много Дьяковых, что мы так щедры? И неужели мы действительно лучше чувствуем себя в наследниках, чем в современниках?» – спрашивал в заключении автор статьи. Прошло более четверти века, но книга Дьякова до сих пор не опубликована, само его имя наследниками почти забыто, а направление гелиометеорологии в России сошло на нет. Зато за результатами предсказаний сегодняшних синоптиков мы можем следить ежедневно.

Когда слепой жук ползет по поверхности шара, он не замечает, что пройденный им путь изогнут. Мне посчастливилось это заметить, признался Эйнштейн, объясняя сыну причину своей славы.

«Талант попадает в цели, в которые обычные люди попасть не могут, гений – попадает в цели, которые обычные люди не видят».

А. Шопенгауэр

Говорят, что если вопрос умирает после ответа, то как бы ни был хорош ответ, сам вопрос плох. Но именно такие неумирающие вопросы век за веком и пытается разрешить человечество, забывая порой о почтенном возрасте самого вопроса, на который нельзя ответить «раз и навсегда». Тут каждое время ищет свое решение.

Как любить ребенка – за что-то или потому что?

Есть ли цель у поэзии и науки?

Как судить о людях – по намерениям или по поступкам?

Для кого создают свои произведения художники или поэты – для миллионов или для себя?

Кто прав – Петр I или Евгений? Строитель чудотворный или «утлая щепка, – как говорил С. Рассадин, – бессмысленно и безвинно гибнущая в водовороте державной власти»?

Ради чего пишет писатель – чтобы изменить что-то в жизни или изменить это «что-то» в литературе?

«Принято думать, что между крайними точками зрения лежит истина. Ниоим образом. Между ними лежит проблема». Можно обнаружить вопросы, а проблемы и не увидеть. И недостаточно только столкнуть вопросы по принципу «чем больше – тем лучше». Хотя именно в этом неумелые модераторы видят свою задачу. По количеству вопросов наши ток-шоу бьют все мыслимые и немыслимые рекорды. Но вопросы – не вешалка для готовых ответов и не форма организации материала. Ибо есть вопросы и есть вопросы.

Можно ли уличать человека в том, что он все время меняется – то ребенок, то юноша, то старик... Но ведь в то же самое время он продолжает оставаться самим собой. И что именно в нас меняется и что остается? Или все меняется и все остается?

Умный способен дойти до логического конца, не страшась последствий. Мудрый – тоже способен, но все чаще понимает, что чем ближе он к логическому концу, тем дальше от истины.

Проблема начинается там, где для логики исключений она кончается. Собственно, кончается сама логика. Происходит короткое замыкание. Начинается неевклидова геометрия. Оппоненты Лобачевского полагали, что ее автор – не от мира сего. Но исследования космологов подтверждают: в той части Вселенной, где мы обитаем, его геометрия даже реальнее,

Сергей Муратов

чем Евклидова. Обе геометрии не противоречат законам Вселенной.

Общественное мнение, констатируют социологи, формируется под влиянием двух источников – теоретических воззрений (которым мы обязаны современной науке) и стереотипов бытового сознания («здравого смысла»). С одной стороны, явившись на свет как порождение научно-технической революции, телевидение у нас на глазах становится одним из непеременимых условий ее развития. С другой – сам уровень бытующих предрассудков, не собирающихся сдавать позиции, позволяет судить об эпохе не в меньшей мере, чем научные достижения.

Оба эти компонента в общественном мнении пребывают «во взвешенном состоянии», как в микстуре, которую взбалтывают перед употреблением. Их соотношение – показатель национальной культуры общества. В какую же сторону меняется эта внутренняя динамика под воздействием телевидения? Ведь ничто так ощутимо не преобразует массового сознания и не способствует культурному просвещению, как домашний экран. Но, с другой стороны, ничто так не способно примитизировать («дебилизировать», как выражаются критики) аудиторию.

В чем же состоит позиция журналиста?

ЗАКОН ЗАСЛУЖЕННОГО СОБЕСЕДНИКА

Наивно думать, что циничные культуркиллеры планомерно насаждают массовую культуру и совершают насилие над аудиторией, наделенной от природы здоровым началом, тягой к знаниям и сопротивлением к попыткам ею манипулировать («не рассказывайте нам сказок»). Не грех, повторить еще раз: человечество обожает сказки – в книгах, на сцене и на экране.

К взрослым это относится ничуть не в меньшей мере, чем к детям. Это и средневековые рыцарские романы, и современные мелодрамы. Игровое кино придумано для сказок (редкие исключения подтверждают правило). А тем более – телевизионные сериалы (по количеству которых сегодня мы – среди первых в мире). Сказочников щедро вознаграждают. Критики называют их произведения «массовой культурой», а продюсеры

оплачивают по высшей ставке. Есенин, Графини де Монсоро, Санта Барбары, Бедные Настя, Мои прекрасные няни... Ничто не доставляет большего удовольствия поголовью зрителей.

Достаточно вспомнить о фантастическом успехе «Ласкового мая» Андрея Разина. Бывший детдомовец, поначалу выдававший себя за племянника М. Горбачева, собрал группу 12-13-летних подростков из детских домов. «Люди устали от серьезной музыки. Хочется простоты», – говорил он. Наиболее выдающейся находкой стал Юрий Шатунов («У меня нет никакого образования кроме самообразования»). Андрей оказался не только талантливым авантюристом, но и блестящим организатором. Чтобы раскрутить свою группу, купил вагон аудиокассет и записал на них тогда еще небогатый репертуар Шатунова (хитом оказались «Белые розы»), приехал на «три вокзала» и вручил по ящику кассет всем начальникам поездов, отходящим по всем направлениям: песни группы звучали по проезднему радио, после чего проводники предлагали желающим пассажирам получить кассету бесплатно.

Через месяц песни «Ласкового мая» звучали из окон домов по всей стране. Это был эффект разорвавшейся бомбы. Первым городом, пригласившим группу к себе на гастроли, стала Алма-Ата, предложившая выступить на стадионе, вмещающем 25 000 человек. «Сколько концертов дадите?» – «А сколько возьмете?» – «Возьмем, сколько продадим». Были проданы билеты на 10 концертов. «Никто из нас не был готов к такой ошеломительной популярности. Милиция не справлялась с публикой. Солдаты оцепили весь стадион, – вспоминает Разин в телефильме Василия Пичула «Мой "Ласковый май"». – И началось... Звонили со всей России – из Киева, Санкт-Петербурга... А к зиме мы уже накрыли Москву». Количество выступлений на лучших столичных площадках перекрывало число концертов Аллы Пугачевой, специально собиравшей эстрадных звезд. Поклонники «сиротских душещипательных песен» принесли «Ласковому маю» 47 миллионов рублей. Группа выпустила 22 альбома, работала только по предоплате и при стопроцентных аншлагах. «Время Пугачевой прошло, наступило время Разина!»... В городах страны, на стадионах и во дворцах спорта выступали многочисленные двойники – еще двенадцать «Ласковых маев»,

Сергей Муратов

пятеро Андреев Разиных и пятеро Юриев Шатуновых. Виножник не возражал – потребность в «Белых розах» перешла все разумные пределы. Но ни наличие близнецов, ни то, что Разин считался родоначальником пения под фонограмму, не снизили его популярности. «Людам, – объяснял он, – нужен был праздник, тусовка. Разве не прекрасно, если в серой стране, где почти все под запретом, можно прийти на стадион и побалдеть под хорошую музыку?.. Почему наша группа была популярной? Потому что я всегда давал людям то, что они хотели получить, – пояснял Разин в многочисленных интервью. – Я обыватель, и мне нравится то же, что и всем. Музыка должна быть доступной, а группа как можно ближе к народу. Я – массовик-затейник, который несет праздник».

Массовое сознание динамично. В этом смысле оно подобно жизни отдельного человека, которая всегда пребывает в процессе. Но оно может находиться как на низшей («дошкольной») фазе своего состояния, так и на стадии овладения качествами, присущими цивилизованным обществам. И журналисту, хочет он или не хочет, понимает или не понимает, остается либо содействовать такому движению, либо противодействовать.

Сторонней позиции не дано. Хотя можно себе внушить – моя хата с краю, выхожу из игры, складываю весла и пусть меня вынесет, куда вынесет. Но течение несет всегда в одну сторону – к массовой культуре или фашизации общества.

Журналист не может быть независим от того, чем оборачивается его деятельность «на выходе». Разумеется, он может об этом не думать, не осознавать (намеренно или по малодушию) и не отдавать себе отчета о реальном существовании трех позиций (окультуривание, консервация, игра на понижение). Но всегда реализует одну из них.

Впрочем, даже играющий на понижение склонен оправдывать свои действия. «Зачем ты людей обижаешь?» – спрашивал корреспондент «Московского комсомольца» Отара Кушанашвили (прославившегося в «Акулах пера» своими «наездами» по принципу «А ты кто такой?», «Большим кушем» и другими подобными передачами) – «Да ведь 95% людей – олигофрены, и это научный факт, – отвечал тот. – Рассказы о том, как много светлых людей живет в России, – просто фантастика. Подавля-

А почему, собственно?

ющее количество людей тупы как пробки. Процветает инцест, сын убивает мать...». Говоря откровенно, содержание сюжетов и программ, создаваемых такого рода «продвинутыми» журналистами, вполне соответствует описанной Отаром картине, отражая, разумеется, не особенность окружающей жизни, а особенность взгляда на жизнь их авторов. Надевая такими качествами весь мир, подобные журналисты как бы свидетельствуют: я – такой же, как все... Кто не ворует? Да все воруют. Только притворяются. С волками жить...

«Люди выжили из ума, – продолжал Отар. – Эта грязная работа мне безумно нравится тем, что я всем говорю: чего вы возмущаетесь, вы такие же! Думаете, вы лучше? Да посмотрите на себя!..»¹⁴

«Законом заслуженного собеседника» называл А. Ухтомский склонность видеть в каждом встречном себя самого. Кто громче всех жалуется на интриганов? Профессиональные интриганы. Кто никому не верит? Тот, кто всех обманывает. Кто больше всех боится доносов и клевет? Доносчики и клеветники. Кто считает, что вся страна состоит из олигофренов?..

А ПОЧЕМУ, СОБСТВЕННО?

На каком уровне телевидение ведет разговор со зрителем? Если на уровне низшей фазы обыденного сознания, заполненного стереотипами и прописными истинами, то такое сознание, даже остановившись перед двумя противоположными точками зрения, тотчас советует «искать истину посередине». Но ведь и этот совет – удобный стереотип. Истина находится посередине? В самом деле? А если она находится выше? Но где именно выше? Так это и надо определить. Подняться выше – значит увидеть дальше. Собственно, в этом и сверхзадача исследователя истины. Обнаружить за проблемой трудных подростков проблему трудных родителей, а за бедой неспособных учеников – драму неспособных учителей.

Если вопросы сегодняшнего ребенка, заинтригованного секретами еще неразгаданного мира, – начало мысли, то во-

¹⁴ Московский комсомолец. – 2002. – 17 окт.

Сергей Муратов

прос о противоречиях в обществе, поставленный перед обществом – начало мысли общественной.

Публицист – общественный почемучка.

«А, почему, собственно?..» – коронный вопрос исследующего истину.

«Наше здравоохранение – мир парадоксов. Самое большое количество в мире больниц и коек в них – и самая низкая продолжительность жизни среди всех цивилизованных стран. Самая низкая в мире зарплата врачей – и огромный конкурс в медицинские вузы... Низкий уровень жизни – и самые дорогие в мире лекарства»... Так начинается статья в «Известиях». Неужели публицисты, философы, социологи разом и всерьез собираются избавить нас от коллизий, разрешить которые способно лишь само общество? Разумеется, нет. Их задача – вызвать массовый интерес и вовлечь само общество в процесс совместного разрешения. Заставить его задуматься над теми противоречиями, которые находятся перед глазами, но которые мы не хотим даже видеть. Мы отмахиваемся от назойливых публицистов, как родители от докучливых и настырных детей, но когда журналист, вконец изнемогший от бесплодных попыток заставить людей задуматься, однажды перестает и сам задавать вопросы, он кончается как публицист.

Так не в этом ли и задача того, кто начинает свой разговор со зрителем? Вывести обсуждение из уровня обыденного сознания к противоречиям и альтернативам второго порядка.

Увидеть проблему в том масштабе, какого она заслуживает.

Поставить вопрос так, чтобы он имел общественный смысл.

МИФЛОГИЯ ВСЕДОСТУПНОСТИ

Успех передачи не может быть независим от уровня компетентности всех тех, кто причастен к ее созданию, – от непосредственных участников обсуждения (в жанре разговорного взаимодействия), самих ведущих, определяющих направление этого действия и, наконец, от аудитории (точнее, ее образовательного уровня), которой она адресована.

Остановимся на каждом из этих элементов в отдельности.

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К КВАРКУ?

Отбор участников – главных действующих лиц – обусловлен самим предметом предстоящего разговора. Если речь в передаче идет о генетической памяти или о физике элементарных частиц, ясно, что действующих лиц следует искать в среде специалистов – генетиков или исследователей микромира. Не обойтись в такой передаче и без необходимой терминологии, скажем, таких понятий, как хромосомы, ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота), очарованные частицы или даже тахионы (гипотетические частицы, которые могут двигаться лишь быстрее света). Нелепо приглашать на подобную передачу совершенно непосвященных зрителей или проводить предварительные уличные опросы («А как вы относитесь к кварку?»).

Абсолютно другое дело – приглашение участников для дискуссии, например, о семейном бюджете или о домашнем воспитании ребенка. Материалом для обсуждения в этом случае могут стать интервью и письма «обычных» зрителей, а аргументами – собственный жизненный опыт родителей, который подчас куда богаче, чем дидактические советы иного профессора в области детской психологии (но, к несчастью, горе-родителя). Специальная терминология на этот раз способна оказать скорее отрицательное воздействие.

Словом, в одном случае перед нами – особая область знаний, подвластная только специалистам, а в другом – сфера

общедоступной житейской практики, где право голоса есть у каждого – в меру его личного опыта. Отбор участников в этих обоих случаях продиктован, как мы видим, совершенно противоположными установками.

НЕ СЛИШКОМ ЛИ МЫ УМНЫ?

Массовое сознание обусловлено, о чем уже говорилось, с одной стороны, давно сложившимися стереотипами, с другой – наличной системой образования, развитием науки и доступностью источников информации. Такое сознание – величина переменная.

Вот, скажем, некоторые типичные темы, публично обсуждаемые на страницах газет в 1925 году: «Нужна ли нам музыка?», «Может ли работница-коммунарка носить обручальное кольцо?», «Служит ли московский ломбард интересам трудящихся?», «Может ли комсомолец по просьбе родителей зажечь лампаду перед иконой?», «Разве шкаф – роскошь?»

А вот – для сравнения – наиболее типичные темы газетных дискуссий спустя 40 лет: «Что такое НОТ и что входит в понятие "хозяин производства?"», «Что такое квантовый генератор?», «Надо ли изучать иностранные языки во сне?», «Почему среди школьных учителей так мало мужчин?».

Надо ли сомневаться что поколение, живущее через 40 лет после нас, будет встречать улыбками темы наших сегодняшних обсуждений.

Казалось бы, не составляет труда подобрать участников будущей передачи исходя из доступности темы, предложенной к обсуждению. Но простота этой темы может быть обманчивой. Она «проста» лишь на первый взгляд.

«Не слишком ли мы умны?» – назывался один из выпусков немецкого документального телесериала «Научно-техническая революция. Иллюстрации и примечания». Речь шла о перегрузке школьников. Количество изучаемых предметов и учебных часов постоянно растет, а способности детей и возможности это все усваивать остаются прежними. Экранные интервью с родителями, вызываемыми в школу в связи с неуспеваемос-

тью ребенка, с бабушками, прогуливающими внуков в городском парке, не говоря уже о жалобах самих малолетних жертв, наглядно свидетельствовали – пора бить тревогу. Неокрепший ребячий мозг не в состоянии справляться со все увеличивающейся нагрузкой. Претензии министерства просвещения зашли слишком далеко. Чиновники от образования утратили всякую способность реально оценивать ситуацию. Если так будет продолжаться дальше...

Этот «народный референдум» составил пролог картины. Героем следующего эпизода оказался старый бондарь, изготавливающий колеса для сельских телег. Свое ремесло он унаследовал от отца, а тот его перенял от деда, и хотя надобность в телегах сегодня близка к нулю, к своему труду он относится не менее ответственно, чем его родители. Изготовление приличного колеса требует немало времени, и спешка тут ни к чему. Параллельно с рассуждениями неторопливого бондаря создатели фильма демонстрируют диаграмму – сколько лет проходило между знаменитыми изобретениями и их воплощением в жизнь на протяжении последнего тысячелетия. Было очевидно, что расстояние это стремительно уменьшалось. И как-то сама собой возникала мысль, что при нынешнем ускорении всей нашей жизни на сельской телеге далеко не уедешь.

В финале фильма его авторы взяли интервью у одного из руководителей министерства. Жизнь с каждым десятилетием усложняется. Объема знаний, достаточного вчера, сегодня уже явно не хватает, а завтра... Сложившийся в массовом сознании стереотип – «нечего забивать голову малыша ненужными фактами... хватит мучить ребенка... пожалейте детей» – только вредит пониманию реальной задачи. Хронические жалобы учащихся на перегрузку («не слишком ли мы умны?») обусловлены совсем не избытком преподносимых знаний, а однообразием их подачи и пассивным характером восприятия. Ребята устают от бездействия ничем не стимулируемой исследовательской потребности. Необходимо «обучение через творчество».

Так проблема, представленная вначале в ее обывательском восприятии, так сказать, на уровне обыденного сознания, у нас на глазах была переформулирована и оказалась в масштабе самой себя.

Сергей Муратов

Режиссер венгерского телевидения Марта Кенде, снимая фильм о предрассудках, еще существующих в наши дни в отношении к цыганам, провела своеобразное испытание. На собрании жителей одного довольно крупного поселка председатель районного совета (вступивший в «заговор» с режиссером) предложил половину жилплощади в строящихся новых домах предоставить цыганам, ютящимся в кочевых шатрах за границей поселка. Поскольку условия их жизни вообще несопоставимы с условиями жизни даже самых нуждающихся в поселке. Собрание продолжалось два с половиной часа, «официальная» съемка десять минут. Возмущенные участники (не подозревавшие, что камеры продолжают снимать выступающих) обрушили в адрес цыган все бытующие определения и эпитеты, какие только пришли им в голову и всегда лежат «на поверхности» («все цыгане – обманщики, воры и конокрады, не способные ни к какому труду и образованию, не готовые к оседлому образу жизни и не приспособленные жить в современной квартире»).

Эти высказывания (но не сами жители) стали для режиссера тем исходным материалом, который был подвергнут социальному и историческому анализу. Когда и почему возникали те или иные наговоры и пересуды, кому было выгодно их бытование и насколько они справедливы? Параллельно в картине шли интервью с цыганами, работавшими на производстве, с теми, кто живут в современных хорошо обставленных квартирах, и даже с кандидатами наук...

Но имел ли право режиссер спровоцировать жителей поселка на «удобные» для нее высказывания? Быть может, ответ содержится в последствии фильма («Перекасти-поле»). После демонстрации картины по телевидению, вызвавшей бурный общественный резонанс, жители поселка собрались по собственной инициативе и сами предложили часть жилплощади передать цыганам.

Анализ конфликта оказывается особенно плодотворным, когда в число участников наряду с экспертами включены и носители обыденного сознания.

Но, побуждая телеаудиторию усомниться в стереотипах, возникающих – в силу всеобщего незнания и невежества или

в интересах тех или иных социальных групп, – авторам и создателям передачи иной раз полезно было бы усомниться и в границах собственной компетентности.

Академик Н. Любищев, уверенный, как мы помним, что достоверность точных наук объясняется тем обстоятельством, что ученые знают меру неточности своих утверждений, все же переоценил способность самих ученых всегда соблюдать эту меру. Собственно, само его утверждение оказалось неточным. Что уж и говорить об обычных смертных – создателях передачи, не спешащих отнести себя к клану ученых?

Конечно, среди нас нетрудно найти охотников, готовых высказать свое мнение о любом предмете. Но всегда ли это мнение обеспечено нашим знанием? В одном из анекдотов пассажир автобуса (он держался за раздутую щеку) своими стонами обратил на себя внимание окружающих. И сочувствующие немедленно стали сыпать советами. Старушка предложила рот полоскать шалфеем, кто-то вспомнил о календуле, а рослый мужик посоветовал обвязать больной зуб суровой ниткой, другой конец нитки привязать к дверце двери, а затем резко открыть эту дверь – ни боли, ни зуба! И только один пассажир не давал советов, а молча смотрел в окно. Это был зубной врач. Он знал, что никаких советов давать не станет, пока не увидит рентгеновский снимок больного зуба.

Всегда легче судить о том, о чем меньше знаешь. Радикалы, говорящие громче всех и раздающие рекомендации направо-налево, – как правило, продукты незнания или полужнания.

Бывают, впрочем, ситуации, когда незнание – благо. В одном из анекдотов американец-миллионер никак не мог найти смельчака, который бы взялся разбить его крупный бриллиант точно надвое, не повредив драгоценного камня. Тогда ему посоветовали поехать в Россию – в Жмеринку, где живет ювелирных дел мастер, способный исполнить любую просьбу. Американец прилетел в Жмеринку и повторил свое пожелание. «Ну, это нетрудно», – сказал ювелир и предложил приехать за бриллиантом назавтра. Утром восхищенный миллионер держал в руке две одинаковых половины прежнего камня. «Как вам удалось сделать то, на что никто не решался?» – воскликнул он. «Да я и не пробовал это делать сам, – ответил ювелир. –

Сергей Муратов

Я поручил его расколоть своему подмастерью. Он ведь не знал ценности этого камня».

На прием к Николаю II, Императору Всея Руси, пришли ученые с географической картой. В долгих дискуссиях они так и не сумели договориться между собой о самом коротком направлении для строительства железной дороги между Петербургом и Москвой. Император их выслушал, усмехнулся и провел на карте прямую линию между двумя городами. Визитеры не осмелились высказать свои сомнения в справедливости высочайшего решения. Не рискнули объяснить, что изображение на плоской поверхности карты не является точным воспроизведением сферической поверхности Земли. В результате, благодаря этому распоряжению, на строительство Николаевской железной дороги потребовалось гораздо больше денег и больше времени, чем планировалось.

Социологи, приглашенные на публичные встречи – рассказать об удручающем состоянии нынешней демографии, нередко начинают с того, что предлагают каждому из присутствующих написать на листочке свои собственные рекомендации – как именно увеличить в стране рождаемость? Затем они быстро суммируют полученные ответы и оглашают публике результат: большинство из собравшихся предлагают – увеличить зарплату, улучшить квартирные условия, расширить сеть детских садов и запретить разводы. Так вот, заключают социологи, – все перечисленные условия способствуют... резкому снижению рождаемости!

«Чем отличается опытный пилот от аса высшей квалификации? – размышлял известный летчик-испытатель. – Тем, что в минуты цейтнота, когда все решают доли секунды, опытный пилот точно знает, что надо делать, в то время как ас знает еще и то, *чего делать не надо*». Если все журналисты у нас были бы асами, в газетах и на экранах наверняка бы не было многих сегодняшних дискуссий и обсуждений. Да что там многих – не было их подавляющего числа.

Рассказывают, что как-то на одном крупном заводе сломался внушительный агрегат, приобретенный в свое время в Италии за большие деньги. Пришлось вызывать итальянского специалиста с фирмы, изготавливающей эти редкие агрегаты.

Приезжий полдня ходил вокруг агрегата, что-то включал, прислушивался. Затем попросил лестницу и мелом наверху машины поставил крестик. С этого места, сказал он, извлеките из-под корпуса генератор и перемотайте 16 витков индукционной катушки. После чего в тот же вечер уехал. Через несколько дней директор получил счет от специалиста – 10 000 долларов. И хотя агрегат теперь работал, директор в своем ответном письме не мог сдержать недоумения: не слишком ли это дорого – десять тысяч долларов за отметку мелом? Вскоре пришел ответ: за отметку мелом – 1 доллар, за то, что знаю, где сделать отметку – 9 999 долларов.

Нередко мы обладаем знаниями на доллар, а крестики ставим охотно всюду.

– Позвольте, – уже слышится возражение оппонента, – не хотите ли вы лишиться меня права иметь свое личное мнение? Но человек не нуждается в этом праве. Говорят, что датский философ Кьеркегор однажды воскликнул: «Смешные люди, – кричат о свободе слова в то время, как у них есть свобода мысли». Можно было бы ответить философу, что речь, вероятно, идет о другом – о свободе общественной мысли.

Одно дело, когда человек позволяет себе самому судить обо всем на свете. Он тем категоричнее, чем менее интеллигентен, то есть самокритичен (чаще всего это случается в подростковом возрасте). И совсем другое, когда мы выдаем такие свои суждения за последнюю истину, за голос народа, за желание избирателей. От имени народа уничтожали генетику, кибернетику и громили космополитов («Вы, любители сыра Рокфор»)...

«Литературная газета» в 60-х годах по просьбе читателей опубликовала анкету: «Должны ли наши магазины работать по воскресеньям, когда у всех заслуженный выходной?». (Работа по воскресеньям – к радости покупателей – была введена незадолго до этого.) В своем подавляющем большинстве авторы писем ответили «нет» – у продавцов магазинов есть тоже право на отдых. Вскоре воскресные дни в магазинах – на основании мнения большинства – были объявлены нерабочими. И лишь через несколько лет обнаружили, – большинство полученных редакцией писем были написаны... продавцами. Они же и обратились в газету с просьбой опубликовать анкету.

«Вы – счастливый человек, вас понимают только профессионалы. В моей области каждый считает себя профессионалом».

З. Фрейд – А. Эйнштейну

Многие области науки не застрахованы, в чем легко убедиться, от советов и даже попыток прямого вмешательства подобных выразителей массового сознания. Но куда большее искушение для таких выразителей представляет собой искусство. Почему?

ЗАКОН АРХИМЕДА И НЕФЕРТИТИ

Социологи, философы и эстетики опубликовали немало трактатов в попытке ответить на этот вопрос.

Попробуем суммировать основные выводы (опираясь на книгу Б. Рунина «Вечный поиск» и статью М. Кагана «Вкус как феномен культуры»)¹⁵.

Наука апеллирует к интеллекту. Искусство – к художественному вкусу (а он, как известно, у всех безупречен). Познание физического мира опирается на метод логический, дискурсивный. Освоение мира духовного – на интуицию и сотворчество, на «талант восприятия».

Научная истина независима от меня и от того, как я к ней отношусь. Художественные ценности потому и ценности, что измеряются нашим собственным отношением. Это – категория субъективная.

Законы природы существовали до человека и останутся неизменными после того, как его не станет. Произведение искусства без воспринимающих это произведение – все равно, что птица без воздуха.

Если научные истины могут быть открыты несколькими исследователями, то всякое художественное открытие – частный случай. Оно единственно и неповторимо.

¹⁵ Рунин Б. Вечный поиск. – М., 1964; Каган Б. Вкус как феномен культуры // Искусство кино. – 1981. – № 9.

Потеря в науке всегда восстанавливается объективным ходом развития знаний, как недостающие элементы в таблице Менделеева. Потеря в искусстве невосполнима.

Вот почему закон Архимеда в свете современной физики кажется нам элементарной истиной, а голова Нефертити остается откровением, несмотря на последующее развитие скульптуры. Она и сейчас современна.

Научное познание требует предварительных знаний и определенных аналитических навыков. Произведение искусства – «доступно» всем. Кажется, что его восприятие нам дано с рождения и усилий не требует, как усилий не требует видеть все то, что мы видим вокруг себя.

Но верно ли это последнее обстоятельство? Ведь мы уже знаем, что «само собой разумеется» – не свидетельство достоверности. Новорожденный видит мир перевернутым. И личный опыт корректирует наше зрение на протяжении всего детства. Так, например, эвклидово пространство мы способны открыть для себя лишь к девяти годам. В детских рисунках до этого возраста полностью отсутствует перспектива. Это кажется удивительным – ведь она с рождения «перед нами». Но ребенок рисует не то, что видит, а то, что знает. О перспективе в рисунке он просто еще не знает.

«Бесценные вещи и бесценные области реального бытия проходят мимо наших ушей и наших глаз, если не подготовлены уши, чтобы слышать, и не подготовлены глаза, чтобы видеть».

А. Ухтомский

Видеть мир – не свойство нашего глаза (и тем более не особенность кино или фотоаппаратуры), это скорее свойство сознания. В нашем видении – наше знание мира и темперамент, и склад ума, и, в конечном счете, мировоззрение. Не существует «ничьих» ощущений и мыслей. И если мир, предстающий перед кем-то, убог и банален, это говорит отнюдь не о качествах мира, а скорее о качествах наблюдателя. Любая цифра, помноженная на ноль, дает ноль¹⁶.

¹⁶ См. подробнее: Муратов С. Пристрастная камера. – М., 2004. – Глава «Анатомия наблюдения».

Говорят, что о вкусах не спорят? Так ли? Отчасти так. На вкус одного хороши блондинки, на вкус другого – брюнетки, размышляет М. Каган. Но о художественных вкусах спорили, спорят и будут спорить. (Достаточно вспомнить суждения Льва Толстого о Шекспире и Чехове.) Такие споры – одно из средств формирования этих вкусов, это способ их бытия.

Хороший ли человек Онегин... Печорин... Базаров?.. Насколько разными предстают портреты Татьяны Лариной в высказываниях Пушкина, Белинского, Писарева, Достоевского и, наконец, самого Онегина.

«Велико достоинство художественного произведения, когда оно может ускользать от всякого одностороннего взгляда», – заметил Герцен о «Мертвых душах». Он выражал свое отношение к спорам о книге Гоголя, которые велись не только между западниками и славянофилами, но теми и другими в среде собственных единомышленников. Одни полагали, что сочинение Гоголя – апофеоз России, тогда как другие считали его анафемой¹⁷.

Но несходны мнения не только разных людей, но и разных эпох. Появление «Дон Кихота» поразило современников Сервантеса. Над комическим Рыцарем Печального Образа – образцом бессмысленных мечтаний и смешного безумия – хохотала вся Испания и грамотная Европа. Но прошло двести лет – и отношение к герою Сервантеса решительно изменилось. «Из всех повестей это самая печальная и тем более печальная, что заставляет нас смеяться», – заметил Байрон. «Во всем мире нет глубже и сильнее этого сочинения, – отозвался Достоевский. – Это самая горькая ирония, которую только мог выразить человек, и если бы кончилась земля, и спросили там, где-нибудь, людей: "Что вы, поняли ли вашу жизнь и что об ней заключили?" – то человек мог бы молча подать Дон Кихота...».

О ВКУСАХ – СПОРЯТ

Спорят, но как? Можно спорить подобно осатаневшим гражданам, стоящим в очереди за уникальным товаром, который перед тобой кончается. А можно спорить, подчиняясь

¹⁷ Гоголь Н. Повести, пьесы. Мертвые души. – М., 1975. – С. 648.

законам культуры спора – соблюдению этики и корректности. (Никогда не принимайте вызова на дуэль без правил.)

Репортер уголовной хроники рискует своей репутацией, если в публикации или экранной корреспонденции обнародует свое мнение об обвиняемом до того, как решение вынесет суд. Это считается нарушением цивилизованных общепринятых правил. Но в дискуссии о художественных произведениях – каждый судья и каждый единолично выносит свое решение.

Другое дело – насколько оно справедливо?

Впрочем, многие полагают, что сама постановка такого вопроса уже некорректна: сколько людей – столько вкусов, а значит, споры бессмысленны и истина недостижима. Однако понятие «субъект», поясняет Каган, это не только отдельные люди, но и социальные группы – от частной семьи до целой нации и даже всего человечества.

Вот почему, выступая от имени народа, а на самом деле от себя самого, мы, по существу, совершаем подлог, шантажируем публику.

Приятно, конечно, думать, что, признавая уникальное значение Пушкина для русской литературы, мы солидаризируемся с дружным мнением его современников. Увы! Ни одно произведение Пушкина не имело такого ошеломляющего массового успеха, как болгаринский «Иван Выжигин» – книги плодотвейшего писателя, в наше время известного куда больше своими записками в III отделение, нежели 32 томами романов, повестей и рассказов.

«Ни одной высокой мысли, ни одного возвышенного чувства...», «не мастер мыслить...», «легкомыслен и неглубок...». Как-то дико узнавать, что подобные болгаринские отзывы о Пушкине разделяли даже друзья поэта. «Борису Годунову», отдающему «подражанием Шекспиру», Кюхельбекер противопоставлял трагедии Кукольника, а читающая Россия второй половины тридцатых годов, считавшая, что Пушкин как поэт уже исписался, упивалась стихотворениями Бенедиктова. «У него, к счастью нашей настоящей литературы, мыслей побольше, нежели у прошлого Пушкина», – писал из Сибири декабрист Николай. Бестужев. Иван Тургенев признавался в письме к Толстому, что он плакал над книжкой стихов Бенедиктова и

Сергей Муратов

«пришел в ужасное негодование, узнав о дерзости Белинского, поднявшего на них руку»¹⁸.

Окончательным приговором художественному произведению не может стать самая пылкая и азартная, но сиюминутная оценка публики, даже если за эту оценку выступает подавляющее количество голосов. Сегодня Александр Сергеевич – «наше все», а двести лет назад – лишь поэт для немногих избранных («поэтом для поэтов» с горечью называл его Гоголь). «Общество взглянуло на него только в начале его поэтического поприща, когда он первыми молодыми стихами своими напомнил было лиру Байрона, – писал Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями». – Когда же он пришел в себя и стал наконец не Байрон, а Пушкин, общество от него отвернулось»¹⁹.

«Листья травы» – эта «самая американская из американских книг», как назовут ее в следующем столетии, не обрадовала современников автора. Издателя для книги вообще не нашлось. Уолт Уитмен набрал ее сам и сам напечатал в маленькой типографии. Популярный критик назвал ее «кучей навоза» и потребовал запрещения. Знакомые, которым автор посылал эту книгу в дар, возвращали подарок с негодованием, а кое-кто и бросал в огонь.

«Моби Дик», признанный впоследствии мировой классикой, был издан самим автором в количестве 50 экземпляров, из которых не был продан ни один.

«Тиль Уленшпигель» будет назван «фламандской библией» после смерти писателя и через полвека после появления книги. Когда она впервые увидела свет, читатели отнеслись к ней холодно, и оценили лишь немногие из друзей Шарля де Костера.

Премьера «Ревизора» была встречена публикой с недоумением и негодованием («Это – невозможность, клевета и фарс»).

Премьера классической чеховской «Чайки» классически провалилась («Исписался... Падение таланта...»).

«Броненосец Потемкин» (впоследствии вошел в десятку лучших фильмов всех времен и народов) не вызвал у первых со-

¹⁸ Гинзбург Л. О лирике. – Л., 1974. – С. 108.

¹⁹ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. – Т. 7. – М., 1986. – С. 317.

ветских зрителей ни малейшего интереса. Популярность пришла после его триумфальной демонстрации за границей.

«Чапаев» не имел поначалу никакого успеха.

«Баллада о солдате» (36 международных наград) продержалась на экране два дня – из-за «неуспеха» была снята с проката и надолго.

Перечень подобных провалов составил бы целый том.

Окончательный приговор художественному произведению – привилегия человечества. Так сказать, историческая оценка. (Можно даже предположить, что классика – это тоже своего рода массовая культура, ценность которой испытана поколениями людей.) Всеобщее признание («большинство голосов») нередко приходит к художнику после жизни, когда о нем не столько говорят, сколько вспоминают. Эта горькое обстоятельство отличает художников от политиков и даже ученых.

Ученые редко умирают от голода, как Пиросманишвили и Модильяни, полагал известный ученый Е. Фейнберг: «Образ нищего художника – один из самых привычных в литературе всех времен. Но снова и снова люди несли свои жизни в жертву тому же искусству. Они шли непреклонно, как идет рыба – через пороги, через препятствия, погибая в пути. Лишь бы выполнить заложенную природой высокую обязанность»²⁰.

Историческая оценка отделяет подлинные ценности и подлинные художественные произведения (которые и становятся классикой) от изделий культуры массовой, какой бы невероятный успех те не вызывали при своем появлении. И поголовное восхищение современников не означает здесь ничего. Как и их громогласные поношения. Эта оценка, свидетельствуют критики, устанавливает принцип несоизмеримости Пушкина и Булгарина и принципиальную равноценность Пушкина, Гоголя и Толстого.

В искусстве надо искать не новое, а вечное, заметил один художник. – Нет, новое искать надо в юности, возразил ему оппонент, а вечное нам открывается только в зрелости: молодые люди, начинающие в искусстве с вечного, – это абсурд. – Но почему бы не придти в искусстве к вечному через новое? – усомнился третий. – Потому что, включился четвертый, новое

²⁰ Фейнберг Е. Кибернетика, логика, искусство. – М., 1981. – С. 11.

Сергей Муратов

угадать нетрудно, а кто же определит присутствие «вечного»? Кто возьмется выносить исторический приговор? Живые классики, вроде Маркеса или Солженицына, – исключение. Не можем же мы ожидать века.

Когда читающая Россия приходила в восторг от стихов Бенедиктова («восходящей на литературном небосклоне новой звезды») и ставила эти стихи гораздо выше всего того, что писал до этого Пушкин, неистовый Виссарион со всей своей яростью обрушился на общественный вкус. Несоизмеримость Пушкина с Бенедиктовым была ясна для Белинского с первого взгляда.

Такого рода барометром-прогнозистом, полагают эстетики, становится художественная критика, чей долг поднимать уровень художественного восприятия каждого читателя или зрителя и развивать художественную образованность всего общества. Правда, тут возникает справедливый вопрос о вкусах нынешних критиков и их соизмеримости с пронциательностью Белинского.

«Былинный повтор, рубленный ритм раннего футуризма, тоска кабацкая, приемы фольклора – здесь перемешалось все подряд, – писал о начинающем поэте автор статьи в «Комсомольской правде» начала 60-х. – Добавьте к этому добрую толику любви, портянок и пшенной каши и рецепт готов... О какой-нибудь требовательности к себе поэта говорить не представляется возможным». «Кто же любители песенного творчества этого героя? – поддержал этот приговор реакционному псевдотворчеству автор другого критического разгрома, напечатанного в «Вечерней Москве» год спустя. – «Ответим прямо – в большинстве это падкие до всяких сенсаций экзальтированные молодые люди, которых привлекает все, что считается модным, что способно вызвать слезу у неприятельного обывателя».

Перед вами – цитаты из первых рецензий на творчество Окуджавы.

А вспомните уже приведенные выше рецензии на сказки К. Чуковского и Э. Успенского?

Художественный вкус – категория неоднозначная, анализирует ситуацию Каган. Он не может быть истинным или ложным (это аргументы из сферы науки), прогрессивным или реакционным (оценки политиков), правильным или неправильным (опре-

деления из школьной терминологии). Но художественный вкус может быть – развитым или примитивным, здоровым или извращенным, тонким или вульгарным, высоким или мещанским.

Разумеется, каждый критик вправе считать, что его вкусы и взгляды имеют право на жизнь. И на это трудно что-либо возразить, когда речь идет о частных взглядах самого критика. Но право на личные взгляды для ближайшего окружения – не право на гегемонию. Беда, однако, в том, что обладатели примитивного вкуса никогда его за собой не признают и громче других упрекают своих оппонентов в субъективизме, полагая, что выступают от имени абсолютной истины. Собственно, сама эта нетерпимость и безапелляционность – верный признак подобного рода критики.

«Отныне и навсегда будет закрыта дорога тем "произведениям искусства", которые сами по себе непонятны и нуждаются для оправдания своего существования в высокопарных комментариях». Это не фрагмент из знаменитого выступления Н. Хрущева на выставке МОСХа. Это отрывок из речи Гитлера на открытии выставки «Выродившееся искусство», которая гастролировала по городам Германии, после чего все конфискованные произведения распродали на аукционе в Швейцарии – в том числе полотна Брака, Гогена, Ван Гога и Пикассо. Генеральным принципом искусства провозглашалась «ясность». Неясное подлежало немедленному искоренению. «Если мы даем штурмовым отрядам хорошую и по своему тексту и по мелодии походную песню, – обосновывал эту позицию немецкий искусствовед в 1933 г. – мы делаем для немецкого искусства в тысячу раз больше, чем когда мы пытаемся приобщить сравнительно небольшую группу штурмовиков к скрипичному концерту Бетховена»²¹.

Совесь и художественный образ – одной природы, считал замечательный учитель и философ Симон Соловейчик. Поэтому искусство так сильно влияет на человека с развитой совестью и не влияет на бессовестных, хотя и может доставить удовольствие. «Если человек хоть в малой степени тянется к добру и рад, когда удается сделать что-то доброе, то это не он такой хороший родился – это ему передалось общечеловече-

²¹ Искусство нравственное и безнравственное. – М., 1969. – С. 122.

ское стремление к добру... И если человека манит прекрасное, если все мы в меру своих способностей судим: это красиво, это некрасиво, – то ведь не мы открыли красоту в мире, нам была передана общечеловеческая тяга к ней... Само по себе чтение книг, посещение театров и музеев не есть духовная жизнь. Духовная жизнь – его собственное стремление к высокому, и если оно достаточно сильно, то книга или театр волнуют его, потому что отвечают его стремлениям. В произведениях искусства человек ищет собеседника, союзника, ищет высшего духом – ему искусство нужно для поддержания собственного духа, для укрепления собственной веры в добро, правду, красоту. Если же дух человека низок, то в театре и в кино он лишь развлекается, убивает время, даже если он является ценителем искусства»²².

Чувство вкуса формируется на протяжении жизни каждого отдельного человека. И все же научиться ценить художественные стороны произведения нельзя без непосредственного общения с такими произведениями. А где порука, что вам вообще когда-нибудь повезет с ними встретиться? «Если в наше время умному молодому человеку из народа, желающему образоваться, дать доступ ко всем книгам, журналам, газетам и предоставить его самому себе в выборе чтения, – размышлял Л. Толстой, – то все вероятнее за то, что он в продолжение 10 лет, неустанно читая каждый день, будет читать все глупые и безнравственные книги. Попасть ему на хорошую книгу так же маловероятно, как найти замеченную горошину в море гороха. Хуже же всего, при этом то, – заключал он, – что, читая все плохие сочинения, он будет все более и более извращать свое понимание и вкус; так что, когда он и попадет на хорошее сочинение, он уже или вовсе не поймет его, или поймет его превратно».

Призвание критики, полагал Толстой, обращать внимание на все самое важное и хорошее, где бы и когда бы оно ни было написано. И именно от того, появится ли и получит ли авторитет такая критика, зависит «вся будущность просвещения образованного класса нашего европейского мира».

«Труд создал человека» – эту истину мы знаем со школьных лет. Но почему труд не создал муравья? Муравей ведь гораздо

²² Новый мир. – 1985. – № 3. – С. 193-194.

трудолюбивее. Муравьиный труд к тому же – общественный. Специализация дана муравью с момента рождения. Проблемы досуга в муравьином сообществе и вовсе не существует. Но никто почему-то не говорит о личности насекомых. Не пишет о муравье с большой буквы. Муравей не звучит гордо. Не потому ли, что уже с появления на свет муравей все знает, что ему нужно знать, но никогда не узнает больше того, что знает. Он не изменился за последние 50 миллионов лет.

К тому же стереотипная формула упрощает истину. Не только труд создал человека, возражают социальные психологи, обращая внимание на неверное цитирование Энгельса. Его создали труд и речь – деятельность и общение. Непременно два этих компонента. Тоталитарное государство не отменяет труда. О великой роли труда гласили плакаты и транспаранты при входе в нацистские концлагеря. Но концлагерь лишает труд человеческой ценности. Его лозунг – назад к муравейнику. Муравьиная культура, если допустить, что есть таковая, – это, конечно же, массовая культура. Как гласила подпись под одной изощренной советского времени: «Наш муравейник – самый счастливый в мире».

Но если труд и общение, действительно, создали человечество, то это вовсе не значит, что личность *каждого из нас* возникает вне общения и труда. (Неверно утверждать, заметил один из известных ученых-зоологов, что человек произошел от обезьяны. Человек и есть обезьяна. Но это обезьяна последнего поколения. Человеческий детеныш вынашивается не только за девять месяцев в утробе матери. Его донашивает семья и школа.) Так как же помочь «умному молодому человеку» выбрать путь, ведущий к просвещению, а не к муравейнику, где даже шестилетней девочке совершенно ясно, что считать «скучным» и что «интересным»?

«Если человек обратился к книге или пошел в театр, он сделал ставку на "возвышение" своих потребностей, – как бы продолжает эту мысль писатель Ю. Давыдов. – И когда такому человеку мы предлагаем фальшивую монету, мы совершаем двойной грех – ставим не на "возвышение", а на понижение... и приучаем этого человека к тому, что это и есть "высшее", по которому он затосковал... А коль скоро "массу" так или ина-

Сергей Муратов

че удастся убедить в этом, то она, как говорится, все стерпит. И даже аплодировать будет – сперва из вежливости, потом по привычке, и, наконец, потому что все аплодируют. (Давыдов здесь чуть ли не дословно следует за Толстым.) Тут-то и можно сослаться на аплодисменты, как убедительное свидетельство признания (и признательности) со стороны широкой публики. А так как публика у нас хорошая, стало быть, хорошо и то, чему она аплодирует (а особенно хорош тот, кому аплодирует), круг замкнется: сперва публику приучают к не вполне доброкачественному ”художественному продукту“ (и его производителю), а затем ссылаются на ее аплодисменты как доказательство доброкачественности этого ”образца“²³.

Надо ли сомневаться, что и Толстой, и Давыдов анализируют одну и ту же ситуацию, и что она существовала, как до Толстого, так и после Давыдова будет существовать?

ВАШЕ МОРЕ НЕДОСТУПНО ШИРОКИМ МАССАМ

«**П**очему я понимаю Пушкина и не понимаю вас?» – как-то задали из зала вопрос Маяковскому на публичной встрече в Ростове. «Потому что Пушкина вам разъясняли целое столетие, – ответил тот, – тогда как Маяковский свалился на вашу голову неожиданно, как неожиданно в свое время свалился и Пушкин на голову своих современников, остальные из которых тоже не понимали его»²⁴.

«Отныне и навсегда будет закрыта дорога тем ”произведениям искусства“, которые сами по себе непонятны» – массовым сознанием эта фраза культивировалась во все века (последний раз мы ее слышали от «Идущих вместе»). Всю жизнь она преследовала и Маяковского. «Простое – ”мы не понимаем!“ – это не приговор, – огрызался поэт. – Приговором было бы: ”Мы поняли, что это страшная ерунда!“, и дальше нарастев и наизусть десятки звонких примеров. Этого нет. Идет демагогия и спекуляция на непонятности»

²³ Давыдов Ю. Поэт и стадион // Литературная газета. – 1982. – 29 окт.

²⁴ Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 12 т. – Т. 10. – М., 1941. – С. 291, 443.

Ваше море недоступно широким массам

«Не прыгну в воду, пока не научусь плавать!» – восклицает герой известного анекдота. Вообще-то, погрузиться в море по силам каждому. Одному – по пояс, другому – по шею, большинству – утратив дно под ногами. И начать дальше плыть. Разница между нами – как далеко заплывть может каждый. Не для этого ли устраиваются, как мы знаем, российские и международные соревнования? Но герой из анекдота в конкурсах не участвует. Он либо произносит ту фразу, которая превращает его в упомянутого героя, либо собирает себе подобных и выдвигает лозунг: «Ваше море недоступно широким массам». Массам, не умеющим плавать, доступен пруд. И, конечно, любая лужа. А если страдающего водобоязнь назначают еще директором пляжа, он немедленно вывешивает на берегу плакаты: «Запрещается заплывать дальше всех!».

«Советское, пролетарское, настоящее искусство должно быть понятно широким массам, – иронизирует далее Маяковский. – Да или нет?» И сам же отвечает: «И да и нет. Да, но с коррективом на время и пропаганду. *Искусство не рождается массовым, оно массовым становится в результате суммы усилий. Понятность книги надо уметь организовать*».

В 1992 году руководство «Останкино» решило пойти на встречу критикам, упрекающим телевидение за вульгарность его программной политики. Фильм Параджанова «Ашик Кериб» поставили в сетку чуть ли не в восемь вечера. (Сами критики, конечно бы, возразили против подобной крайности.) В тот же день, где-то около полуночи, состоялась премьера развлекательно-криминальной рубрики «100 градусов по Цельсию». И что же? «Ашик Кериб» набрал лишь 8% зрителей. В самое рейтинговое время на «Первом канале»! Это был грандиозный провал. А «100 градусов» (они рекламировались до этого всю неделю) набрали четверть аудитории, несмотря на ночное время. Что же получается? Публика хочет смотреть развлекательный криминал, а замечательное произведение искусства смотреть не желает. Все стало ясно руководству о телекритиках – страшно далеки они от народа!

Как ясно и то, чего хочет публика.

Массовые коммуникации должны обслуживать массовые вкусы аудитории.

В таком утверждении, вообще-то, нет ничего зазорного. Несправедливей была бы обратная ситуация – абсолютная ставка на элитарное телевидение для ценителей. Все равно, как если бы осуждать подростка за то, что тот не читает Толстого и Достоевского, предпочитая им комиксы и детективы. Но заполняя эфир исключительно передачами на уровне комиксов и попсы, мы лишь усугубляем инфантилизм аудитории, так сказать, консервируя ее навсегда в подростковом возрасте. Так что на упрек, обращенный к критикам («Страшно далеки они от народа»), можно было бы возразить, что они далеки от народа не в большей степени, чем народ от культуры (в ее классическом понимании). Профессиональной рекламы требовал не развлекательный криминал (уже сам его жанр – реклама), а незнакомый для миллионов «Ашик Кериб».

Собственно, эта ситуация лишь подтверждает известный тезис – истина не находится между крайними точками зрения. Между ними – лежит проблема.

Проблема взаимодействия между телевидением и культурой в повседневной практике сводится к соотношению между передачами «для большинства» и передачами «для меньшинств».

Противопоставление обеих тенденций друг другу – бесперспективно. Передачи «для меньшинств» – образовательных, социальных, культурных, национальных, религиозных – необходимы обществу не менее, чем передачи «для всех». Во-первых, потому что все эти подобные меньшинства и составляют, в свою очередь, большинство. А во-вторых, речь идет очень часто не столько о разных зрителях, сколько о разных интересах одного и того же круга зрителей.

Лишь программная политика, опирающаяся на принцип взаимодополнительности, способна предоставить зрителю право выбора и возможность перешагнуть через самого себя. Государственная вещательная политика в этом смысле – компромисс между наличными вкусами подавляющей части аудитории и высокой культурой, призванной эти вкусы всячески развивать. (Даже если речь идет о государственной политике в тоталитарном смысле.) Такое телевидение предоставляет зрителю возможность духовного и эстетического саморазвития.

Ситуация, однако, меняется радикально, как только мы сталкиваемся с коммерческим типом вещания.

Английскому телевидению подобное испытание уже выпадало в середине 50-х. Борьба за сферы влияния завершилась тогда относительным перемирием между двумя общественно-государственными (Би-би-си) и двумя частными телеканалами. Во второй половине 80-х эта прежняя конфронтация вспыхнула с новой силой. Одни потребовали оставить за Би-би-си лишь один канал, другие – лишить компанию права на развлекательные программы, сохранив лишь те передачи, которые рекламой не окупаются, третьи – разделить абонентную плату зрителей поровну между всеми телекомпаниями.

Защитники Би-би-си отстаивали национальную целостность двух каналов, рассчитанных на разные вкусы широкой аудитории. Государство, руководимое принципом демократии, должно, по их мнению, само обеспечивать свободы граждан, в том числе и от вмешательства государства. Такое служение обществу несовместимо с рыночной психологией, которая требует прибыли, одной только прибыли и ничего кроме прибыли.

Но вернемся к размышлениям Маяковского.

«Искусство для немногих, книга для немногих нам не нужны! – продолжает он. – Да или нет? И да, и нет. Если книга адресована к немногим... как энергия Волховстроя к передаточным подстанциям, с тем, чтобы эти подстанции разносили переработанную энергию по электрическим лампочкам, – такая книга нужна. Эти книги адресуются к немногим, но не к потребителям, а к производителям. Это семена и каркасы массового искусства. Пример – стихи В. Хлебникова».

Как-то в кругу поклонников Хлебникова один из участников встречи упомянул, что знает командарма, у которого четыре Ордена Красного знамени – таких, как он, всего семь человек. «Подумаешь, – возразил Маяковский, – таких, как я, всего один, а не хвастаюсь» – «А таких, как я, – грустно заметил Хлебников, – и одного нет».

Существует единственный вид искусства, утверждал Маршак, и это – поэзия. Все остальные существуют постольку, поскольку в них присутствует поэзия. В том числе и стихи.

Произведение искусства осуществляет себя в глазах читателей или зрителей на разных уровнях – в той степени, в какой присутствует искусство в произведении, и в какой мере наделена художественной восприимчивостью аудитория. Как доступность моря зависит от умения плавать, а красота шахматной партии от квалификации игрока. (Сделать два первых хода в состоянии каждый, но насколько ходов вперед ты способен продумать всю партию?) Каждый берет у Гомера столько, сколько в состоянии взять, говорили древние греки. Популярность фильмов Чаплина объясняется даром автора позволять своим зрителям погружаться на глубину, на которую те способны – от забавной комедии до горькой трагедии. «Я читал "Войну и мир" три раза, – заметил один литератор. – Первый раз, в юности, я был Николаем Ростовым, потом – Андреем Болконским, теперь я – Пьер».

Научить читателей отличать хорошие книги от тех, которые к хорошим не отнесешь, – трудно, возразит иной критик. Потому что хороших книг мало. И будет прав. «80% литературной продукции текущего года и 99% двадцатилетия забываются на чисто, – подвел итоги Брюссельский симпозиум по вопросам социологии. – Право на жизнь обретают не более 10 книг из тысячи, и только одна из тысячи остается в длительной памяти».

Но разве это относится только к книгам?

Всего хорошего мало – и книг, и спектаклей, и симфоний, и фильмов, и, тем более, телепрограмм. Но чем меньше хороших произведений, тем выше ответственность аналитиков и популяризаторов литературы, кинематографа и особенно телевидения – сумели ли они научить свою аудиторию их заметить. Ибо уровнем культуры предлагаемых ими произведений определяется и уровень культуры массового сознания, которому они адресованы.

Наибольшую опасность тут представляет критик и просветитель с неразвитым вкусом. У Бетховена страдает первое и существенное требование музыканта – тонкость и правильность слуха – благодаря рискованным сочетаниям и часто примешиваемому вою и реву звуков, писал современник композитора, поэт и знаток искусства Грильпарцер. «Бетховен пристрастно заменяет стремление к красоте стремлением к интересному,

Ваше море недоступно широким массам

к сильному, к потрясающему и к опьяняющему». Замените имя Бетховена на Шостаковича, и вы получите рядовое высказывание газетной статьи 30-40-х годов («сумбур вместо музыки»)²⁵. Это должно было бы научить осторожнее относиться к тому непонятному, что появляется в искусстве». Но...

Понятность книги, фильма, телепрограммы надо уметь организовать. Но ведь можно суметь организовать и их непонятность. Особенно, когда в этом заинтересовано коммерческое издательство или коммерческое вещание. Вот тут-то наибольшую пользу и представляет критик с неразвитым вкусом или журналист, не обладающий аналитическим мышлением.

А наиболее безотказный способ отучить аудиторию от способности отличать хорошее от плохого – механизм рейтинга.

²⁵ Фейнберг Е. Кибернетика, логика, искусство. – М., 1981. – С. 92.

**ГРОЗИТ ЛИ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ
БЕССМЕРТИЕ?**

Телецикла с таким названием, которое заинтриговало бы многие тысячи зрителей, в эфире пока что нет, но то и дело появляются передачи, близкие к этой теме. Впервые сам вопрос в его катастрофической откровенности (неужели я тоже умру?) приходит к нам в раннем детстве. Затем одолевает нас снова в годы мятежной юности – времени прямодушных до отчаяния дневников и лихорадочных попыток самоубийства. И впоследствии, по мере отсчета неумолимых лет, он все чаще настигает нас с каждым днем рождения. «Мы старимся, но это единственный способ долго жить». Проблема долголетия и борьбы с преждевременной старостью становится личной, интимной и тем более актуальной, чем ближе мы застаем себя на границе неизбежного перехода в иные миры.

Есть сотни теорий старения клеток. Каждую минуту умирают и рождаются миллиарды клеток нашего организма. В течение семи лет, уверяют биологи, наше тело меняется полностью. Не восстанавливаются только клетки головного мозга – нейроны. Ежедневно миллионы их покидают нас навсегда – они уходят, как подают в отставку члены правительства. Но переизбранию они не подлежат. И когда однажды слагает полномочия сам король, – рассыпается все королевство. Такова одна из теорий.

Но есть и другая. Возобновляемые клетки всего организма – те же, что прежде, но все же не те же. Утрачиваются какие-то их возможности. Ошибки накапливаются, организм продолжает работать, но уже как заезженная пластинка. Слышно все хуже. Мелодия почти что неразличима. И однажды пластинку приходится выбросить (доктрина о генетическом шуме).

Следующая теория – механизм автопилота. Мы живем как заведенный будильник, поставленный на определенный час. Завод рассчитан приблизительно лет на 70. И когда он кончается, вместе с ним завершается и заложенная в организм программа – организм просто не знает, как дальше жить.

Эта часть разговора с участием медиков и геронтологов (экспертов по старению) – всего лишь информация к размышлению. Она приобщает аудиторию к знаниям, но анали-

Сергей Муратов

тический уровень разговора начинается вообще-то с другого вопроса – а почему мы непременно обязаны умирать? И обязаны ли?

Правда, согласно размышлениям мудрого Эпикура, вопрос не носит травматического характера. «Когда мы существуем, смерть еще не присутствует, а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем. Таким образом, смерть не имеет отношения ни к живущим, ни к умершим, так как для одних она не существует, а другие уже не существуют».

Вопрос смерти на экране был впервые затронут в диалоге Александра Гордона с академиком Владимиром Скулачевым в ночной программе «Гордон» («Запрограммированная смерть». 05.12.02).

Смерть – приспособление организма. Изношенный индивид не только бесполезен для вида, но и вообще занимает лишнее место. Но в программе его жизни уже заложен механизм самовыключения. Так что коллективное клеточное бессмертие оплачено неминуемой частной гибелью каждой особи. Смерть – идеальный способ сохранения вида. Зато бессмертны бактерии и раковые клетки, которые делятся бесконечно и погибают лишь в связи с кончиной того организма, в котором нашли прибежище.

Старость, впрочем, тоже не обязательна. Бамбук продолжает свое поколение вегетативным размножением. Он растет без признаков старости, но однажды через 15-20 лет зацветет, чтобы тут же засохнуть, – так сказать, покончить самоубийством. Иначе семенам было бы негде взойти. Лосось погибает сразу же после нереста, – срабатывает гормональный сигнал. Существуют также и виды птиц, которые тоже не стареют, а, самоликвидируются, достигнув определенного возраста.

Смерть от старения – часть программы выживания вида. В начале позапрошлого века четыре пятых людей умирали от условий среды и несчастных случаев. Среда и случаи создаем мы сами. Условия жизни, непрекращающиеся войны, инфекционные болезни, туберкулез, самоубийственные «удовольствия» – табак, алкоголь и прочее... Зато с середины века все чаще начали умирать от старости – рак, инфаркты... Болезни и немощь – наш сегодняшний главный враг. А главные защит-

Грозит ли человечеству бессмертие?

ники – те же медики. Биотехнологическое спасение состоит в замене изношенных элементов организма новыми.

Правда, задерживая зрелость и омолаживая организм тканевыми «заплатками», мы рискуем столкнуться с непредвиденными опасностями. Мозг понемногу теряет память, и однажды, предостерегает С. Лем, мы увидим старца, болтающего как младенец, но даже не знающего, кем он был, ибо уже давно исчез как личность, хотя уцелел как биологический организм. Однако это будет лишь его вегетативным сохранением в виде жизни, достойной капусты.

Старость, конечно, отсрочка от смерти, но цена достигнутой эволюции – мучения в старости. «Старение – общее испытание человечества». Конечно, лучше было бы отключить программу старости вообще, но пока что мечта остается мечтой, медицина прибегает к другим решениям. К пересадке органов и гормонам. К лечению голодом (крыса, которую кормили через день, прожила вдвое дольше). Или к анабиозу – замораживанию добровольцев-миллионеров с обещанием разморозить их к тому сроку, когда проблема бессмертия будет окончательно решена (правда, самих медиков уже давно не будет в живых).

Такое продолжение разговора раздвигает горизонт наших знаний и претендует на отдельные передачи просветительского характера. Но причем тут публицистика и уровень общественного сознания? Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает. Эта фраза, принадлежащая Анатолию Аграновскому (а многие полагают, и более давним его предшественникам) стала уже классической. Разумеется, способность «думать» публицисту необходима. И все-таки недостаточна. Надо еще этому умению научить других.

Приглашаемые участники передачи, эксперты, ведущий и телезрители умнее вместе, чем каждый порознь. Что может быть компетентнее «коллективного разума»? Беспокоящие и назревшие противоречия, коллизии и конфликты решаются не только в интересах общества, но и вместе с обществом.

Публицистика – инструмент не просто воздействия, но и взаимодействия (или, лучше сказать, воздействия через взаимодействие).

Собственно, подобная задача пока не ставилась. И не могла быть поставлена без участия еще более широкого круга участников – демографов, социологов, антропологов. Только в их присутствии на суд аудитории выносится новый и очень существенный поворот проблемы: *а всегда ли мы жили столько, сколько живем сегодня?*

Средняя продолжительность жизни – величина переменная. Сегодня в нашей стране она составляет 68 лет (согласно одной из версий), в 1971 году равнялась 70 годам, а в 1939 – всего 47. Впрочем, увеличение средней продолжительности жизни, уточнили бы демографы, происходит не потому, что старики живут дольше, а потому, что реже умирают младенцы – население не стареет, а омолаживается. Древний грек о сегодняшнем среднем возрасте мог бы только мечтать, но это не мешало Софоклу прожить 91 год, Демократу 100, а сколько бы прожил Сократ мы не знаем, поскольку яд цикуты он принял в 70.

Однако наиболее интересные факты сообщили бы антропологи. Изучение найденных на раскопках черепов наших предков показало, что взрослый мужчина уходил из жизни племени к тому сроку, когда он исчерпывал себя как успешный охотник и отец будущих детей – производитель потомства. Впрочем, со временем этот период сменился эпохой, когда члены племени ценились тем больше, чем становились старше. В чем польза старения? В отделении умных от глупых. Ум и мудрость – приобретение старых отцов. Долголетие напрямую зависит от степени уважения окружающих.

В 60-е годы прошлого века американские социологи обратили внимание на явление, которое становилось все более характерным, – пренебрежение к старикам. Эйджизм... В результате пожилые люди все болезненнее стали воспринимать потерю ими социальных позиций. Все меньшую роль старшее поколение играло на производстве и в воспитании молодых. Зачем держать на работе (а тем более принимать на работу) слишком зрелых сотрудников? Эти люди тяжелы на подъем, слабоваты памятью, имеют скверный характер, да и в целом – неперспективные. Старшее поколение не вписывается в имидж процветающей прогрессивной компании. Такой букет определений стал за последние 20 лет особенно типичен и для нашего общества.

Грозит ли человечеству бессмертие?

Эйджизм – дискриминация старости. По существу, стареющие люди – жертвы не старости, а страха перед общепринятыми взглядами на старость. Мы умираем потому, что верим, что пора умирать. И в этом смысле подобны жертвам, потерпевшим кораблекрушение и погибающим в океане без пресной воды.

В обыденном сознании каждая отдельная биография представляется вертикальной линией – движением сначала по восходящей, а с какого-то момента – по нисходящей. Проходя через детство, отрочество и юность, мы становимся все выше, сильнее, умнее, способнее, пока не достигаем пика своей судьбы. После чего неминуемо наступает спад. Биография распадается на две половины, – в первой мы только и делаем, что приобретаем, а во второй только и делаем, что теряем.

Нет ничего более далекого от реальности, чем подобное привычное представление.

Не существует никакого «пика» человеческой биографии, годы не делятся на более зрелые или менее зрелые, и любая фаза жизни имеет свою абсолютную ценность. Расставание с детством – прощание с особым восприятием мира, очарование которого тем притягательнее, чем дальше мы от него уходим. А вступление в юность приносит не одни достоинства этих лет, но и те драматические коллизии, от которых избавиться можно лишь вместе с юностью. Вот почему по мере взросления мы не только приобретаем, а по мере старения не только теряем. «В глубокой старости думают, что доживают свой век, а, напротив, тут-то идет самая драгоценная нужная работа жизни и для себя и для других. Ценность жизни обратно пропорциональна квадрату расстояния до смерти», – с удивлением записывал в своем дневнике Лев Толстой.

О преимуществах этой стадии возраста, подводя итоги, писал в своей книге Сомерсет Моэм («Подводя итоги»). Автору было в то время 60 лет. Он был уверен, что лучшие годы своей жизни уже оставил в далеком прошлом. После выхода книги он прожил еще 30 лет и умер в девяностолетнем возрасте.

Подобно чудесным превращениям бабочки, – казалось бы, что общего между нею, гусеницей и куколкой? – наша индивидуальная биография состоит из ряда непрерывных метаморфоз. Вступая в различные возрасты нашей жизни, мы всякий

Сергей Муратов

раз оказываемся новорожденными, не имеющими никакого опыта, сколько бы нам ни было лет.

Какие разные существа предстают перед нами – один год... три года... семь лет... тринадцать... семнадцать... двадцать пять... девяносто... – целая галерея портретов в пределах одной биографии.

Человеческое дитя является в мир едва ли не самым беспомощным из всех живых существ на земле. В этом смысле оно всегда «недоношено». Процесс «донашивания» до уровня человека и личности – задача, которую берет на себя все общество – и есть, по существу, процесс социализации, так что шутивное выражение «мало произойти от обезьяны, надо еще стать человеком» выдает незаурядную научную проницательность его автора.

Но есть ли предел «донашивания»? И навсегда ли для нас заказаны метаморфозы личной жизни, которые открываются после ста лет? Возрастная психология различает три основные человеческие деятельности – труд, учение и игру. (Такова последовательность их исторического возникновения, хотя в нашу индивидуальную биографию они входят в обратном порядке.) И если не так уж трудно обосновать социальную потребность в труде, а для современного человека и во все более длительном периоде обучения, то куда сложнее ответить – зачем дети играют? Ведь ребенок играет не тогда, когда «надо», а тогда, когда хочется» (Понимание атома – детская игра в сравнении с пониманием детской игры, – не без горечи заметил один ученый.) Почему дети играют, почему они фантазируют, почему задают бесконечные «почему»?

«Мудрость состоит в наблюдении за тем, как растут люди», – считал Конфуций. Такое решение темы могло бы составить новый цикл телепрограмм или видеофильмов, Материалом для создания «возрастных» портретов стали бы интервью, беседы, дискуссии, социально-психологические эксперименты и репортажи из детских учреждений и научных лабораторий.

Один год... три года... семь лет... Какие разные существа... Для чего необходимо знание особенностей каждого возрастного периода? Чтобы человек стал плохим – не надо прилагать особых к тому усилий, но чтобы сделать хорошего человека,

Грозит ли человечеству бессмертие?

необходим напряженный труд, говорил Сухомлинский. Высказывание это относится не только к воспитанию личности, но и к ее самовоспитанию. «Каким быть?» – результат совместных усилий человека и общества. Детей надо начинать воспитывать с момента рождения их родителей.

Но какой возраст мы вправе считать завершающим? В предлагаемом цикле могли бы принять участие ведущие психологи, медики, генетики, физиологи, педиатры, социологи, педагоги и футурологи. Встречи телезрителей с академиком Скулачевым теперь происходят все чаще. В 2010 году он оказался собеседником Владимира Познера («Познер». 24.05), а затем и одним из героев нового цикла канала «Культура» («Академия». 19.07). За прошедшие годы академик (вместе с сыном-биологом) стали авторами мегапроекта «Homo Sapiens liberatus». Дело в том, что существует две точки зрения на проблему неизбежной старости, которая предшествует неизбежной смерти. По одной из них (теория случайных поломок) различные органы человека со временем изнашиваются один за другим и чем больше их уходит из строя, тем стремительнее сокращается длительность жизни. По другой – диссидентской – указание всем органам на самоликвидацию поступает сразу, и этот запрограммированный в геноме механизм самоубийства дряхлеющих органов оказывается своего рода адаптацией, позволяющей новым особям сменить старые. Но полезен ли этот самурайский механизм, спасающий вид животных от стареющих индивидов, для человеческой популяции?

Когда человечество вслед за птицами решило подняться в воздух, оно не стало ждать пока через сотни тысяч и миллионы лет эволюция даст нам крылья, – человек сам сконструировал самолет. И, может быть, то, что для животных является адаптацией, для нас выступает как рудимент. И однажды мы вдруг начинаем осознавать, что старческие болезни требуют вовсе не лечения, которому нет конца («борьба с болезнями утомляет не менее, чем сами болезни»), а, напротив, их полного исключения из человеческой нормы жизни (скажем, так удаляют аппендицит).

«Ваш проект называется "Homo Sapiens liberatus" – "Человек освобожденный". А от чего освобожденный?» – спросила в

Сергей Муратов

начале телевизионной лекции студентка у академика. – «Освобожденный от тирании генома», – ответил ученый. И пояснил: речь идет пока что не о бессмертии – его срок остается тайной (у ученых просто не было возможности исследовать это явление в связи с краткосрочностью их собственного пребывания на Земле), но о том, что мы получим еще десятки, если не сотни лет омоложенной жизни без унижающих признаков старости.

– Вы боитесь смерти? – спросил ведущий приглашенного на передачу гостя, доктора философских наук, профессора Вадима Межуева («Апокриф». «Бессмертие или вечная жизнь». 30.09. 2008).

– Как человек – да. Как философ – нет, – ответил тот, вызвав живую реакцию присутствующих.

– А сейчас вы сидите с нами как человек или как философ?

– Почему философы иногда бывают не поняты аудиторией? – развил свою мысль гость. – Потому что для вас человек либо биологическая особь, не очень отличающаяся от животного (ходит там на двух ногах или еще что-то...), либо потустороннее существо. Так что между небом, которое есть, и землей, которая тоже есть, вы больше не видите ничего. Но между небом и землей находится главное пространство, в котором живет человек. Это открыли еще в эпоху Возрождения. Да, есть мир божественный (гуманисты не были атеистами), есть мир земной – животный, а есть еще третий мир – это мир человеческой свободы, где все зависит только от человека. Даже не от Бога и даже не от природы. Это мир, который потом получит название мира культуры. Как культура решает вопрос бессмертия? Да, никто не может обещать человеку вечной жизни (бессмертия физического), даже религия, но можно ли в рамках физической и конечной жизни, которая измеряется датами рождения и смерти, – можно ли прожить жизнь бесконечную? А ведь именно это реализуют философы и поэты...

– Меня лично тоже интересует тема достижимого на нашем веку человеческого бессмертия. – размышлял писатель-фантаст Дмитрий Глуховский в радиобеседе с писателем Дмитрием Быковым (04.12. 2011). – Что станет с обществом, в котором люди перестанут стареть и умирать?.. Вот вы смерти не боитесь?

Грозит ли человечеству бессмертие?

– Смерти все боятся. Но бессмертия я боюсь больше.

– Смотри, что такое бессмертие. Если это вечная старость – одна история, если вечная молодость – другая. Не окажемся ли мы перед выбором «иметь детей или жить вечно»... Выбора между тем, что ты остаешься человеком, и тем, что ты становишься небожителем. Есть ли в таком мире место для Бога и для загробной жизни? И нужна ли загробная жизнь человеку, который не умирает?.. Для кого-то это будет возможностью попытаться добиться безграничной власти, потому что только старение и смерть сдерживала многих величайших диктаторов и завоевателей прошлого... Вообще-то полного бессмертия быть не может.

– Только бессмертие души.

– А вы верите в это?

– Я полагаю, что оно есть, я только не полагаю, что это личное бессмертие. Я думаю, что личность в значительной степени уничтожится. А вот какая-то светящаяся точка останется. Но что это будет? Насколько она будет на меня похожа?.. Когда человеку нечего бояться, когда его ничего не подхлестывает, он становится идиотом... Страх смерти – мощнейший генератор метафизического в человеке. Если у него этого не окажется... Вот биологи утверждают, что если XX век был веком физики, то XXI станет веком биологии...

Вопросы о бессмертии, как ни странно, возникают сегодня, когда общество охвачено сиюминутной и радикальной полемикой о нынешнем собственном переустройстве. Впрочем, некоторые ученые полагают, что XXI век для человечества станет веком не биологии, а духовности. Либо его (человечества) вообще не будет.

«Мне бы ваши заботы, – рассуждают иные зрители в ответ на подобного рода доводы. – В то время, как вся страна – накануне сегодняшних и решающих перемен, когда все наши мысли должны...».

Но если солдат в строю шагает не в ногу, заметил один мудрец, то это не обязательно говорит об отсутствии у него музыкального слуха и чувства ритма. Возможно, он просто слышит звуки другого марша.

НЕ МОГУ
ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ
РОСКОШИ БЫТЬ
ПЕССИМИСТОМ

«Телевидение – поиски и решения». Так называлась книга профессора А. Юровского, опубликованная в 1983 году. Первая книга об истории нашего телевидения. Здесь наиболее значительно слово «поиски». История телевидения – чередование времен поисков с временами сворачивания всяческих поисков. Скажем, 90-е годы были периодом новых программ, новых каналов, новых ведущих, а нулевые – почти их полным отсутствием. Так что Марианна Максимовская, ведущая РЕН-ТВ, имела полное право сказать, что этот период – позорное время для политического вещания. (Впрочем, «нулевые» на телевидении начались, если следовать этой версии, с 2002 года, поскольку годом раньше одновременно дебютировали «Времена» Владимира Познера, «Свобода слова» Савика Шустера и «Культурная революция» Михаила Швыдкого.)

Изумил меня и последний год десятилетия. В прессе появилось высказывание одного из практиков экрана о том, что интересы зрителей вроде стали меняться и даже возник запрос на «умное телевидение». Если бы эта фраза принадлежала кому-то из телекритиков, я бы просто ее не заметил, как суждение тривиальное, но это были слова продюсера, уверявшего, что «Пятому каналу» предстоит стать «пространством мысли». Еще более удивительно, что «Пятый канал» на наших глазах действительно им стал.

Там появилась ежедневная «Программа передач» Светланы Сорокиной – журналистки, уже несколько лет отлученной от эфира (чуть позже она вела эту программу по очереди с Андреем Максимовым). Следом появился очень любопытный цикл Димы Быкова «Картина маслом». На соседнем канале, на РЕН-ТВ, под эгидой того же самого медиапродюсера Владимира Ханумяна, началась передача «Справедливость» с безумно интересным ведущим, Андреем Макаровым. Его темперамент и настойчивое стремление поисков истины опережали все другие программы подобного направления. И, наконец, возникла самая острая, самая спорная, и, по моему мнению, лучшая передача десятилетия – «Суд времени». Я вспоминаю

Сергей Муратов

об этом так подробно, потому что к началу нового десятилетия нас огорошило новое сообщение – все эти программы сворачиваются. Вспышка таким образом завершилась, а после передачи «Справедливость» осталась другая, существовавшая и до появления программы Макарова, которая называлась «Несправедливость»²⁶. Несправедливость стала вердиктом. Все это мне напомнило известную фразу, что наше обращение к цивилизации все больше похоже на великолепное освещение улиц посредством поджога зданий.

Я ОКАЗЫВАЮСЬ РОВЕСНИКОМ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Второе обстоятельство, почему я вспомнил о книге Юровского – именно в ней я впервые прочитал фразу, заимствованную автором из газеты «Правда» от 30 апреля 1931 года: *«Завтра в СССР будет произведена опытная передача телевидения (дальновидения) по радио с коротковолнового передатчика РВИ-1, Всесоюзного электротехнического института... будет передаваться изображение живого лица и фотографии»*. Это означало, что 1 мая 1931 года в Москве состоялась первая в России опытная передача малострочного телевидения. Так совпало, что в тот же день, 1 мая 1931 года, на свет появился я. И это, согласитесь, давало мне полное право считать себя ровесником российского телевидения.

Это же сообщение Юровский впоследствии неоднократно перепечатывал в нашем факультетском²⁷ учебнике «Телевизионная журналистика», переиздававшемся раз в несколько лет. Но дело в том, как я потом выяснил, что в 1931 году слова «телевидение» еще не существовало. И первые годы дикторы телевидения обращались к аудитории с фразой «Уважаемые товарищи радиозрители, начинаем передачи советского дальновидения».

²⁶ В настоящее время на «Первом канале» выходит в эфир программа А. Макарова «Свобода и справедливость».

²⁷ Имеется в виду факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Сейчас, слушатели «Эха Москвы», имеющие Интернет, могут включить его и увидеть на экране участников передачи, сидящих в радиостудии. Когда я это делаю, то из радиослушателя превращаюсь в радиозрителя. Так что, по всей вероятности, справедлива версия о том, что, с одной стороны, в мире со временем все меняется, но, с другой стороны, не меняется ничего. С одной стороны, все развивается, но с другой – все стоит на месте. (Еще больше это ощущение усугубилось после очередного публичного обращения С. Мавроди о возобновлении МММ). Как могло случиться, что в «Правде» было напечатано слово «телевидение», которое тогда в СССР в вещательной лексике еще не употреблялось? Это похоже на анекдот о древнеримской монете с высеченной надписью: «Изготовлена за 125 лет до Рождества Христова». Тогда я отправился в газетный зал МГУ и взял подшивку газеты «Правда» за 1931 год. Обнаружил, что в этот день подобного сообщения просто не было. Откуда же оно возникло? Не мог же автор придумать эту дату. Естественно было бы спросить об этом у самого автора. Но к тому времени автора уже не было в живых.

Впрочем, по другим источникам первая передача малострочного дальновидения (телевидения) вышла в эфир 28 апреля 1931 года. Если за основу принять эту дату, получается, что телевидение возникло на два дня раньше меня. Хотя это совершенно не меняет версии о ровесниках, поскольку ровесниками считаются не по дню или месяцу рождения, а по году.

Через 24 года я уже действительно имел прямое отношение к телевидению. Должно быть, оно было мне суждено. Даже мой дом находился в 10 минутах от Шуховской башни, рядом с Центральной студией телевидения. И когда я в 1955 году закончил институт, сразу пришел туда работать.

В тот год, самой распространенной маркой нашего телевизора еще был КВН-49, (названный по первым буквам фамилий его изобретателей, создавших эту марку в 1949 году). Многие к нему покупали линзу, куда наливалась либо вода, либо глицерин – такое увеличительное стекло, потому что экран был маленький. А пульта еще не изобрели, их, собственно, незачем было изобретать – существовал только один канал. (Правда, слова «канал» тоже не было – было слово «программа».) В год

Сергей Муратов

моего прихода в телестудию, этот единственный канал (программа) стал ежедневным.

В то время штампом газетных публикаций была фраза: «телевидение – искусство миллионов». А первая книга об отечественном телевидении, о чем я уже писал, называлась «Телевидение как искусство» (1962). Если книга с таким названием вышла бы в наши дни и посвящалась сегодняшнему вещанию, автора назвали бы «прикольщиком», памфлетистом, а то и циником, способным на откровенные издевательства.

Само понятие «культура» противопоставлено коммерческому вещанию (если это не «массовая культура»). Сегодня у нас, собственно, есть один канал, который называется «Культура». Хотя в доперестроечное время, когда москвичи принимали четыре канала, их все можно было практически считать каналом «Культура». Было много пропаганды (настырной как нынешняя реклама), но все ж по объему она занимала гораздо меньше времени, чем культурные или просветительские передачи.

КАК КОШКА СЛЕЗАЕТ С ДЕРЕВА

Хотя идеализировать прошлое тоже не приходится. Первые три выпуска моей собственной передачи – первой в стране игре с участием зрителей («ВВВ»), которую я готовил и как редактор, и как соавтор, началась триумфом свободы и нового слова на телевидении, но прожила недолго, а закончилась грандиозным скандалом – по тем временам опасным. Это произошло по обмолвке ведущего, но если б не это – произошло бы что-то другое и нас всё равно бы закрыли. Юмор тогда ощущался как вызов власти. Было даже закрытое постановление ЦК КПСС о нашей вредности (оно опубликовано при перестройке), вроде: «Вопросы и загадки, предлагаемые слушателям, были ничем иным, как глумлением над советскими людьми. Присутствующим на вечере и всем телезрителям была предложена глупая интермедия с вопросом: "Как кошка слезает с дерева – головой вниз или головой вверх?" При этом исполнители с издевкой заявили, что этот вопрос еще не решен»...

После того скандала я вынужден был уйти с телевидения «по собственному желанию». Поэтому из редактора стал сценаристом и телеобозревателем. Ежемесячные обзоры в газете «Советская культура» стали первым опытом создания периодической телекритики в стране. Потом превратился в преподавателя, исследователя телевидения (выпустил около 15 монографий) и, наконец, в профессора кафедры телевидения и радио факультета журналистики МГУ.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ ГЛАЗАМИ ВЕТЕРАНА

Когда встречаюсь впервые с начальными курсами, спрашиваю их: «В чем ваше профессиональное преимущество передо мной?». Как ни странно, они не сразу отвечают то, что пришло бы на ум любому, увидевшему пожилого профессора и его студентов – преимущество учащихся состоит в их возрасте. Сегодня мы видим с ними одни телепередачи, но они смогут их сравнить с тем, что будет на том же экране и через 10 лет, и через 20, и позже. Ответ на второй вопрос – а в чем преимущество моего возраста перед ними – совсем простой: у меня есть возможность сопоставить нынешние передачи с теми, которые шли 10, 20 и даже 50 лет назад.

Я был свидетелем периодов застоя, двух телевизионных возрождений, 30 лет изоляции от мирового вещания, наконец, эры открытых дверей, которая началась с перестройки. Был такой год, когда по нашему телевидению можно было увидеть самые разные мировые новости – немецкие, американские, Би-би-си...

К несчастью, наше телевидение стало коммерческим. У нас не было (и сегодня нет) закона о телевидении, не было (и сегодня нет) нравственных кодексов, которые определяют вещательную политику. Так что совсем не удивительно, что началась эпоха большого плагиата. Все помнят знаменитую программу «Взгляд», но мало кто помнит, что поначалу она шла без названия, просто как «информационно-музыкальная программа молодежного телевидения». Через некоторое время редакция обратилась к зрителям с предложением присылать варианты

Сергей Муратов

заголовка уже полюбившейся передачи. Но советами зрителей не воспользовались, редакция сама назвала ее «Взгляд», хотя так уже называлась одна из хорошо знакомых питерцам передач ленинградского молодежного телевидения. Но и эта передача в свое время заимствовала свое название. Это журналист Юрий Рост придумал (и вел) собственную уникальную рубрику «Взгляд» – сперва на страницах «Комсомольской правды», а потом в «Литературной газете». Название программы «Однако» Михаила Леонтьева (и его же одноименный журнал) тоже заимствовано – на этот раз у рубрики Авторского телевидения.

За последние 20 лет все изобретенное на мировом телевидении стало доступным у нас, но совершенно недоступными оказались собственные поиски предыдущего времени. Тогда мы не знали, не видели передач мирового вещания и вынуждены были придумывать свои. Многие были крайне интересными, иногда куда интереснее тех, которые впоследствии предложил Запад.

О НОВОМ СЛОВЕ...

В «нулевые» годы критики все чаще стали писать о деградации нашего телевидения. Коммерческое вещание придавало ему гламурный оттенок и отказывалось от всяких новаций.

Перемены наступили в 2009 году. На канале «Россия» появился 8-серийный документальный сериал «Подстрочник». Обозреватели написали, что вот оно – это новое слово на телевидении. Ирония состояла в том, что цикл был создан режиссером Олегом Дорманом еще в 1998 году, но до 2009 не был показан по телевидению вообще. Руководители каналов полагали, что эта работа, хотя и интересна, но нетелевизионная, поскольку состоит из рассказа о своей жизни одного человека – Лилианны Лунгиной. «Новое слово» маршиновало 11 лет.

Это мне напомнило предысторию одной из самых знаменитых программ, с которой, как многие полагают, и началось наше настоящее телевидение. О «Загадке НФИ» Ираклия Анд-

роникова. Сама история ее появления в 1954 анекдотична и познавательна. Чтобы передача появилась, Андроникову пришлось пойти на хитрость, практически «надуть» редакцию. Его попросили выступить. «Только вы нам должны что-нибудь прочитать минут на пять, – предупредил режиссер, – потому что больше пяти минут на экране выступать нельзя» (тогда все были в этом уверены). У Андроникова не было текста на пять минут, и он извинился, что не может сразу назвать рассказ, с которым выступит, обещал подумать, поскольку завтра уезжает на две недели в командировку: «Вы меня поставьте в программу последним в тот день. К тому времени, как я вернусь, мы обо всем договоримся».

Когда он вернулся, то уже стоял в программе и сказал, что будет читать «Загадку Н.Ф.И.». «Но вы помните, – волновался режиссер, – пять минут!.. А сколько идет ваш рассказ?» – «Больше часа». – «Ну, это когда-нибудь в будущем, – рассмеялся режиссер, – а пока пять минут... Ну, шесть, ну, в крайнем случае – семь, возьму грех на себя»... Воспользовавшись тем, что стоял в программе последним, Андроников в прямом эфире (видео-запись еще не изобрели) говорил час. Успех был феноменальный. Я помню, как на следующий день повсюду – в автобусах, в парикмахерских, в магазинных очередях обсуждали «Загадку Н.Ф.И.». Никто на телевидении не мог предполагать, что «говорящая голова», выступающая больше пяти минут, может собрать такую аудиторию.

Успех вдохновил и Ленфильм. Решили снять кино «Загадка Н.Ф.И.». Прошел год, два, три – встречает Андроников сотрудника Ленфильма:

- Вы что, похоронили мой сценарий?
- Да, нет. Просто столкнулись с трудностями, некому играть Андроникова.
- То есть, как? А я сам?! Я же читал «Загадку» по телевидению!
- По телевидению совсем другое дело (сегодня сказали бы – не тот формат). Там сначала вас объявляет диктор...
- А кто мешает вам пригласить теледиктора?
- Ага, вы предлагаете в фильме сыграть в телевидение... Вообще-то, идея интересная...

Так и вышел в 1959 году этот успешный фильм.

Полвека назад существовал канон, что нельзя говорить на экране больше пяти минут. успех Андроникова не переубедил сотрудников телевидения. Хотя уже тогда телезрители знали о киноведе Григории Авенариусе, который каждую неделю в течение двух лет читал лекции по кино, собирая огромное количество зрителей. Андроников и Авенариус считались исключениями из правил. Телевизионные профессионалы не понимали, что уже заявлен новый жанр – «телевизионный рассказчик», многих из которых мы сегодня отлично помним (Юрий Лотман, Эдвард Радзинский, Виталий Вульф, Артём Варгафтик...). И вот спустя полвека с документальным сериалом «Подстрочник» повторилась та же история. На вручении премии «ТЭФИ» автор «Подстрочника» публично отказался от присужденной ему статуэтки. Одиннадцать лет непризнания оказались весомей момента награды.

«ОКО ВЕКА»

Любопытно сопоставить мою недавнюю книжку «признаний и откровений» («ТВ – времена перемен?», 2010) о ведущих перестроечного вещания, во многом определивших новую биографию нашего телевидения (которое стало, в свою очередь, их биографией и судьбой), с моим же сборником интервью «Люди, которые входят без стука», опубликованным 40 лет назад. Тогда имелись в виду не чекисты, а замечательные телеведущие 60-х годов. Две книги рассказывают о двух эпохах телевидения. Большинство биографий героев последнего сборника драматичны, почти все сегодня отлучены от эфира.

Это роковая особенность нашего телевидения.

Борис Розинг, один из изобретателей телевидения в свое время был арестован и умер в ссылке. Его лучший ученик Владимир Зворыкин уехал в США и только благодаря этому уцелел, американцы именно его считают изобретателем телевидения. Огромный вклад в телевидение внес Лев Сергеевич Термен, человек с фантастической биографией, он жил и в Америке, много лет провел в нашем ГУЛАГе, о нем вообще мало кто знает. Его биография – поразительный материал для будущих пи-

сателей и драматургов. Судьбу и развитие телевидения определяли не гении, не изобретатели, не художники, не авторы, а социальные перемены.

На моем веку таких перемен было две – 60-е годы и конец 80-х – начало 90-х.

Когда-то я собирался, да так и не собрался, написать книгу о выдающихся программах и акциях отечественного телевидения, которые повлияли на психологию, даже на судьбы огромного количества зрителей – «Око века». Так сказать, передачи столетия. Она открывалась бы легендарной передачей того же Ираклия Андроникова. Затем шел бы рассказ об уникальной эпопее эстонского ТВ, о которой вообще мало кто знает, она называлась «Сегодня 25 лет назад». Сериал воссоздавал события Второй мировой войны, в нем календарный принцип был применен, что называется, в чистом виде. Сериал продолжался пять лет (включая войну с Японией). Мировая телепрактика не знает ничего подобного. Драматургия была продиктована драматургией самой войны. Рассказы о событиях на экране происходили именно в тот день, а иногда и в тот час, как четверть века назад. Бывало, что ведущему-автору (в прошлом, школьному учителю истории) Вальдо Панту приходилось подряд, то есть ежедневно, вести по десятку и больше передач. Так было во время наступления под Москвой, в дни Сталинградской битвы и разгрома в Перл-Харборе – ровно через 25 лет... «Я смотрю на часы, – говорил ведущий, – сейчас 8.30. Через 10 минут будет арестован в Японии Рихард Зорге. Но в этот момент он еще на свободе». Потом он обращался к другим событиям, а затем снова возвращался к часам: «Сейчас товарищ Зорге вышел из дома. Вот из-за угла показался черный автомобиль...». Так создавался ритм и нерв передачи. «Мы приучаем нашего зрителя к высокому чувству документальности, – рассказывал Вальдо Пант. – Ведь мы не вправе выдумывать календарь. Что делать – у войны свое расписание». Когда выпуск коснулся конца войны, было рассказано о самоубийстве фюрера. Как известно, Гитлер назначил время, а потом попросил 20 минут отсрочки. И авторы тоже сделали перерыв на экране на 20 минут и после маленького эстрадного концерта вернулись в берлинский бункер, чтобы проследить, как разыгрывался

Сергей Муратов

последний акт этой драмы. Ничего подобного этой пятилетней программе я никогда не видел. Такие передачи становились частью реальности. Помню, как-то в таллинском автобусе молодой парень сказал: «Я только теперь понял, какая длинная история эта война. Смотрю передачу три года, а ей нет конца». Таким ребятам подобные передачи необходимы, ведь в школе они проходят войну за три урока.

Не менее захватывающее впечатление произвел на аудиторию цикл ленинградского телевидения «Контрольная для взрослых», о котором я упоминал раньше. В 1977 году ленинградцы Светлана Волошина и Игорь Шадхан решили сделать несколько передач о маленьких обитателях детского сада. И выяснить, хорошо ли мы знаем своих детей. По ходу экспериментов (беседы с родителями вела Волошина, с малышами – Шадхан) дети, думая перед камерой и подыскивая слова, неизменно оказывались и проницательнее, и великодушнее взрослых. Они подкупали доверчивостью. Мама и папа выглядели не только зажатыми, но и менее наблюдательными. Дети их обыгрывали по всем статьям. Казалось, что когда они вырастут, будут намного отважнее и непредсказуемее предыдущего поколения. В последней передаче цикла дети предстали в новой роли – первоклассников, идущих на первый урок. Это был многозначительный эпизод. Герои расставались с дошкольным прошлым, авторы – с ними.

Но произошел непредвиденный поворот. Зрители засыпали студию письмами с просьбой о продолжении. Школа, как и детский сад находились рядом со студией. Авторы стали снимать продолжение и длилось оно... 17 лет. Дети росли вместе с аудиторией. «Семейная хроника старых знакомых» назывался очередной цикл о тех же героях. Этот постоянно возобновляемый круг общения и 190 часов видеозаписей означали равноправие всех перед камерой и делали этически правомерной любую съемку. В число действующих лиц входили и сами авторы. «Наши герои вошли в меня, – говорил Шадхан. – С одной стороны, у меня появился вкус к чужой жизни, с другой – многие вопросы, которые я им задаю, рождаются из моих сомнений и опыта». Когда изобразительная культура и результат документального общения сливаются воедино, возникает то, что назы-

вается синхронным фильмом. При этом границы между фильмом и реальностью условны и постоянно сдвигаются. Сказать о «Контрольной для взрослых», что это кино – ничего не сказать. Если это и кино, то в каком-то неведомом измерении, еще незнакомом нам состоянии – не только кинематографа, но и аудитории, постигающей себя с помощью телевидения, особая форма неигровой драматургии и непостановочной режиссуры.

Только телевидение способно годами следовать за биографией героев. Десять лет снимал Алексей Погребной, режиссер-документалист из Кирова, частную хронику семьи отчаянных фермеров, защищающих право вести свое собственное хозяйство. («Лешкин луг», 1990–2000). Порой повествование обрело характер настоящей документальной драмы. Художественность воплощения вызывала у некоторых опасение – не идет ли она во вред достоверности. Говоря словами Ч. Дзаваттини «перед нами не попытка выдумать историю, которая походила бы на действительность, а стремление показать действительность так, словно это история».

Результатом перестроечной гласности стали и космические телемосты, которые триумфально завладели эфиром. «Я пишу в состоянии психологического шока, не могу до утра успокоиться», – говорилось в одном из писем, после выхода в эфир телемоста Ленинград–Бостон (Владимир Познер – Фил Донахью). Словно два космических корабля из разных галактик, осторожно зависшие державы – США и СССР – впервые повстречались в эфире и взглянули друг на друга глазами обычных людей, а не политиков. Первые же телевстречи рядовых граждан «на высшем уровне», опровергли стереотипы, десятилетиями внедрившиеся в общественное сознание. Нет выше радости, чем понимать друг друга. Понимание через общение – не просто потребность, но жизненная необходимость.

Телемост как форма общения был в 1986 году в начале пути. Но продолжения не последовало. Нашими недавними конфликтами с Украиной, Грузией, Беларуссией мы обязаны не народам этих республик. Любой телемост между нами и любой из этих стран сразу бы показал, что нет никакой конфронтации между рядовыми россиянами и их соседями. Это как раз по-

Сергей Муратов

литики превращают телевидение из средства массовой коммуникации в средство массовой конфронтации.

И еще одна программа стала событием. С 1996 года мы стали постоянными посетителями коллективных воспоминаний «Старой квартиры» – своего рода зеркала нашей памяти, где героями оказывались мы сами – телезрители, приглашенные в студию. С каждой программой мы все лучше узнавали собственное прошлое. В программе о 84 годе участвовала Светлана Алексиевич. Тогда появилась ее документальная повесть «У войны не женское лицо» – исповеди женщин, которые девочками ушли на фронт Великой Отечественной войны. Рассказы тех, кто выжил и дожил.

Сразу после упоминания в «Старой квартире» прошли семь серий документального фильма «У войны не женское лицо». Тот редкий случай, когда стремление не пройти мимы очередной годовщины позволило обнародовать замечательный цикл. Этот цикл следовало бы повторять для каждого нового поколения. В мировой телепрактике не менее трети вещания – это повторы. Но руководители наших каналов идут на повторы только от безвыходности, затыкая эфирные дыры во время отпусков. Если бы нынешние капитаны телеэфира управляли книгоизданием, ни одна книга никогда бы не была переиздана и понятия классики вообще не существовало бы. А ведь некоторые жанры создаются в расчете именно на многократный показ и обладают удивительным запасом эстетической прочности.

Именно такой программой и был цикл «Подстрочник», созданный в 1998 году, которым и завершился бы этот рассказ о программах-событиях. А ведь были еще дискуссионные телециклы «Глас народа» и «Свобода слова», собиравшие аудиторию НТВ. Поражали зрителей передачи «Уроки русского», создаваемые Авторским телевидением. Речь идет о программах, созданных не по зарубежным лекалам, а благодаря энергии и творческой мысли собственных авторов и историков.

К сожалению, своих авторов наше телевидение так и не научилось ценить. Достаточно вспомнить последние месяцы жизни легендарной ведущей Валентины Леонтьевой или нереализованные замыслы режиссеров-документалистов Игоря

Беляева, Самария Зеликина, Марины Голдовской, Владислава Виноградова, Алексея Габриловича. Это всё классики нашей документалистики, их фильмы становились общественными событиями. (Сегодня всё это – «не наш формат».)

К сожалению, им на смену приходили Андрей Малахов (даже два Малахова), Дмитрий Нагиев, Отар Кушанашвили – список легко продолжить.

РЕВОЛЮЦИЯ РАЗГОВОРНЫХ ЖАНРОВ

За последние четверть века – с начала перестройки и выхода из изоляции от мирового вещания – отечественное телевидение освоило небывалое разнообразие жанров, хотя осознания этого обстоятельства так и не произошло. Правда, учебники по телевидению и прежде упоминали о пресс-конференциях, интервью, дискуссиях, но все примеры приводились, как правило, из области газетной журналистики. Теорию тележанров сдали в архив. Телекритика отучилась от эстетического и жанрового анализа документальных произведений. Спросите любого телекритика о жанре передачи «Суд времени» – ответа не получите. В Интернете об этой программе масса публикаций, но ни слова о жанре. Лишь однажды упоминается, что программа снята в стиле судебного заседания. Но и программа «Справедливость» тоже снята как судебное заседание. Однако ничего общего эти программы между собой не имеют.

Между тем, «Суд времени» (как и сегодняшний наследник программы «Исторический процесс» «России 1») – это дебаты. О предвыборных судебных дебатах в зарубежной прессе писалось десятилетиями. Иногда и в наши предвыборные сессии включались дебаты, но из этого ничего не получалось. В стране отсутствовала практика экранных дуэлей. (Неожиданным признанием жанра стали последние выборы.) А впервые дебаты появились в программе «Взгляд», где Влад Листьев исполнял роль модератора, а по обе стороны от него сидели Эдуард Лимонов и Марк Захаров. Через несколько лет к практике теледебатов обратился Александр Любимов («Один на один»). Во

Сергей Муратов

время одной из его передач произошел знаменитый эпизод – Жириновский, не довольствуясь словесными аргументами, плеснул в Немцова соком (ответ был немедленным).

В 2001 году радиожурналист Савик Шустер дебютировал на телевидение со «Свободой слова», где противостояли друг другу предвыборные команды. Еще через год Владимир Соловьев объявляет новую рубрику «Поединок». Очень скоро она меняет название и обретает популярность под заголовком «К барьеру». А после завершения своей экранной биографии на одном канале возвращается на другом – под первоначальным названием «Поединок».

Но наиболее драматичную и полемичную форму дебаты впервые нашли в ежедневном «Суде времени» на «Пятом канале». Постоянными оппонентами здесь были Леонид Млечин и Сергей Кургинян со своими командами экспертов, а постоянным рефери – Николай Сванидзе.

Пресс-конференция никогда не входила в состав постоянных рабочих рубрик советского телевидения. Помнится, она проходила в эфире при встрече с космонавтами. Впервые ритуал, когда на приглашенного гостя обрушивался каскад вопросов журналистов, попытался ввести на экран Сергей Торчинский в 1991 году в программе «Без ретуши». Хотя еще в середине 70-х телевидение практиковало такие встречи – не с журналистами, а с заинтересованными зрителями, приглашенными в зал «Останкино» («Встреча в концертной студии Останкино»). Десять лет спустя осознание демократии, как народного самодержавия, а гласности, как нормы общественной жизни, заставило заново возродить этот принцип. Среди первых приглашенных оказался академик Лихачёв. «Скупой может притвориться щедрым, – говорил он, – злой человек – добряком, льстец может поднести свою лесть под флагом правды и откровенности, но притвориться интеллигентным человеком – невозможно. Вот почему интеллигентность вызывает злобу в людях неинтеллигентных». Общественную волну вызвали приглашенные педагоги-новаторы – Е. Ильин, В. Шаталов, И. Волков, С. Лысенкова, Ш. Амонашвили. В наши дни среди еженедельных пресс-конференций – «Линия жизни» (канал «Культура»), «Народ хочет знать» («ТВ Центр»), где вопросы задают семей-

ные пары, «Сто вопросов взрослому» («ТВ Центр»), где в роли коллективного интервьюера выступают подростки.

Странно, что жанр *интервью*, казалось бы, присущий телевидению изначально, получает права гражданства только в 1986 году в программе эстонского журналиста Урмаса Отта «Телевизионное знакомство». Но разве прежде на ТВ не было интервью? Были, разумеется, вопросы дикторов к собеседникам в информационных рубриках, но не было самостоятельной передачи, целиком решенной при помощи интервью. «Телевизионное знакомство» оказалось эффективным, неожиданным, но недолговечным.

В 1992 году дебютируют «Пока все дома» с Тимуром Кизяковым и «Момент истины» с Андреем Карауловым. А затем экран продемонстрировал целую галерею интервью – «Час пик», «Герой дня», «Антропология», «Ночной полет», «Школа злословия». Среди последних рубрик – «На ночь глядя» (прежде называлась «Без протокола»), «Познер» (наиболее захватывающей была встреча с Сергеем Кургиняном) и прерванная «Программа передач» со Светланы Сорокиной на «Пятом канале».

Бывали годы, когда интервью вообще исчезало. Когда академия ТЭФИ даже отменила саму номинацию «Интервью» (что довольно странно для организации, считающей себя академией). Телевизионные игры, телесуды, ток-шоу на наших глазах захватывают пространство экрана, намного опережая попытки осмысления этих жанров.

НЕ НАШ ФОРМАТ

В коридорах «Останкино» можно услышать анекдот о руководителе «Первого канала», который, попав на тот свет, уверенно направился к воротам рая. «Кто вы?» – спросил привратник и, услышав фамилию, попросил минуточку подождать. Затем появился снова и отрицательно покачал головой: «Вас не велено пропускать». – «Почему?» – удивился прибывший. – «Не наш формат».

За последние двадцать лет на смену теории жанров пришел рыночный прагматизм, или принцип телеформата, согласно ко-

торому любую передачу можно разъять на составные драматургические, режиссерские и прочие принципы и тем самым свести к конкретному торговому продукту. «Такой продукт, – пишет профессор В. Цвик, – легко купить, а то и просто скопировать и украсть». В то время как жанр купить нельзя – это всеобщее достояние и в литературе, и в кино, и в театре. Зато внутри жанра можно находить все новые способы воплощения. Когда-то в телевизионной литературе выходили десятки книг: телевидение и Литература, телевидение и Кино, телевидение и Театр... Сегодня таких эстетических поисков нет и в помине. Если согласиться с утверждением В. Шкловского, что жанр – это память искусства, то отсутствие суммы жанров на телевидении, по существу, и есть отсутствие памяти.

Отсутствию памяти способствует то обстоятельство, что сложное всегда легко подменить простым. Скажем, высшую математику легко свести к арифметике. Что говорить, арифметика необходима. Без нее мы не сконструировали бы, например, автомобиль, чтобы двигаться по земле, но без высшей математики мы никогда не поднялись бы в космос.

Подобному упрощению содействует и визуальная среда современного коммерческого экрана. В прежние годы вещательным основанием считалась официозная советская кинохроника, а такие образования, как «протокольный сюжет» и «паркетная хроника» вполне вписывались в существующую стилистику. Сегодня же мыльные оперы и фуршетные съемки стимулируют, скорее, разновидности шоу-бизнеса. Так сказать «бла-бла шоу». Гламурная стилистика восприятия жизни хорошо описана в публикациях журнала «Искусства кино» – «культ поверхностности, доведенный до совершенства», «мелкое крошево из всего не свете». Если прежде задачей начальства считалась реакция на опасные мысли, то сегодня угрозой представляется наличие всякой мысли²⁸.

²⁸ Прежним достижениям авторского кино и эволюции нынешней коммерциализации посвящается моя книга «Документальный телефильм. Незаконченная биография». 2009.

ВОСХОЖДЕНИЕ К ИСТОКАМ?

В чем смысл и назначение телевидения? Показывать лучшее, что создано цивилизацией и культурой. Помнить, что в любой ситуации люди должны оставаться людьми и даже становиться лучше. Сплоченные в единое сообщество электронной коммуникацией, все мы – люди культуры. Но отвечает ли этой задаче современное вещание?

В последней книге, которая вышла в 1987 году, наш замечательный телекритик и социолог Всеволод Вильчек писал о том, что телевидение приобщает три четверти нашего населения к художественной культуре. Но сегодняшнее телевидение не приобщает, а отторгает людей от художественной культуры. «Мы живем в мире полуобразованных людей», – заметил недавно ушедший от нас Виталий Вульф. Мелкое крошево из всего на свете – наилучшее определение гламурной стилистики домашних экранов. Эффект мелькания. «Мы занимаемся не творчеством, а визуальным обслуживанием населения и должны это делать на высшем уровне», – утверждают продвинутые телепродюсеры. Впервые за прошедшие полвека я наблюдаю, насколько наше телевидение способно презирать свою собственную аудиторию. Но разве не дает сама аудитория для этого некоторые основания?

Достаточно было сопоставить заключительные голосования участников передачи «Суд времени», заполнявших студию, с мнением тысяч зрителей, сидящих у телевизоров.

Миллионы человеческих жертв, возникших в результате коллективизации, индустриализации, политики ВПК и подобных социальных экспериментов не производили впечатления на аудиторию у экрана. Только у 7–15% зрителей эти чудовищные итоги вызвали протест.

Вот раскладка по итогам голосования на некоторых темах передачи. Пакт Молотова-Риббентропа – необходимая передышка для СССР или путь к началу войны? 91% голосовали за пакт.

Советско-финская война – стратегическая необходимость или неудавшаяся экспансия? 90% – за войну.

Что касается сравнительно недавней истории – ввода наших войск в Афганистан, тут необходимостью сочли ее 87% и только 13% – авантюрой партократов.

Иногда эти проценты возникали на экране еще до начала дискуссии, объявленной за несколько дней (40 тем, 120 выпусков), и оставались практически неизменными до конца передачи.

«Эпоха Брежнева – агония советского режима или время упущенных возможностей?». Разумеется, упущенные возможности. «Советский человек – идеологический миф или историческое достижение?» Конечно же, достижение!

Откуда эта массовая уверенность? Или наш народ ретрограден, или дело в конструктивном пороке «формата» – усомнился пронизательный телекритик. Да ведь это же просто уровень массового сознания – объясняли его оппоненты. Это климат, в котором мы все живем, – своего рода барометр общества. И ни слова о том, что речь идет не об уровне массового сознания, а о массовой мифологии того социального слоя, который принято было называть историческим достижением социализма.

Известно, что нельзя устраивать массовый референдум на тему «Нужна ли смертная казнь?» Какие бы факты не приводились – результат заранее предрешен. Если бы теледискуссии на эту тему (а их было сотни) всякий раз завершались всеобщим референдумом, себестоимость таких обсуждений была бы нулевой. «Конструктивный порок формата» – не абстрактное допущение. Каждый выпуск «Суда времени», как и «Исторического процесса», по сути, дуэль сознания против мифа. Но весовые категории противников здесь несоизмеримы. Мифы создаются тысячелетиями, веками, десятилетиями. И чтобы подвергнуть сомнению такой миф в народном сознании, необходимы тоже десятилетия. Когда коллективизация, вроде сталинской, считается высшей ценностью, независимо от цены «успеха», то сколько бы миллионов жертв не оплатили этот успех, миф неискореним. Если кондуктор ищет новых путей, трамвай сходит с рельсов, – заметил один шутник. А если речь идет не о колее, утвержденной раз навсегда, а о прокладке новых рельсов и новых маршрутов?

Восхождение к истокам?

У нашего телевидения два непоколебимых мифа. Первый: телевидение – средство массовой информации. Хотя само оно неоднократно демонстрировало, что способно становиться отличным средством массовой дезинформации. Достаточно вспомнить не только о телехронике советских времен, но и о кастрированных новостях сегодняшних федеральных каналов. Миф второй: телевидение отражает потребности аудитории. Руководители каналов в этом уверены, хотя сами программы, помимо собственных, не смотрят и детям своим смотреть не дают. Между тем телевидение не отражает, а формирует аудиторию (а потом уже отражают то, что сформировали). Но десятки публикаций на эту тему Даниила Дондурее положения не меняют. Обескультуренное за последние 15–20 лет телевидение формирует обескультуренную аудиторию.

А не слишком ли вы, дорогой господин, слышу я, пессимистично глядите на вещи? И тут я вспоминаю цитату одного из героев романа Р. Мерля: «Я не настолько наивен, чтобы верить в неизбежность победы всякого праведного дела, но не могу позволить себе роскоши быть пессимистом».

Человеческая культура – а именно она позволяет человеку оставаться человеком и даже становится лучше – всегда была вынуждена отстаивать себя в мире рыночных отношений. Эпохи возрождения чередовались с веками упадка. Но культура, несмотря ни на что, поднималась вверх по лестнице, которая неотвратимо стремится вниз. Она не сдавала своих позиций. Эта ситуация – наши заданные условия. Отстаивать культуру – не профессия, а долг. Точнее сказать, не только профессия, но и долг.

Я хотел бы закончить недавним «ленинским» анекдотом. Владимир Ильич проснулся после тяжелого сна и понял: вчера было рано, а завтра – поздно. Значит – сегодня. «Но сегодня делать революцию нельзя», – объясняют ему. – «Почему нельзя?» – «Потому, что Троцкий уехал на рыбалку» – «Ну и что? Разве нельзя делать революцию без Троцкого» – «Без Троцкого можно, без "Авроры" – нельзя!».

Без культуры, как без «Авроры», телевидение становится шоу-бизнесом, а «искусство для миллионов» – детской фантазмагорией.

«Я РОДИЛСЯ ПРИ ВОСХОДЕ ВСЕМИРНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ»²⁹

Профессор МГУ Сергей Муратов, один из трех создателей КВН, называет себя ровесником телевидения: 1 мая и ему, и отечественному телевидению, исполняется 80 лет. А КВН осенью будет 50.

Как-то я пообещала своим знакомым с немецкого телевидения, что покажу им человека, который придумал КВН, и мы пришли в дом к Сергею Муратову. Потом немецкий редактор сказал мне: «Если бы на немецком телевидении был человек, который придумал гениальную передачу, просуществовавшую на не то что 50, а хотя бы 10 лет, он получал бы деньги за идею с каждой программы и жил бы во дворце...».

Сергей Муратов живет не во дворце. Хотя он не только один из авторов КВН, но и автор полутора десятков книг по исследованию телевидения и документального кино, профессор кафедры телевидения факультета журналистики МГУ.

О телевидении вообще и КВН в частности я поговорила с моим любимым учителем Сергеем Муратовым.

– Сергей Александрович, давайте побеседуем о прошлом...

– Наташа, мы, конечно, можем побеседовать, но я вам сразу могу сказать, что из этого ничего не выйдет. Потому что человек в 80 лет должен обладать определенной мудростью, которая позволяет ему смотреть на мир с каких-то высот и понимать, что наши конфликты, наши коллизии, не больше, чем мелкая суета. Так вот, я не чувствую никакого бремени мудрости. Что касается суеты, мы живем во времена, когда любой, даже самый юный человек понимает, что мир полон этой самой суетой.

²⁹ Интервью Натальи Касперович, опубликовано в журнале «Огонек» 25 апреля 2011 года.

«Я родился при восходе всемирного телевидения»

Поэтому никаких таких благородных советов с высоты лет дать не могу. Это раз. Есть вторая причина. Она заключается в том, что я вообще последнее время нахожусь не в лучшей форме. Поэтому мысли вместо того, чтобы быть ассоциативными, историческими, похожи на тяжелые глыбы льда где-нибудь в Северном Ледовитом океане. И беседовать со мной может не столько интервьюер, сколько ледакол.

– Ну давайте все-таки попробуем... Обычно человек не может назвать того, кто придумал уют или даже самолет. Так и с КВН. Вы придумали КВН...

– Мы его придумали втроем. Альберт Аксельрод, Михаил Яковлев и я.

– Вы ощущаете, как ваша идея живет независимо от вас?

– Не очень ощущаю, потому что не смотрю КВН по телевизору. Каждый раз, когда пытался смотреть, мне становилось довольно скучно.

– Современный юмор вам кажется пошлым?

– Наглядная предсказуемость – тоже своего рода пошлость. Я предчувствую, что будет дальше, и вижу, что так оно и происходит. Чем больше предсказуемости в КВН, тем меньше в нем КВН. Уж не говорю об отсутствии остроты (не остро). Недавно прочел, что в игре исчезла разминка – последний элемент импровизации. Импровизация – вещь неуправляемая, она может быть и неудачной, но момент творчества на глазах зрителя составлял суть прежнего КВН. Мы не создавали зрелище ради зрелища. Главное было – атмосфера духовного братства. Это все ушло не только из КВН. Нынешняя игра-шоу не допускает случайностей, ляпов. Вот если бы в «Что? Где? Когда?» не допускались неправильные ответы, игра умерла бы, верно? Сегодня КВН более профессиональный, артистичный, музыкальный, чем был когда-то. Но это просто шоу.

– КВН превратился, по сути дела, в большой бизнес-проект с большими деньгами...

– Так оно и есть. Об этом я узнаю из публикаций в газетах. Ну, когда все телевидение считается шоу-бизнесом, это неудивительно. КВН сделался серийной передачей, которая должна извлекать выгоду из своего пребывания на экране. Впрочем, еще до закрытия в 1972 году КВН постепенно терял

Сергей Муратов

некоторые свои родовые черты. Его губила появившаяся в нем постановочность. И то, что за командами, как за футболистами, стояли порой амбиции целых городов.

– Осенью КВН отметит 50-летие. Мало осталось тех, кто может вспомнить, как передача начиналась...

– В 1957 году в Москве должен был проходить Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Это было грандиозным событием – впервые железный занавес зашатался. В 1956 году на комсомольском собрании телестудии я встал и с недоумением сказал: как же так, через год будет Всемирный фестиваль, а у нас даже нет молодежной редакции! Ну, меня и назначили эту редакцию создавать, она называлась «Фестивальная». Там была беспрецедентная для тех лет атмосфера: в программах участвовали не только профессионалы, но и студенческая молодежь. Я для этого ходил набирать их по студенческим «капустникам». Так мы познакомились и подружились с Аксельродом и Яковлевым, стали соавторами. Мы хотели сделать передачу, которая перевернула бы пресный и скучный ход телевидения, стала бы сродни фестивалю, который мы так ждали. В 1957 мы выпустили ее, первую в стране игровую передачу с участием зрителей – ВВВ («Вечер веселых вопросов»). Она началась как триумф нового слова на телевидении, но прожила недолго, а закончилась скандалом — по тем временам опасным. Были даже закрытые постановления ЦК КПСС о нашей вредоносности (они опубликованы при перестройке), вроде: «Вопросы и загадки, предлагаемые слушателям, были не чем иным, как глумлением над советскими людьми. Телезрителям была предложена глупая интермедия с вопросом: "Как кошка слезает с дерева – головой вниз или головой вверх?" При этом исполнители с издевкой заявили, что этот вопрос еще не решен». Фестивальную редакцию закрыли, я вынужден был уйти со студии. От ВВВ не осталось ни одного кадра, поскольку телевидение шло в прямом эфире — видеозапись еще не изобрели. Ну а через четыре года редактор вновь созданной молодежной редакции Лена Гальперина пожаловалась мне, что на телевидении скучно. И попросила сделать что-то вроде ВВВ, отважно прибавив, что ответственность берет на себя. И мы втроем, Алик, Миша и я, снова собрались и за месяц

«Я родился при восходе всемирного телевидения»

придумали передачу — конкурс студенческих команд. В самый последний момент, в ночь перед сдачей сценария, взяли как название популярную марку нашего телевизора — он назывался КВН, по первым буквам фамилий его изобретателей. Вот мы буквы и расшифровали как «Клуб веселых и находчивых». 8 ноября 1961 года прошла первая передача цикла КВН. А закрыли его в 1972 году. Но он продолжал существовать на всем пространстве страны и существовал в какой-то мере как протест, как возможность естественного выхода чувств, эмоций в шуточной форме. Придуманная нами структура работала без трансляций 14 лет, память о КВН обрастала легендами, поэтому, я думаю, он и возник снова.

– *Вы еще до закрытия КВН ушли из редакции. Или вас ушли?*

– Нет, тут такая ситуация. Три первых года мы полностью все сценарии писали, и к тому же вскоре КВН начал вести Алик Аксельрод со Светланой Жильцовой. Вел блистательно. Он был великолепный импровизатор. И вообще, когда передачу ведет автор, подвохи живого эфира ему не страшны. У нас было столько идей, что редакции с нами было хоть и интересно, но довольно беспокойно. А у них и так жизнь была нервная — каждый выпуск на грани риска. Начальство давило: смените ведущего Аксельрода, нужно подыскать русского мальчика. Тогда это было очень вызывающе, что самый популярный в стране ведущий — еврей. Я никогда не хотел выяснять дурно пахнущих деталей, может, впрямую Алику и не сказали, мол, ты еврей и не лезь в кадр.

– *Мне Альберт Юльевич рассказывал, что понимал подоплеку, ему даже это говорили, но как бы неофициально.*

– Так или иначе, было сделано вполне расистское предложение — уйти за кадр, скромно писать сценарии вместе со мной и Яковлевым. И когда его отстранили от ведения, мы все троим отказались работать в передаче.

– *А как Александр Масляков появился в КВН?*

– Чтобы заменить Алика, устроили конкурс на ведущего и отобрали Сашу, который до этого был то ли болельщиком команды своего института, то ли членом команды. Он пленил отбирающих — обаятельный, очень молодой, непосредственно держался. Ничего больше и не было нужно.

Сергей Муратов

– *Как вы относитесь к тому, что сегодня КВН связывают только с именем Маслякова?*

– Ну, если бы Маслякова не было, не было бы и продолжения КВН. Хотя, собственно, сама идея восстановить КВН в 1986 году принадлежит Андрею Меньшикову, бывшему капитану очень сильной команды МИСИ, в которой, в частности, играли будущий депутат Госдумы Владимир Семаго, будущий телеведущий Леонид Якубович и будущий народный артист России Геннадий Хазанов. Но все-таки передача до сих пор существует благодаря Маслякову, хотя там наверняка есть свои препятствия и сложности. Он же хорошо ведет, поэтому у меня к нему никаких претензий нет. Нигде он не заявляет, кстати, что придумал КВН, нету этого.

– *Почему вы не зарегистрировали вашу идею?*

– Мы тогда сходили в отдел по охране авторских прав, и, хотя программа была сверхпопулярная, нам сказали: «Увы, ничего не можем сделать». Наверно, что-то тогда нам в голову не приходило или в отделе авторских прав нам не подсказали. В то время вообще на телевидении не принято было что-либо регистрировать.

– *Вы потом что-то делали для телевидения?*

– Мы много чего потом сделали на телевидении втроем: литературные викторины, киновикторины... А я написал десятки телесценариев для литературного телетеатра. Делал передачи о Вольтере, Эразме Роттердамском, Даниэле Дефо, Рабле... Крайне интересное было время.

– *Я смотрю и немецкое телевидение, и французское. На мой взгляд, именно на отечественном телевидении очень много пошлости. Почему?*

– Ну как почему? Один деятель, поклонник Би-би-си, заметил, что обществу телевидению нужны деньги, чтобы делать программы, а коммерческому вещанию нужны программы, чтобы делать деньги. Они создают не те программы, которые делают людей лучше, а те, которые делают создателей еще богаче. Собственно, в этом и есть ответ на вопрос. всю жизнь я полагал, что родился при восходе всемирного телевидения. Когда пришел на студию, в 1955 году, те, кто делал программы, были уверены, что работают для будущего искус-

«Я родился при восходе всемирного телевидения»

ства, что со временем телевидение станет искусством. И надо сказать, зрители тоже в это верили. Во всяком случае, никому не приходило в голову, что оно может стать антиискусством. Идеализация будущего телевидения у меня была всегда – я его считал кратчайшим расстоянием от человека к человечеству. Но сегодняшнее телевидение не приобщает, а отторгает людей от художественной культуры, рождая обескультуренную аудиторию. Вот это действительно очень неприятная новость. Цивилизация обязана 500-летней истории книгопечатания, но в наши дни большинство людей книг не читает, а единственное равновеликое книгопечатанию средство – телевидение – объявлено только развлечением, ну и немного информацией, преподносимой как развлечение. Раньше цензура была реакцией высокого начальства на опасные мысли. А сегодня на телевидении – цензура коммерческая, которая реагирует на опасность наличия всякой мысли вообще. И пропаганда никогда не исчезла, она в других формах существует. Последняя вспышка происходила в 2010 году на «Пятом канале». К нашему изумлению, он действительно стал пространством мысли. Но к началу 2011 года было объявлено, что все эти программы ликвидируются. История нашего телевидения – чередование времен, когда идут телевизионные поиски, с временами, когда всяческие поиски сворачиваются. Развитие телевидения определяют не художники, изобретатели, авторы, а социальные перемены.

– В одном из интервью Юлий Гусман сказал, что КВН – единственное великое изобретение отечественного телевидения.

– Подобная фраза довольно часто произносится. КВН – очень немногое, самостоятельно придуманное на нашем телевидении. Я ссылался в свое время на Леонида Лиходеева, который сказал, что КВН – это то, собственно, ради чего выдуманно телевидение. Может, это и справедливо. Что же касается меня, то для меня КВН – дело ушедшей молодости, я давно занимаюсь всякими другими делами, которые мне нравятся не меньше. И возможно, на том свете буду отчитываться вовсе не игрой КВН.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Автор этой книги – человек уникальный.

Во-первых, по своей основной специальности он – переводчик с монгольского (много вы их встречали?).

Во-вторых – он один из трех авторов-изобретателей КВНа, как вы понимаете, это достойно, как минимум, включения в экспозицию музея восковых фигур мадам Тюссо.

В-третьих, он профессор, причем настоящий, с кандидатской и докторской диссертациями, что среди телевизионщиков, не отличающихся высокой образованностью, явление довольно редкое.

Полвека с лишним Сергей Александрович сеет разумное, доброе, вечное на ниве ТВ. К сожалению, выросшее на ней не совсем соответствует посеянному. Но это уже вина «теле-сельхозпрактики».

Он знает о телевидении все. Особое удовольствие доставляют споры с ним о тех или иных деталях старого ТВ, великого и могучего, которое помнят уже единицы. Наши споры порой напоминают старый анекдот о том, что все динозавры на самом деле были одинаковы, просто археологи собирают их скелеты по-разному. И мы зачастую спорим о взаимосвязи и взаиморасположении левой пяточной косточки с правым ногтем.

За долгие годы нашего знакомства и дружбы, в нашей компании, которая, увы, сжимается как шагреневая кожа, переговорено, переспорено и, не буду скрывать, выпито не только чаю, но и других благородных напитков, немерено.

Спорить и слушать профессора, несмотря (извини, Сережа, за правду) на некоторое занудство, одно удовольствие. Читать его книги полезно и приятно. Но последняя книга меня поразила.

Ощущение, что писал ее азартный, бойкий, в чем-то даже наглый аспирант, прошедший школу КВН.

Умно и весело, трудно соединимые субстанции, но автору это удалось. Думаю, надо рассматривать подобное явление как приход «второго дыхания».

В советское время ходил такой анекдот. «Из письма на ТВ. Вчера вы сообщили, что американские трудящиеся недоедают. Нельзя ли недоеденное ими прислать нам в райцентр». Автор книги скромно сообщает читателю, что в ней собран ворох суждений, ранее не использовавшихся. Перефразируя письмо из райцентра, обращаюсь к издателям с просьбой. Если здесь ранее не печатавшееся, нельзя ли переиздать выходившее ранее.

Автор любит ТВ и телезрителя. Чего стоит один заголовок «Я думаю, ты думаешь...». А мне казалось, что сегодняшнее ТВ так уже о своем зрителе не думает.

Книга – признание в любви к великому, ужасному, проклинаемому и восхваляемому телевидению, любви, пронесенной через десятилетия.

Все-таки ты – романтик, профессор!

*Анатолий Лысенко
Президент Академии международного телевидения*

СОДЕРЖАНИЕ

Что-то вроде пролога	3
ЭТЮДЫ ОБ ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ	5
Психология почемучек	7
Почему в сыре дырки?	9
Принудительное необучение	11
Постановка вопроса о постановке вопроса	13
Первобытные люди и дети природы	14
Тот, кто постоянно ясен... ..	17
Одно мгновение торжества	17
«Сам Толстой сказал...»	19
«Все так думают...»	20
Да ведь это же очевидно!	22
Все реки текут на север	24
Нам удобнее жить не в мире, каков он есть, а в мире, к которому мы привыкли	26
Ничего нет опаснее человеческой мысли, с которой ты не согласен	28
Апология сумасшествия	29
Кто рассказывает сказки	30
ЗАЧЕМ ЛЮДЯМ СЛОВА?	33
Кавалер де Грие, кого ты любишь?	36
Магнетизм стереотипизации	38
Был ли Эпикур эпикурейцем?	39
Что общего между человеком и попугаем?	40
Кто же вы, великие упростители?	42
И снова о «Лебедином озере»	47
Мозг – замечательный механизм... ..	48
Еще раз о пословицах	51
О пользе сомнений	52
Радость осознанного незнания	53
НУЖНО ЛИ ОБЩЕСТВУ ТЕЛЕВИДЕНИЕ?	57
Об узких специалистах	60

Общественный интерес	61
Расхожее мнение – во власти власти	69
Телевидение как искусство или как шприц для идеологических инъекций?	73
Массовое сознание и культура	77
Минздрав предупреждает...	80
КАК ВОСПИТАТЬ ПЕДАНТОВ	81
Кое-что об умниках и послушниках	84
Упрощение как боязнь противоречий	90
Познающий дух – антипод обыденного сознания	93
Провидец из Темиртау	99
Закон заслуженного собеседника	102
А почему, собственно?	105
МИФОЛОГИЯ ВСЕДОСТУПНОСТИ	107
Как вы относитесь к кварку?	109
Не слишком ли мы умны?	110
Закон Архимеда и Нефертити	116
О вкусах – спорят	118
Ваше море недоступно широким массам	126
ГРОЗИТ ЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ БЕССМЕРТИЕ?	133
НЕ МОГУ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ РОСКОШИ БЫТЬ ПЕССИМИСТОМ	145
Я оказываюсь ровесником телевидения	148
Как кошка слезает с дерева	150
Телевидение глазами ветерана	151
О новом слове...	152
«Око века»	154
Революция разговорных жанров	159
Не наш формат	161
Восхождение к истокам?	163
Приложение	
Я родился на рассвете всемирного телевидения	166
Послесловие.	172

Сергей Муратов

Я ДУМАЮ, ТЫ ДУМАЕШЬ...

Дизайн и верстка

Обложка
Баланцева А.В.

Корректор
Лапина С.В.

Подписано в печать 00.00.2012.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Franklin Gothic Book C.
Печать офсетная. Объем 7.33 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 641

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»
105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, д. 46.